8
K835

Фонд
Редкой книги

114

Фонд
«Редкой книги

8Р1
К835

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

СЛУЖБѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРАХЪ

(съ приложеніемъ его неизданнаго портрета съ автографомъ, записокъ и ненапечатанныхъ писемъ).

„Да! было время золотое,
И онъ главенствовалъ у насъ“...

Воспоминанія его секретаря

Н. А. Кропачева.

РЕД.Ф.

Изданіе М. Н. Долежго-Грабовскаго.

С 76654
пов

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1901

Волгоградская областная
библиотека
им. М. Горького

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.
2543

Ф.139



Ku Kochanej Annie ode swej Przyjaciółki

11 Maja 1874 r.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Всѣмъ извѣстно, что на ряду съ фонъ-Визиномъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ, незабвенное имя величайшаго изъ русскихъ драматурговъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ, А. Н. Островскаго, къ счастію, еще при его жизни, обезсмертилось неувядаемою славой на всѣ времена.

Но творческая служебная дѣятельность А. Н. Островскаго при Императорскихъ Московскихъ театрахъ, гдѣ онъ непосредственно завѣдывалъ художественною частію до сихъ поръ мало кому извѣстна. Съ нею, безспорно, первыми познакомились читатели „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которыхъ, подъ обозначеннымъ на обложкѣ моего изданія заглавіемъ, печатались весьма любопытныя воспоминанія Н. А. Кропачева, бывшаго секретаремъ покойнаго А. Н. Островскаго. Многія мѣста изъ этихъ интересныхъ воспоминаній были цитированы въ свое время другими какъ столичными, такъ и лучшими провинціальными газетами.

Находя съ своей стороны трудъ автора, составляющій отдѣльное цѣлое изъ жизни знаменитаго дѣятеля—художника и симпатичнаго администратора на его служебно-театральномъ поприщѣ, единственнымъ

пока въ своемъ родѣ цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу, я, будучи усерднымъ почитателемъ А. Н. Островскаго, по личной иниціативѣ принялъ на себя изданіе настоящихъ воспоминаній, которыя, какъ видно изъ „Предисловія“ ихъ автора, значительно теперь дополнены.

Михаилъ Доленго-Грабовскій.

Терновый Вѣнецъ,
Екат. губ. Верхнеднѣпр. уѣзда.
$19\frac{8}{IX}00$ г.

Островскому.

Островскій тѣмъ великъ
И славны тѣмъ его предъ обществомъ заслуги,
Что въ глубину души народа онъ проникъ,
И всѣмъ намъ указалъ тамъ скрытые недуги.

1847—1872.

Адресъ артистовъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ русской драматической труппы.

* * *

Какъ витязь духа благородный,
Всегда правдивый и свободный,
Порокъ и зло ты обличалъ.
Честной боецъ духовной рати,
Прими-жъ отъ насъ, своихъ собратій,
Дань уваженья и похвалъ,—
И съ нею — дань благодаренья,
Какія намъ ты доставлялъ.
Пройдутъ года,— дойдетъ отъ дѣдовъ
Ко внукамъ трудъ почтенный твой,—
И Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ
Съ тобой вѣнецъ раздѣлятъ свой.

Ѳ. Б. Миллеръ.

9 апрѣля 1872.

* * *

Душенька русская, солнышко красное,
Радость актерская, творчество ясное,
Типовъ создатель ты многаго множества,
Блещутъ всѣ свѣтлою правдой художества.
Всѣ твои рѣчи, не мимо идущія,
Къ жизни, къ народу, и къ свѣту зовущія,
Изъ рода въ родъ и отъ дѣда ко внуку
Передаваться будутъ въ науку...
. . . . . .

Артистъ М. А. Дурново.

14 февраля 1882.

Памяти Островскаго.

Незамѣнимая, тяжелая утрата
Такъ неожиданно постигла снова насъ.
Увы! Островскій тамъ, откуда нѣтъ возврата,—
Свѣтильникъ генія таинственно угасъ!
Нѣтъ словъ, чтобъ выразить объявшія насъ чувства,
Не передастъ языкъ гнетущую печаль!
Скончался дѣятель великаго искусства!
Кому не дорогъ онъ?! Кому его не жаль?!
Такъ много онъ даровъ принесъ для Мельпомены,—
И новые дары ей могъ онъ принести,—
И лавры славные за творчество для сцены
Опять торжественно въ вѣнкѣ своемъ вплести!
Какъ тотъ[1]), кто въ творческихъ порывахъ вдохновенья
Невидимо рыдалъ сквозь зримый міру смѣхъ,

---

[1]) Н. В. Гоголь.

Изобразилъ онъ намъ житейскія явленья:
Любовь и ненависть, и доблести, и грѣхъ!...
Въ его твореніяхъ, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ,
Какъ нами властвуютъ и разумъ, и душа,
Какъ любимъ мы и какъ мы ненавидимъ,
Чѣмъ наша жизнь страшна и хороша!
Кому не дорогъ онъ?... Кому и гдѣ незнаемъ?...
Кто съ именемъ его въ Россіи не знакомъ?...
Не всей ли Русью мы вѣнчали и вѣнчаемъ
Его творенія безсмертія вѣнкомъ?...
Покроетъ гробъ его лавровыми вѣнками,
Слезой ихъ оросивъ, вся Русская страна!...
Вѣка пройдутъ, смѣняяся вѣками,
Но памяти о немъ не сгладятъ времена!

С. Рыскинъ.

Іюнь 1886.

* * *

Какъ будто маніемъ волшебнаго жезла,
На сцену образы онъ вызвалъ передъ нами.
Въ нихъ жизнь кипучая такъ пышно разцвѣла.
Они живые всѣ... Не призрачными снами,
Не грезами встаютъ, но во плоти, въ крови,
Съ огнемъ живыхъ страстей, и злобы, и любви.
То страшно дикіе, порою и смѣшные,
А то и жалкіе подъ гнетомъ ихъ скорбей,
И угнетенные, и нравственно больные,
Но въ нихъ встрѣчаемъ мы своихъ враговъ, друзей,
Порой самихъ себя... Предъ нами жизнь простая
Въ своемъ теченіи обыденномъ видна;
На крыльяхъ времени обычно пролетая,
Въ дѣйствительности намъ наскучила она...
Вѣдь не титаны здѣсь, а карлики и гномы,

Такіе же, какъ мы... Они давно знакомы.
Но геній творческой лампадою своей
Такъ чудно озарилъ всѣ тайные изгибы
Ихъ душъ, и помысловъ, и чувства, и страстей,
Что мы какъ въ зеркалѣ магическомъ могли бы
Въ нихъ увидать себя... Когда они смѣшны,—
Не надъ собой ли тутъ смѣяться мы должны?
Во образахъ живыхъ встрѣчая жизни повѣсть,
Смѣемся, плачемъ мы... Слеза и смѣхъ порой
Сознанье будятъ въ насъ и дремлющую совѣсть.
Изъ жизни вызванный обыденный герой,
Ничтожный, сѣренькій, живущій вровень съ вѣкомъ
И съ темною средой родной своей глуши,
Становится живымъ безсмертнымъ человѣкомъ
Съ волненьемъ, бурями и тайнами души...
Творецъ ихъ опочилъ. Но вызвавъ къ вѣчной жизни
Всѣ эти образы изъ суеты земной,
Безсмертенъ онъ и самъ останется въ отчизнѣ
И не забудется родимою страной...
Покуда не угасъ во храмѣ Мельпомены
Священный жертвенникъ,—сквозь цѣлый рядъ вѣковъ
Въ тѣхъ образахъ живыхъ онъ будетъ съ русской сцены
Въ безсмертіи сіять, какъ лучъ изъ облаковъ...

Л. Пальминъ.

Іюнь 1886.

Вмѣсто предисловія.

Извѣстный писатель С. В. Максимовъ, заканчивая въ V-й книгѣ *Русской Мысли* за 1897 годъ свою статью „Александръ Николаевичъ Островскій“, между прочимъ, разсказываетъ о встрѣчѣ съ послѣднимъ Императора Александра III такъ:

„— Вы меня, надѣюсь, знаете, и Я съ вами знакомъ,— благосклонно встрѣтилъ Островскаго такими словами Государь Императоръ Александръ III 5-го марта 1884 года.—Очень радъ видѣть васъ у себя и познакомиться съ вами лично“.

„И, отпуская, изволилъ прибавить:

„— Поручая вашему вѣдѣнію свои театры, Я увѣренъ, что они будутъ въ хорошихъ рукахъ. Дѣлайте все, что найдете полезнымъ для процвѣтанія ихъ“.

По сноскѣ видно, что свѣдѣнія эти онъ почерпнулъ изъ *Русскаго Обозрѣнія* 1886 г. (?)

Дѣйствительно, слова, приписываемыя Государю, подлинно взяты изъ „Матеріаловъ“ г. И. К., напечатанныхъ въ іюньской книгѣ *Русскаго Обозрѣнія* 1896 (а не 1886) года, съ тою только разницей, что, по „Матеріаламъ“, они были произнесены Государемъ въ 1886 году, когда будто А. Н. Островскій ѣздилъ въ Петербургъ представляться покойному Императору, по назначеніи его завѣдывающимъ репертуарною частію Императорскихъ Московскихъ театровъ, а не 5 марта 1884 года, какъ сообщаетъ С. В. Максимовъ.

И то, и другое невѣрно!

Въ 1886 году А. Н. Островскій, правда, ѣздилъ Великимъ постомъ въ Петербургъ благодарить лишь одного министра Императорскаго Двора, которому, главнымъ образомъ, онъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ, принятымъ и одобреннымъ впослѣдствіи самимъ Государемъ Александромъ III. Не мало содѣйствовалъ таковому назначенію и бывшій управляющій Контролемъ Министерства Императорскаго Двора, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Н. С. Петровъ, который, въ отсутствіи министра, замѣнялъ его.

5 же марта 1884 года А. Н. Островскій имѣлъ счастіе представляться и благодарить лично Императора Александра III за Высочайше дарованную ему пенсію, за 35-лѣтніе въ качествѣ драматическаго писателя литературные труды его для отечественной сцены, и пожалованную ему же золотую табакерку съ брилліантовымъ изображеніемъ имени Государя, за участіе его въ коммиссіи „для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго вѣдомства“. Объ этомъ, впрочемъ, уже было сообщено въ моихъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ въ іюньской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* 1897 года.

Что завѣдываніе училищемъ и репертуарною частію Императорскихъ Московскихъ театровъ, и вообще отдѣленіе послѣднихъ подъ особое управленіе, не безъ хлопотъ достались А. Н. Островскому, можно видѣть изъ приводимаго мною въ I главѣ настоящихъ воспоминаній его письма ко мнѣ изъ Щелыкова, его имѣнія Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, отъ 29 августа 1885 года. Письмо это, въ числѣ прочихъ писемъ и бумагъ, сдано мною въ театральную библіотеку А. А. Бахрушина, извѣстную Москвѣ.

На это мое разъясненіе, напечатанное 28 сентября 1899 года въ № 267 *Московскихъ Вѣдомостей*, не послѣдовало однако ни съ той ни съ другой стороны никакого возраженія, а „молчаніе есть знакъ согласія“.

Что какъ починъ такъ и совершившійся фактъ обособленія съ 1 января 1886 года Императорскихъ Московскихъ театровъ всецѣло принадлежали неутомимымъ и энергичнымъ заботамъ Островскаго—это можно видѣть изъ его собственныхъ писемъ къ бывшему управляющему названными театрами, А. А. Майкову, передавшему мнѣ ихъ въ числѣ *одинадцати* въ даръ, за который я безконечно признателенъ Аполлону Александровичу, при слѣдующемъ письмѣ 24-го марта 1900 года:

„Многоуважаемый
Николай Антоновичъ.

„Письма Александра Николаевича Островскаго, которыя я передалъ вамъ черезъ Александра Александровича Островскаго [1]), предоставляю въ вашу собственность для поступленія съ ними по вашему усмотрѣнію. Ваша статья въ нѣсколькихъ №№ *Московскихъ Вѣдомостей* о службѣ покойнаго А. Н. Островскаго исполнена совершенной правды и дышетъ тѣмъ искреннимъ чувствомъ глубокаго почитанія и горячей любви къ памяти покойнаго, которыя и я вполнѣ съ вами раздѣляю, какъ слабую дань заслугамъ въ литературѣ, на службѣ и въ жизни нашего незабвеннаго друга.

„Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и преданности.

Майковъ“.

За исключеніемъ одного частнаго письма, остальныя *десять* писемъ Александра Николаевича Островскаго, касающіяся обособленія Императорскихъ Московскихъ театровъ и не бывшія до сихъ поръ въ печати, съ необходимыми къ нимъ поясненіями и сносками, вмѣстѣ съ прочими бумагами Островскаго, помѣщены отдѣльно, въ *Приложеніяхъ* къ моимъ *настоящимъ воспоминаніямъ*, которыя, какъ и приложенія,

---

[1]) Старшій сынъ А. Н. Островскаго.

значительно полнѣе печатавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ концѣ 1899 и въ началѣ 1900 года.

По той позѣ, по тому выраженію лица и вообще всей фигуры, какимъ изображенъ Александръ Николаевичъ на прилагаемомъ къ моимъ воспоминаніямъ портретѣ, послѣдній могъ бы служить безподобнымъ образцомъ для сооружаемаго Островскому памятника въ Москвѣ. Портретъ былъ снятъ 30 апрѣля 1879 года, по приглашенію покойнаго художника И. Г. Дьяговченко, въ его фотографіи (на Кузнецкомъ Мосту, въ Москвѣ), перешедшей впослѣдствіи къ К. А. Фишеру.

Самъ Островскій, по собственному желанію, никогда не снимался и ко всѣмъ почти портретамъ, снимавшихся съ него, относился критически. Но портретомъ работы И. Г. Дьяговченко онъ остался доволенъ. Прилагаемая къ этому изданію фототипія исполнена К. А. Фишеромъ, у котораго, послѣ Дьяговченко, сохранился негативъ.

Н. Кропачевъ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

НА СЛУЖБѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРАХЪ

(Воспоминанія).

I.

Задумавъ посвятить послѣдніе годы своей жизни службѣ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ, которые, не подлежитъ сомнѣнію, въ безотрадное для нихъ съ 1882 года время, нуждались въ разумномъ и опытномъ для нихъ руководителѣ, Александръ Николаевичъ Островскій въ декабрѣ 1884 года закончилъ свою литературно-драматическую дѣятельность послѣднимъ оригинальнымъ произведеніемъ *Не отъ міра сего* и въ январѣ 1885 года выбылъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Подобно молодому мѣсяцу, въ Москву онъ показывался лишь изрѣдка, и то на самое короткое время. Цѣль этой поѣздки состояла въ окончательномъ разрѣшеніи съ давнихъ поръ занимавшаго его вопроса объ отдѣленіи отъ общей съ Петербургскими казенными театрами дирекціи Московскихъ казенныхъ театровъ подъ особое управленіе.

Въ хлопотахъ по своему дѣлу, онъ прожилъ въ Петербургѣ до наступленія весны, и въ маѣ выѣхалъ въ свое костромское, Кинешемскаго уѣзда, имѣніе, сельцо Щелыково, гдѣ обычно проводилъ лѣто до осени, для подкрѣпленія своихъ, замѣтно годъ отъ году падавшихъ, силъ. Однако, на этотъ разъ, и въ Щелыковѣ ему не поблагопріятствовало. Такъ, 24 мая онъ писалъ мнѣ: „Почти весь іюнь я пролѣчусь, а въ концѣ мѣсяца, вѣроятно, прибуду въ Москву“. Но Александръ Николаевичъ не пріѣхалъ.

Мнѣ извѣстно что, несмотря на свою мучительную болѣзнь,

онъ не переставалъ вести изъ Щелыкова дѣятельную переписку по интересовавшему его дѣлу и съ Петербургомъ, и съ Москвой.

Надо замѣтить что, даже отъ лицъ близкихъ къ нему, Александръ Николаевичъ въ глубокой тайнѣ хранилъ задуманное имъ дѣло. Мнѣ приходилось встрѣчаться у него съ А. А. Майковымъ, онъ ничего не говорилъ мнѣ о цѣляхъ его посѣщеній, хотя я интересовался этимъ. Вообще въ дѣлахъ серіозныхъ, не имѣвшихъ подъ собою надежной почвы, Островскій былъ несообщителенъ и на прямые отвѣты уклончивъ, что характеризуетъ его стойкую и твердую натуру: и журавля въ небѣ не сулилъ, и синицы въ руки не давалъ, пока самъ ихъ не имѣлъ.

4 августа 1885 года Александръ Николаевичъ писалъ А. А. Майкову что, по полученному имъ извѣщенію изъ Петербурга, съ начала сезона они, то-есть А. А. Майковъ и А. Н. Островскій, вступятъ въ управленіе театрами, и что поэтому онъ сдѣлалъ уже распоряженія по репертуарной части, начерталъ инструкціи и послалъ въ Москву, на имя одного лица письмо, съ требованіемъ составить списки текущаго репертуара и всѣхъ артистовъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать представленіе въ Петербургъ объ увольненіи безполезныхъ актеровъ, непроизводительно отягощающихъ бюджетъ.

Во второй половинѣ августа того же года, у попавшагося мнѣ на улицѣ продавца газетъ я купилъ заинтересовавшій меня № еще до тѣхъ поръ мною неслыханной, новой газеты *Жизнь*, изъ котораго, между прочимъ, узналъ что управляющимъ Императорскими Московскими театрами назначается А. А. Майковъ, а А. Н. Островскій — завѣдывающимъ художественною частію и школою тѣхъ же театровъ. Я крайне изумился: причемъ тутъ А. А. Майковъ? Отнесясь съ недовѣріемъ къ газетному сообщенію и желая выйти изъ заблужденія, я адресовался къ Александру Николаевичу за

разъясненіями, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее, заслуживающее вниманія, письмо:

„Щелыково, 22 августа 1885 г.

„Многоуважаемый
Николай Антоновичъ,

„Не смущайтесь никакими газетными слухами и будьте увѣрены, что все устроится такъ хорошо, какъ только желать можно. Отъ чего вы такъ возмутились извѣстіемъ, напечатаннымъ въ газетѣ *Жизнь* и почему считаете его нелѣпицей? Надо же кому-нибудь управлять хозяйственною частью; я такой отвѣтственной должности не возьму на себя ни за какіе милліоны. Если бы министръ попросилъ меня найти на это мѣсто человѣка, который, кромѣ безукоризненной честности, ни въ чемъ бы со мной не разногласилъ, совершенно подчинялся моимъ указаніямъ и, притомъ, былъ бы чиномъ не ниже статскаго совѣтника и имѣлъ званіе камергера, какъ вы думаете, на кого бы я долженъ былъ указать? Впрочемъ, пока нѣтъ формальнаго утвержденія, толковать объ этомъ преждевременно. Знайте одно, что если совершится ожидаемая перемѣна, то душой въ управленіи буду я и ни передъ кѣмъ, кромѣ [Министерства, отвѣтственнымъ не буду. Затѣмъ, до окончательнаго рѣшенія дѣла, которое не замедлитъ, *помолчимъ*.

„Искренно вамъ преданный

А. Островскій“.

„Помолчимъ“ подчеркнуто въ подлинникѣ.

„Безукоризненной честности статскій совѣтникъ и камергеръ“ былъ не кто иной, какъ бывшій управляющій Императорскими Московскими театрами А. А. Майковъ.

Отвѣчая на мое нетерпѣливое желаніе знать — какую роль предстоитъ мнѣ занять въ новомъ управленіи театровъ, казалось, будто Александръ Николаевичъ самъ терялъ надежду

на осуществленіе задуманнаго имъ плана. Вотъ его другое письмо:

„Щелыково, 29 августа 1885 г.

„Многоуважаемый
Николай Антоновичъ,

„Вы меня одолѣваете запросами; а дѣло не стоитъ еще на такой твердой почвѣ, чтобы я могъ отвѣчать совершенно ясно и точно. На ту службу, которая теперь открывается, вы разсчитывать не могли, потому что она, совершенно неожиданно, сваливается съ неба. Это счастье; а къ счастью быть особенно требовательнымъ и торопить его нельзя. Ко мнѣ оно приходитъ только подъ конецъ моей трудовой жизни, и я его жду терпѣливо.

„Не сердитесь на меня за письмо: я пишу вамъ *любя*, безъ всякаго раздраженія.

„Искренно преданный вамъ
А. Островскій“.

„Любя“ подчеркнуто въ подлинникѣ, и письмо мною сокращено, потому что все остальное касается лично меня и для читателя не интересно.

Правда, что „дѣло не стояло на твердой почвѣ“, ибо 14 дней спустя я получилъ письмо отъ начала сезона, открытаго прежнимъ режимомъ! Все это вышло къ лучшему: и самъ Александръ Николаевичъ съ лѣта еще не домогалъ, и А. А. Майковъ въ то же время не на шутку захворалъ *рожистымъ воспаленіемъ ноги*.

При сложившихся такъ печально обстоятельствахъ, все равно невозможно было вступить въ управленіе театрами.

Около первыхъ чиселъ октября, съ великимъ трудомъ и страданіями, Александръ Николаевичъ перебрался изъ Щелыкова въ Москву, гдѣ думалъ отдохнуть; а тутъ, на его

горе, пріѣхавшій изъ деревни раньше, къ началу учебнаго года, нѣжно любимый и талантливый сынъ его, студентъ, захворалъ брюшнымъ тифомъ. Такая печальная неожиданность окончательно разбила его слабыя силы, но духомъ онъ не падалъ и неутомимо работалъ надъ предстоящимъ театральнымъ дѣломъ. По мѣрѣ того, какъ здоровье сына улучшалось, и самъ Александръ Николаевичъ оживился, и около 4-го или 5-го числа ноября выѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ потребовалось личное присутствіе А. А. Майкова, какъ будущаго представителя Московской театральной власти. И Александръ Николаевичъ пишетъ А. А. Майкову письмо за письмомъ[1]). Наконецъ, собравшись съ силами, А. А. Майковъ полубольной выѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ декабря. Поѣздка эта увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ.

Обоихъ будущихъ руководителей Императорскихъ Московскихъ театровъ, по возвращеніи ихъ изъ Петербурга, въ субботу 14 декабря, на дебаркадерѣ Николаевской желѣзной дороги встрѣтили: семейство Александра Николаевича и вся, почти въ полномъ составѣ, драматическая труппа, изъ которой отмѣчаю дамъ: Г. Н. Ѳедотову, М. Н. Ермолову, Н. А. Никулину и О. О. Садовскую. Я былъ тутъ же. Съ тѣмъ же курьерскимъ поѣздомъ, я помню, прибылъ въ Москву и нашъ покойный знаменитый композиторъ П. И. Чайковскій. А. А. Майковъ, который послѣ тяжкой болѣзни былъ неузнаваемъ, раскланявшись съ знакомыми артистами, тотчасъ же уѣхалъ домой, а Александръ Николаевичъ, окруженный артистами, оставался нѣкоторое время въ вокзалѣ отдохнуть отъ утомленія въ дорогѣ. Здѣсь артисты упросили его распить съ ними шампанское, поздравивъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ и на „общую ихъ радость“ съ окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла. Свой своему поневолѣ другъ,

---

1) См. *Приложенія*: I. Ненапечатанныя письма А. Н. Островскаго.

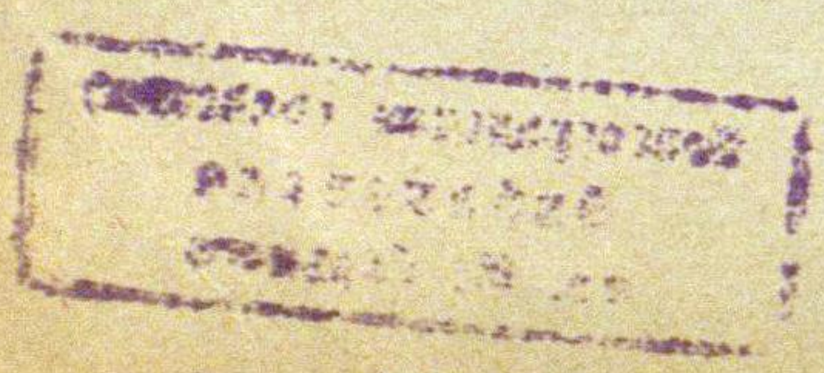
и, послѣ нѣкотораго колебанія, Александръ Николаевичъ сдался, поблагодаривъ артистовъ за радушный пріемъ. Пожеланіе ему „добраго здоровья и силъ“ покрыто было дружнымъ *ура!*...

— Ну-съ, если это доставитъ вамъ удовольствіе, будьте пока моимъ *личнымъ секретаремъ*. Это до новыхъ штатовъ. Тамъ будетъ вамъ другое назначеніе, а какое — пока не скажу. Въ накладѣ не останетесь. Главное—жалованья побольше.

Такими словами встрѣтилъ меня Александръ Николаевичъ у себя дома, умильно и весело глядя на меня. Я сердечно поблагодарилъ его за лестную для меня честь, выразивъ желаніе вѣчно остаться его личнымъ секретаремъ. Мы разцѣловались. И съ тѣхъ поръ, до вступленія еще въ театры, закипѣла работа у него на дому, можно сказать, съ утра до поздней ночи.

Маленькое отступленіе. Я познакомился съ Александромъ Николаевичемъ въ общемъ собраніи общества русскихъ драматическихъ писателей, 21 октября 1877 года (въ день 3-ей годовщины открытія общества). Съ тѣхъ поръ, обласканный имъ, я былъ принимаемъ въ его семействѣ какъ свой. Наша дружба до того окрѣпла, что онъ выпилъ со мной *брудершафтъ*, который я принялъ съ восторгомъ, но говорить ему *ты* отказался, предоставивъ ему сохранить это право за собой по отношенію ко мнѣ. Послѣ этого онъ называлъ меня *amicus* или *другъ*, и почасту говорилъ мнѣ *ты*.

Вернемся къ служебной дѣятельности. Какъ-то на святкахъ, во время нашихъ вечернихъ занятій, Островскій получилъ отъ А. А. Майкова письмо съ приложеніемъ другого письма, отъ бывшаго управляющаго театральною конторой, г. П—ова, которое А. А. Майковъ шутливо просилъ Александра Николаевича прочесть вмѣсто „святочныхъ забавъ“. Въ письмѣ своемъ г. П—овъ, становившійся въ недалекомъ



С 76654

Из книг Альфреда Лех

будущемъ въ подчиненіе А. А. Майкову, предлагалъ ему покровительственнымъ тономъ, если онъ желаетъ, справиться, когда онъ можетъ вступить въ управленіе театрами. Конечно, предложеніе г. П—ова, вызвавшее усмѣшку, оставлено было безъ вниманія.

— Хоть-бы въ святцы догадался заглянуть, какъ пишутся имена собственныя,—сказалъ Александръ Николаевичъ, подавая мнѣ письмо, въ которомъ „Аполлонъ“ было написано чрезъ двѣ буквы *п* и одну *л*.

Чего не случается съ людьми? И у глубокомысленнаго человѣка иногда въ головѣ дуютъ вѣтры со всѣхъ сторонъ компаса.

II.

Наступилъ 1886 годъ.

А. Н. Островскій 1 января, вмѣстѣ со вступившимъ уже въ управленіе казенными театрами А. А. Майковымъ, присутствовалъ на вечернихъ представленіяхъ въ Большомъ и Маломъ театрахъ.

На другой день, 2 января, Александръ Николаевичъ посѣтилъ театральную школу. 4 января официально представлялись новому управленію всѣ служащіе при Московскихъ казенныхъ театрахъ, а 6 числа того же мѣсяца Александръ Николаевичъ окончательно принялъ въ свои руки художественную часть театровъ.

Я находился пока не у дѣлъ, и впервые былъ вызванъ въ Большой театръ 9 января, къ представленію оперы *Мазепа*. Войдя въ кабинетъ при директорской ложѣ, я засталъ Александра Николаевича бесѣдующимъ во время антракта съ полицеймейстеромъ театровъ, К. И. Солини, которому Островскій отрекомендовалъ меня своимъ *личнымъ секретаремъ*, желая познакомить насъ, но мы объявили ему, что мы уже знакомы. Намъ приходилось встрѣчаться на сценѣ Малаго

Волгоградская областная библиотека им. М. Горького

театра, когда давалась моя небольшая піеса. Видимо расположенный къ г. Солини, Александръ Николаевичъ, по его уходѣ, отозвался о немъ съ большою похвалой.

Когда мы остались вдвоемъ, Александръ Николаевичъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ мнѣ:

— Ну, amicus, окунулся я въ омутъ; не знаю, какъ изъ него вылѣзу.

Подъ „омутомъ“ подразумѣвалась среда, въ которую вошелъ Александръ Николаевичъ,—отнюдь не театры. А среду того времени (не знаю какъ теперь) стоило назвать „омутомъ“.

Съ тѣхъ поръ мы почти неразлучно бывали на всѣхъ представленіяхъ того или другого театра.

Наравнѣ съ управляющимъ театрами, Александръ Николаевичъ имѣлъ право занимать директорскія ложи. Не имѣя опредѣленнаго помѣщенія для занятій, пока отдѣлывался кабинетъ при школѣ, мы занимались то въ режиссерской комнатѣ Малаго театра, то, исключительно по вечерамъ, когда не было спектаклей, на дому у Александра Николаевича. Нашъ репертуарно-школьный персоналъ состоялъ только изъ насъ двоихъ. Содержаніе всѣхъ бумагъ обдумывалось и намѣчалось Александромъ Николаевичемъ: важныя—составлялъ онъ самъ, прочія—поручалъ мнѣ. Переписка набѣло и веденіе входящаго и исходящаго журналовъ лежали на моей обязанности.

Положимъ, что для нашихъ занятій были открыты двѣ директорскія ложи, но намъ болѣе нравилось заниматься въ Маломъ театрѣ—этой излюбленной хороминѣ моего славнаго принципала-драматурга. И въ самомъ дѣлѣ, на подмосткахъ этой хоромины, если не включительно, то, за ничтожнымъ исключеніемъ, переиграли въ его піесахъ всѣ артисты драматической труппы.

Днемъ мы занимались въ режиссерской комнатѣ и изрѣдка въ директорской ложѣ, гдѣ, несмотря на устланный коврами

полъ, невыносимо дуло въ ноги, такъ что мы вынуждены были сидѣть въ галошахъ. Въ ложахъ, большею частію, происходили интимныя бесѣды съ управляющимъ театрами и другими офиціальными лицами, потому что, во время нашихъ служебныхъ занятій въ режиссерской комнатѣ, входъ въ послѣднюю былъ доступенъ каждому артисту, и Александръ Николаевичъ никого не желалъ стѣснять, пользуясь самъ чужимъ пріютомъ. Дежурнымъ капельдинерамъ не запрещалось впускать въ ложи безъ доклада и по вечерамъ во время антрактовъ разныхъ театральныхъ дѣятелей, какъ сценическихъ такъ и чиновныхъ, которые приходили по дѣлу.

Въ январѣ Александръ Николаевичъ возобновилъ постановкой на драматической сценѣ свою давно неигранную, болѣе двадцати лѣтъ снятую со сцены Большого театра, нѣсколько измѣненную въ дѣйствующихъ лицахъ, отчасти и въ текстѣ, комедію *Воевода* (*Сонъ на Волгѣ*), въ новой редакціи названную *Сцены изъ народной жизни XVII вѣка.* Ставилась она въ бенефисъ артиста Рыбакова.

Александръ Николаевичъ не могъ забыть какъ на одной изъ репетицій какой-то артистъ, прислонясь къ кулисѣ, чуть не рыдалъ, слушая симпатичное исполненіе О. О. Садовской, въ роли старухи, хватавшей за душу и по содержанію и по меланхолическому мотиву колыбельной пѣсни:

„Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!...“

Мотивъ пѣсни подслушанъ Александромъ Николаевичемъ въ Костромской губерніи. Онъ съ голоса сообщилъ его композитору В. Н. Кашперову, и тотъ переложилъ его на ноты.

Передъ постановкой *Воеводы* мнѣ было поручено, вмѣстѣ съ капельмейстеромъ Малаго театра, справиться не найдется ли гдѣ относящихся къ XVII вѣку нотныхъ мотивовъ нищенскихъ стиховъ и пѣсни разбойниковъ „*Внизъ по матушкѣ*

по Волгѣ“. Розыски оказались напрасными. Итакъ пришлось довольствоваться существующими мотивами.

Въ день перваго представленія автора дружно вызывали, и Александръ Николаевичъ благодарилъ публику поклонами изъ директорской ложи. Онъ ожидалъ, что піеса эта такъ же долго продержится на сценѣ, какъ нѣкогда *Аскольдова Могила*. Но вѣдь, все, что̀ остается на землѣ, остается въ живыхъ рукахъ.

Правды таить нечего: не говоря про чиновныхъ и другихъ имъ подобныхъ лицъ, находились и артисты, особливо выхоленные конторскимъ режимомъ, которые недоброжелательно отнеслись къ покойному драматургу. Всякаго жита по лопатѣ есть въ театрахъ, и въ нихъ особенно цѣпко держится интрига, въ сравненіи съ другими коллегіальными учрежденіями. Благодаря конторскому режиму, навербовавшему между сценическими дѣятелями услужливыхъ для себя угодниковъ, на что русскіе изъ первыхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не столь отважны,—результатомъ всего въ театрѣ получались общее неудовольствіе, вражда, придирки, кляузы, жалобы другъ на друга и полное разобщеніе между властями и отъ нихъ зависѣвшими, и у послѣднихъ между собою.

Въ такомъ „омутѣ“ дѣйствительно не легко было разобраться впечатлительному Александру Николаевичу. Самъ онъ былъ чуждъ всякаго кумовства и безпристрастенъ равно ко всѣмъ артистамъ, лишь бы грѣшки не водились за ними и, что говорится, не было бы рыльце въ пушку. Онъ одинаково цѣнилъ, защищалъ ихъ интересы и должную дань признательности платилъ по заслугамъ. Онъ внимательно выслушивалъ объясненія каждаго, но наушниковъ не терпѣлъ; къ совѣтамъ, иногда даже полезнымъ, относился осторожно. Вообще, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Островскій проявлялъ крайнюю осмотрительность.

III.

Если не ошибаюсь, около двадцатыхъ чиселъ января того же 1886 года мы водворились на новосельи. Обширный залъ въ зданіи театральной школы, выходившій четырьмя или пятью окнами въ липовый садъ, былъ обращенъ въ кабинетъ для Александра Николаевича. Обстановка его была слѣдующая: на окнахъ—портьеры изъ шелковой матеріи въ pendant изящнымъ свѣтлосѣрымъ обоямъ, безъ рисунковъ; легкая мебель—изъ двухъ дюжинъ стульевъ, нѣсколькихъ креселъ, дивана и преддиваннаго стола орѣховаго подъ воскъ дерева; среди кабинета, ближе къ задней глухой стѣнѣ, изъ того же дерева рабочій столъ на шкапикахъ, удобный по размѣру, съ различными на немъ принадлежностями для письма. Полъ же, во всю площадь затянутый по войлоку краснымъ сукномъ, вызвалъ усмѣшку на лицѣ Александра Николаевича.

— Нѣчто инквизиторское напоминаетъ отведенный намъ кабинетъ,—пошутилъ онъ,—кажись, казнить не наше дѣло, слава Богу. Не такъ ли, amicus?

Я выразилъ только свое удивленіе и порицаніе вкусу изобрѣтателя, очевидно, шутника, изъ конторскихъ чиновниковъ.

— А, вотъ, образокъ повѣсить—во лбу не хватило,—всматриваясь въ передній уголъ, замѣтилъ Александръ Николаевичъ,—ну, я пришлю свой.

Въ общемъ кабинетъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе.

— Сядемъ за работу. Ваше мѣсто здѣсь,—показалъ Александръ Николаевичъ отъ себя направо.

И облеченный въ вицъ-мундиръ, который, кстати сказать, присталъ къ его осанистой фигурѣ, онъ опустился въ кресло.

Прежде, чѣмъ открыть свои портфели, мы составили объявленіе о томъ, что завѣдующій репертуарною частію и школой Императорскихъ Московскихъ театровъ принимаетъ желающихъ его видѣть по дѣламъ, касающимся школы и сцены,

по вторникамъ и пятницамъ, отъ 12 до 3 часовъ пополудни, если дни эти не табельные и не праздничные. Объявленіе было вывѣшено около единственной входной двери въ кабинетъ, съ внѣшней стороны, гдѣ находились дежурный капельдинеръ для докладовъ и сторожъ для посылокъ.

Тутъ же онъ поручилъ мнѣ написать бумагу управляющему театрами съ просьбой предписать конторѣ не отрывать артистовъ отъ занятій по дѣламъ конторскимъ и вообще служебнымъ во время репетицій.

Первымъ посѣтителемъ заявился въ кабинетъ покойный артистъ К. П. Колосовъ, онъ же и инспекторъ школы, съ рапортомъ о состояніи послѣдней. Бѣдный ветеранъ драматической труппы страдалъ брайтовою болѣзнію и тупостью зрѣнія, такъ что входилъ въ кабинетъ ощупью, боясь наткнуться на что-нибудь или кого-нибудь задѣть.

Хотя больной артистъ и былъ словоохотливъ, но Александръ Николаевичъ его не задерживалъ и тотчасъ отпускалъ, а къ начальницѣ школы онъ выходилъ самъ въ пріемный залъ; посѣщалъ классы во время уроковъ воспитанницъ и воспитанниковъ (экстерновъ); заходилъ въ кухню, гдѣ осматривалъ провизію и пробовалъ кушанья; бывалъ въ столовой во время обѣда воспитанницъ; навѣдывался и въ лазаретъ, когда находились тамъ больныя. Прописанный врачомъ, для одной болѣзненной и малокровной воспитанницы Б—ной дорогой портвейнъ онъ покупалъ на свой счетъ. Начальницей Островскій не былъ доволенъ, а Колосова, просившагося на покой, не отпускалъ, хотя тотъ и признавалъ себя „первымъ кандидатомъ на тотъ свѣтъ“ и шутливо считалъ по пальцамъ, кого захватитъ съ собою на Ваганьковское кладбище.

По нравственному долгу, свое излюбленное дѣтище—театральную школу—Александръ Николаевичъ охранялъ и извнѣ. Отъ его бдительнаго ока не ускользнуло, что, на подобіе

perpetuum mobile, мимо стѣнъ школы, по Софійкѣ и Неглинной, встрѣчнымъ теченіемъ разгуливали прикрытыя цвѣтными платочками женщины сомнительнаго поведенія, благодаря близкому сосѣдству въ Китайскомъ проѣздѣ торговыхъ бань. А вѣдь десятки лѣтъ до Александра Николаевича никто изъ прежнихъ начальниковъ надъ московскими казенными театрами не обращалъ ровно никакого вниманія на такое шокировавшее школу обстоятельство, которому уже по смерти Островскаго положилъ конецъ бывшій управляющій театрами А. А. Майковъ.

Назначенные для пріема дни Александръ Николаевичъ отсиживалъ съ классическою аккуратностью. Исключая служащихъ и первыхъ артистовъ, по его распоряженію, входившихъ въ кабинетъ безъ доклада, всѣ другія лица записывались мною въ нарочно заведенные для того пріемные листы.

Въ этихъ листахъ отмѣчались мѣсяцъ и число пріемнаго дня, фамиліи лицъ принятыхъ Александромъ Николаевичемъ и его резолюціи. Иногда, не давая опредѣленнаго отвѣта слишкомъ требовательнымъ посѣтителямъ и кліентамъ, Александръ Николаевичъ, по уходѣ ихъ, взглянувъ на меня, молча выводилъ въ воздухѣ указательнымъ пальцемъ букву *о*, что значило: пиши—*отказать*.

Всякаго многоглаголиваго посѣтителя у Александра Николаевича хватало терпѣнія выслушивать до конца. Я удивлялся его нравственной мощи и такту, безо всякихъ колебаній въ тонѣ и движеніяхъ, одинаково спокойно и ровно говорить со всѣми, даже съ безчисленными кляузниками, которыхъ въ театрахъ не оберешься.

Отъ него всѣ уходили довольные; даже и тѣ, кому онъ ничего не обѣщалъ, потому что убѣдить умѣлъ мягко и ясно, такъ что нельзя было придраться. Разъ такихъ посѣтителей я насчиталъ до 52! Иные являлись просто изъ любопытства видѣть крупную литературную знаменитость и выходили сія-

ющіе и счастливые, особливо въ томъ случаѣ если Александръ Николаевичъ подастъ имъ руку.

Являлись и молодыя танцовщицы, уволенныя изъ балета, или сбитыя съ высшихъ окладовъ на низшіе произволомъ конторскаго режима 1882—83 г.г. Этихъ обездоленныхъ Александръ Николаевичъ принималъ безотлагательно, и все, что отъ него зависѣло и что въ состояніи онъ былъ сдѣлать, Островскій дѣлалъ для нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. И какъ радостно сіяло его лицо, если ему удавалось возвратить несчастнымъ произвольно отнятый у нихъ кусокъ насущнаго хлѣба.

Танцовщицы, выпущенныя изъ казенныхъ воспитанницъ, со способностями хорошихъ солистокъ, и оставленныя конторскимъ режимомъ (который назывался въ печати того времени не иначе какъ „поручичьимъ“) за штатомъ, подвергались экзамену въ присутствіи чиновниковъ театральной конторы, ничего не смыслившихъ въ дѣлѣ хореграфіи, и въ оцѣнкѣ стоявшихъ ниже экзаменовавшихся. Вообще, при сокращеніи балета, вѣроятно, руководствуясь личными симпатіями, контора оставляла на службѣ лицъ болѣе слабыхъ по искусству и вмѣстѣ съ тѣмъ поставила ихъ на высшіе оклады, а другихъ, болѣе заслуженныхъ, не хотѣла оставлять и на прежнемъ окладѣ, а если и оставляла, понизивъ окладъ, то безъ права на выслугу пенсіи. Конечно, все это глубоко оскорбило пострадавшихъ, и на конторскій режимъ 1882—83 гг. потекли жалобы къ высшему петербургскому начальству, точный и гуманный смыслъ предписаній котораго въ пользу пострадавшихъ контора отказывалась понимать.

Все это было извѣстно отзывчивому Александру Николаевичу, и онъ близко принималъ къ сердцу понятныя слезы угнетенныхъ.

Отмѣчу слѣдующій фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ.

Входитъ въ кабинетъ одна изъ уволенныхъ, цвѣтущая здоровьемъ молодая танцовщица Г—ва. Сѣтуя на прежній режимъ, который, въ лицѣ конторскихъ властей, непризнанныхъ судей хореграфическаго искусства, изгонялъ танцовщицъ, она изливала горькія жалобы на тѣ притѣсненія, какимъ подвергался низшій персоналъ балетной труппы. Жертвой такихъ притѣсненій она объявила и себя, танцовавшую въ *Снѣгурочкѣ* при первой постановкѣ этой оперы, и заслужившую похвалу отъ самого Александра Николаевича. Г—ва просила принять ее на открывшуюся въ кордебалетѣ вакансію.

— Да есть ли свободное мѣсто? обратился ко мнѣ Александръ Николаевичъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо. *Мы* напишемъ управляющему театрами. Вы будете приняты,—отечески ласково сказалъ Александръ Николаевичъ.

Г—ва мгновенно переродилась. Надо было видѣть ея восторгъ, какъ, захлебываясь отъ радости, она лепетала:

— Нѣтъ!... въ самомъ дѣлѣ?... Правда, Александръ Николаевичъ?... буду принята?

— Вѣрно говорю вамъ.

У Г—вой зардѣлись щеки, подернулись губы и брызнули изъ глазъ благодарныя слезы. Бросившись къ Александру Николаевичу, она поцѣловала его.

— Спасибо! Благодарю васъ, добренькій Александръ Николаевичъ!...

Трогательная сцена эта до сихъ поръ жива въ моей памяти. Былъ случай что въ припадкѣ горячей благодарности поцѣловала у Александра Николаевича руку одна артистка изъ драматической труппы.

Вскорѣ на счастье Г—вой, принятой на окладъ 300 р., открылась вакансія на 500 р., освободившаяся послѣ г-жи Н—ной, получившей для сравненія съ сверстницами свой

прежній окладъ въ 800 р., съ котораго была сбита произволомъ конторскаго режима. А на мѣсто Г—вой была опредѣлена одна изъ изгнанныхъ тѣмъ же режимомъ.

IV.

Въ дѣлѣ преобразованія художественной части однимъ изъ важныхъ проектовъ нужно признать задуманное Александромъ Николаевичемъ учрежденіе при Императорскихъ театрахъ *репертуарнаго совѣта* и *опернаго комитета* при немъ. Цѣль ихъ—избраніе и составленіе списка піесъ и оперъ для текущаго репертуара, разсмотрѣніе и оцѣнка драматическихъ и оперныхъ произведеній, представляемыхъ авторами, композиторами и переводчиками для исполненія ихъ на Императорскихъ сценахъ.

Заручившись на этотъ предметъ согласіемъ избранныхъ имъ компетентныхъ лицъ, 22 января 1886 года, онъ писалъ управляющему Императорскими театрами слѣдующее:

„Честь имѣю извѣстить ваше превосходительство, что вступить въ члены проектированнаго Репертуарнаго Совѣта изъявили согласіе слѣдующія приглашенныя мною лица: профессоръ и бывшій ректоръ Императорскаго Московскаго Университета, членъ Общества Любителей Русской Словесности Николай Саввичъ Тихонравовъ, профессоръ Московскаго Университета, членъ Общества Русской Словесности, членъ Шекспировскаго Общества въ Лондонѣ Николай Ильичъ Стороженко, хранитель Оружейной Палаты, членъ Общества Русской Словесности, извѣстный знатокъ стараго русскаго быта Николай Александровичъ Чаевъ, бывшій предсѣдатель Общества Русской Словесности, переводчикъ Шекспира и испанскихъ классиковъ Лопе-де-Вега и Кальдерона Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ и театральный рецензентъ *Московскихъ Вѣдомостей* Сергѣй Васильевичъ Флеровъ. Что же касается

опернаго комитета, то къ приглашенному вами и изъявившему уже свое согласіе г. Губерту, по моему мнѣнію, достаточно пригласить еще одного члена; тогда эти лица, совмѣстно съ капельмейстеромъ Альтани, хормейстеромъ Авранекомъ и режиссеромъ оперной труппы Барцаломъ, составятъ комитетъ достаточно полный. О лицахъ; приглашенныхъ мною и изъявившихъ согласіе принять участіе въ репертуарномъ совѣтѣ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство довести до свѣдѣнія г. министра Императорскаго Двора".

Къ сожалѣнію, осуществиться этому проекту не было суждено. Репертуаръ, попрежнему, остался въ путахъ режиссерско-чиновничьяго режима. Объ оперномъ комитетѣ и помину нѣтъ.

Александру Николаевичу очень не нравилось, когда, во время служебныхъ занятій, входили постороннія, непричастныя къ театрамъ, хотя бы и близкія намъ, лица. Онъ убѣдительно просилъ меня ни его, ни моимъ семейнымъ, словомъ, никому не сообщать о томъ, что̀ дѣлается и говорится у насъ въ кабинетѣ и въ театрахъ.

— Мнѣ очень не нравятся эти въ служебное время посѣщенія,—подкрѣпилъ онъ вторично свое неудовольствіе.

Когда случалось намъ засиживаться въ школѣ, Островскій приглашалъ меня „безъ отговорокъ" къ себѣ обѣдать, и мы, садясь въ наемную карету, отправлялись къ храму Спасителя, на Волхонку, гдѣ онъ жилъ въ домѣ князя Голицына.

За хорошимъ обѣдомъ, подкрѣпившись двумя рюмками водки и столовымъ кавказскимъ виномъ, которое у него не переводилось, хотя выписывалось съ мѣста, онъ удалялся въ свой кабинетъ и, обычнымъ порядкомъ, опустившись въ дубовое кресло за рабочимъ столомъ, выкуривалъ двѣ-три толстѣйшія крученки собственноручнаго приготовленія; а если клонило его ко сну, то уходилъ „на полчасика" отдохнуть.

Послѣ отдыха, напившись чаю, къ началу спектакля Остров-

скій уже присутствовалъ въ одномъ изъ театровъ. Когда же послѣ обѣда онъ не ложился отдыхать, то мы разбирались въ нашихъ бумагахъ или прочитывали неизвѣстныхъ намъ лицъ письма и ябеды, преимущественно направленныя противъ режиссерскаго и ему подобнаго начальства, которыя тутъ же рвались и предавались сожженію.

Между ябедами попадались и безыменныя рекламы въ родѣ, напримѣръ, такой:

„Пріѣзая Публика всепокорнѣйше проситъ поставить въ б. Театра, на этой недѣли, Фауста, до взоскресенья, съ участіемъ Г-жи Климентовой и Г-на Усатова чѣмъ много обяжутъ публику такъ какъ приходится бывать въ Москвѣ очень рѣдко для слышанія знаменитости—Публика“.

Изъ этой хитро сплетенной интриги и поддѣлки подъ еврейскій акцентъ замѣтно, что писалъ русскій, или же русская (почеркъ походитъ на женскій), во всякомъ случаѣ, завистливый врагъ г-жи Климентовой и г. Усатова, писавшій съ намѣреніемъ подорвать довѣріе расположившагося къ нимъ, за полезную службу сценѣ, новаго театральнаго начальства, за яко-бы рекламированіе самихъ себя. На этомъ письмѣ Александръ Николаевичъ положилъ резолюцію: „Оставить безъ вниманія: *А. Островскій*“.

Въ ущербъ своему здоровью, при энергическомъ содѣйствіи А. А. Майкова, Александръ Николаевичъ неуклонно преслѣдовалъ желанную цѣль поставить ввѣренные имъ обоимъ Императорскіе Московскіе театры на принадлежащую имъ по праву степень порядка и славы. Предавшись благородной мысли оправдать возложенное свыше на нихъ довѣріе, онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая или явленія въ жизни театровъ, чтобы не принять въ нихъ самаго горячаго участія, даже и тогда, когда явленія не входили въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, однажды, въ присутствіи Александра Николаевича, возникъ разговоръ о ка-

кихъ-то деньгахъ, невыданныхъ прежнимъ управленіемъ будто бы портнымъ за ихъ неурочныя работы по ночамъ. Александръ Николаевичъ призвалъ портныхъ и портнихъ для личныхъ объясненій, и, когда тѣ изложили ему подробно суть дѣла, приказалъ имъ составить бумагу и препроводилъ ее къ А. А. Майкову.

Случилось и еще одно любопытное явленіе. Для бенефиса М. Н. Ермоловой ставилась *Марія Стюартъ*, трагедія Шиллера. „Благонадежный“ подрядчикъ, представленный Александру Николаевичу начальникомъ бутафорскаго склада г. Т—мъ, за постройку кресла для трона королевы Елисаветы объявилъ цѣну 150 рублей! Александръ Николаевичъ отклонилъ „благонадежнаго“ подрядчика и по уходѣ его сказалъ:

— Мой подрядчикъ сдѣлаетъ это за 15 рублей.

Всѣ, кто присутствовалъ при этомъ, согласились съ нимъ.

Мнѣ пришлось присутствовать и при довольно патетической сценѣ отрѣшенія временно завѣдывавшаго репертуаромъ чиновника особыхъ порученій П—ева управляющимъ театрами отъ должности,—сценѣ, происходившей въ директорской ложѣ Малаго театра.

Откровенно сказать, П—евъ не могъ пользоваться расположеніемъ Александра Николаевича, и самъ былъ виноватъ. Будучи хозяиномъ сцены, онъ чуть ли не снялъ съ репертуара всѣ его піесы. Безусловно вся печать протестовала и осуждала за это заправилъ драматической сцены въ частности и конторскаго управленія — въ общемъ, потому что, „гдѣ рука, тамъ и голова“.

На мѣсто П—ева чиновникомъ особыхъ порученій опредѣлился нѣкто О—въ, нынѣ умершій. Для управляющаго театрами А. А. Майкова рекомендованный ему кѣмъ-то О—въ былъ находкой, какъ хорошій знатокъ театральнаго хозяйства. Юркій и пронырливый, онъ всѣмъ своимъ существомъ оправдывалъ на себѣ французскую поговорку: „il sait tout,

il voit tout, il fourre son nez partout“. Передъ сильными О—въ лебезилъ, передъ равными ломался, передъ младшими кичился и подымалъ носъ.

Спасибо, лицемѣріе въ театрѣ не новость, и тамъ его сразу раскусили. Придворные драматическіе артисты, перешедшіе съ провинціальной сцены, ахнули, пораженные появленіемъ при новой дирекціи такого субъекта. Оказалось, что въ качествѣ какого-то провинціальнаго театральнаго аферista онъ былъ извѣстенъ имъ съ неблаговидной стороны. Слухъ объ его дѣяніяхъ не миновалъ ушей Александра Николаевича. Артисты обрисовали ему всю прошлую, довольно-таки неприглядную, дѣятельность О—ва, и О—въ былъ назначенъ „въ сломку“; но онъ служилъ при театрахъ и послѣ кончины Александра Николаевича.

Я былъ лично знакомъ съ П—евымъ и жалѣлъ его. Вся бѣда его была въ томъ, что „особыя порученія“ его состояли въ завѣдываніи репертуаромъ, которымъ вертѣли и портили его, конечно, больше другіе, нежели онъ самъ; а вѣдь „два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ“, какъ справедливо замѣтилъ мнѣ Александръ Николаевичъ, удовлетворяя мое любопытство знать о причинѣ увольненія П. В. П—жева. Я увѣренъ, что онъ за чужіе грѣхи былъ „козлищемъ отпущенія“.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ и о П—овѣ. Еще за три года до моего поступленія къ Островскому на службу при театрахъ, я, какъ авторъ небольшой піесы, дававшейся на Императорской драматической сценѣ, изрѣдка видѣлся съ г. П—овымъ и, сказать правду, онъ производилъ на меня удовлетворительное впечатлѣніе, какъ внимательный и, даже, отзывчивый человѣкъ. Тогда я отказывался вѣрить всему тому, что оглашалось въ печати съ глумленіемъ о его служебной дѣятельности; но все то, что я теперь сообщаю о конторскомъ режимѣ, я частію слышалъ изъ устъ самого

Александра Николаевича и, когда уже служилъ вмѣстѣ съ нимъ при театрахъ, мнѣ убѣдительно передано — наиболѣе лицами, пользовавшимся всегда исключительнымъ расположеніемъ г. П — ова, и наименѣе — нелюбимыми имъ и, при вступленіи новаго управленія, не маскируясь, открыто ставшими на сторону и подъ защиту послѣдняго. За то вскорѣ, послѣ упраздненія новаго управленія, однихъ изъ нихъ — дѣловитыхъ чиновниковъ, обратившихъ на себя особое вниманіе Александра Николаевича, оставили за штатомъ, а другихъ уволили по истеченіи контрактнаго срока.

V.

Слушая какъ-то оперу *Вражья сила*, я спросилъ Александра Николаевича:

— Кажется, сюжетъ взятъ изъ вашей піесы *Не такъ жива какъ хочется?*

— Да, отвѣтилъ онъ, три акта я самъ написалъ, а остальные два Калашниковъ, когда мы разошлись съ Александромъ Николаевичемъ,—и добавилъ: Сѣрова тоже звали Александромъ Николаевичемъ.

Жалѣю, что я не догадался узнать подробностей объ ихъ размолвкѣ.

Къ справедливымъ протестамъ зрителей Александръ Николаевичъ относился чутко. Такъ, на что́ до него не обращалось вниманія, онъ поручилъ мнѣ анонсировать на афишахъ слѣдующее:

„Для удобства публики дирекція Императорскихъ Московскихъ театровъ покорнѣйше проситъ всѣхъ дамъ, занимающихъ мѣста въ креслахъ и амфитеатрахъ, снимать шляпы при входѣ въ зрительный залъ“.

Сердце Александра Николаевича наиболѣе тяготѣло къ

драматической труппѣ, и понятно почему. Расширеніе этой труппы и обезпеченіе служебнаго и матеріальнаго положенія ея артистовъ и артистокъ было завѣтною его мечтой, чего, къ его прискорбію, въ пору его завѣдыванія репертуаромъ, не допускалъ слишкомъ скромный бюджетъ, объ увеличеніи котораго онъ намѣревался настоятельно хлопотать до наступленія новаго сезона. Конечно, талантъ, усердіе и личныя заслуги должны были занимать при этомъ немаловажное значеніе.

Какъ для лицъ состоящихъ на государственной службѣ, такъ и для артистовъ Островскій желалъ установить **maximum** и **minimum** вознагражденія — равномѣрнымъ распредѣленіемъ окладовъ по роду исполняемыхъ ими ролей. Чтобы не ломать намѣченнаго репертуара и не портить сборы при какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, внезапная болѣзнь первыхъ и вторыхъ персонажей, вообще для отвѣтственныхъ ролей, онъ предполагалъ подготовить замѣстителей, то-есть дублеровъ, которые съ равнымъ успѣхомъ могли бы замѣнять ихъ и сдѣлаться со временемъ такими же любимцами публики.

Разъ зашла рѣчь о дублерахъ, приведу кстати слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто вскорѣ по вступленіи Александра Николаевича въ театры. 14 января 1886 года давалась піеса *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, которая шла передъ комедіей М. П. Садовскаго—*Душа—потемки*. Въ заглавной роли водевиля игралъ г. Правдинъ, который, по поднятіи занавѣса, вышелъ на сцену съ А. П. Щепкиной, исполнявшею роль дочери Синичкина. Не докончивъ начатаго монолога, Правдинъ вдругъ схватилъ за руку г-жу Щепкину и, увлекая ее за собою, стремительно убѣжалъ со сцены. Занавѣсъ тотчасъ опустили, и на авансцену явился режиссеръ, объявившій зрителямъ, что, по внезапной болѣзни г. Правдина, спектакль состояться не можетъ. Александръ Николаевичъ на этотъ разъ отсут-

ствовалъ. Что оставалось дѣлать публикѣ? Только идти въ кассу и взять свои деньги обратно.

Вотъ и пригодился бы дублеръ!

На третій или четвертый день въ одной газетѣ было сообщено, что въ тотъ вечеръ у г. Правдина случился „нервный обморокъ“. Что-нибудь напуталъ репортеръ; кажется, въ „обморокахъ“, даже и „нервныхъ“, не бѣгаютъ, а на сценѣ, для эффекта, ловкій актеръ только падаетъ.

Болѣзнь всякаго, тѣмъ болѣе полезнаго, артиста сокрушала Александра Николаевича; талантливыхъ же — въ особенности. Къ послѣднимъ, несомнѣнно, принадлежалъ общій любимецъ и сослуживцевъ труппы, и публики—драматическій артистъ М. А. Рѣшимовъ, матеріально очутившійся въ безпомощномъ состояніи, вслѣдствіе долговременной и неизлѣчимой болѣзни — чахотки. Онъ лѣчился на Югѣ Россіи и, съ окончаніемъ отпуска, собирался ѣхать въ Москву. Въ началѣ января Александръ Николаевичъ получилъ извѣстіе, что Рѣшимовъ, доѣхавъ до Севастополя, почувствовалъ себя очень нехорошо, и доктора принудили его возвратиться обратно въ Ялту. Всѣмъ сердцемъ соболѣзнуя талантливому артисту, Александръ Николаевичъ черезъ режиссера увѣдомилъ Рѣшимова, что отпускъ его будетъ продленъ до 20 апрѣля, съ производствомъ полнаго содержанія, и радѣлъ для него въ предѣлахъ возможнаго.

Закрывъ прежніе драматическіе классы, Александръ Николаевичъ проектировалъ открыть новые, по своей программѣ [1]), осенью 1886 года, съ наступленіемъ сезона. Поэтому онъ поручилъ мнѣ отобрать подписки отъ всѣхъ преподавателей бывшихъ классовъ объ отказѣ ихъ получать жалованье съ 1 января 1886 года. Двое изъ нихъ долго упорствовали:

---

[1]) См. *Приложенія*: II. Записка о театральныхъ школахъ и Дополнительная записка о тѣхъ же школахъ, при которой программа.

одинъ школьный учитель, другой—актеръ. Прочіе же отказались добровольно.

Однако, молва объ учрежденіи драматическихъ классовъ подъ руководствомъ самого Александра Николаевича живо облетѣла всю Москву. И, вотъ, о принятіи въ „классы“ потекли къ нему со всѣхъ сторонъ Москвы ходатаи разныхъ возрастовъ: отцы за сыновей, матери за дочерей, мужья за молодыхъ женъ, наконецъ и сами молодые претенденты обоего пола. Въ числѣ ходатаевъ, между прочимъ, въ пріемномъ листѣ записанъ былъ и покойный директоръ 1-го Московскаго кадеткаго корпуса генералъ-майоръ А. Н. Хаминъ, ходатайствовавшій о принятіи въ классы своей дочери. Также являлись претендентки на занятіе мѣстъ классныхъ дамъ и преподавательницъ.

Изъ такихъ претендентокъ, я помню, принята была въ кабинетѣ одна дама, немолодая, изящная, модно одѣтая, съ виду иностранка. По приглашенію Александра Николаевича занять мѣсто, она сѣла. На вопросъ его: „съ кѣмъ имѣю честь“ и т. д., она по-французски отрекомендовалась вдовой русскаго полковника Д—вой. На всѣ русскіе вопросы она отвѣчала по-французски. Александръ же Николаевичъ, на ея французскіе вопросы и изложенія, отвѣчалъ и гдѣ нужно спрашивалъ ее по-русски. Она прекрасно понимала русскій языкъ, но говорить совѣстилась по плохому произношенію; по той же причинѣ стѣснялся говорить по-французски и Александръ Николаевичъ. Но они отлично поняли другъ друга. Г-жа Д—ва просила принять ее въ воспитательницы въ театральное училище и подробно разсказала ему свое curriculum vitae, которымъ интересовался Александръ Николаевичъ.

Однажды, сидя въ кабинетѣ, я недоумѣвалъ, почему всегда такой аккуратный Александръ Николаевичъ долго не кажетъ глазъ. Меня не на шутку это безпокоило, и я нѣсколько

разъ, отрываясь отъ работы, выходилъ на лѣстницу, находившуюся внутри зданія и потому теплую, посмотрѣть, не идетъ ли Александръ Николаевичъ?

Я зналъ, что подниматься на высокую, особливо крутую лѣстницу для него, страдавшаго съ давнихъ поръ удушьемъ, было мукой и могло бы кончиться смертью на мѣстѣ. Но въ кабинетъ, находившійся хотя и во второмъ этажѣ, по отлогой съ низенькими ступеньками лѣстницѣ онъ подымался почти безъ отдыха, чѣмъ утѣшался самъ и даже другихъ убѣждалъ, что здоровье его будто улучшилось, какъ поступилъ онъ на службу.

Наконецъ, Островскій вошелъ въ кабинетъ блѣдный и видимо разстроенный. Поздоровавшись со мной и, не выпуская мою руку изъ своей, протяжно и точно сквозь зубы, задыхаясь, проговорилъ:

— Насилу влѣзъ на лѣстницу!

Это было 27 января, въ день внезапной кончины И. С. Аксакова отъ паралича сердца.

Аксаковъ съ осени поселился жить во флигелѣ, принадлежавшемъ тому же домовладѣльцу, князю Голицыну, въ главномъ зданіи котораго занималъ квартиру Александръ Николаевичъ. Управляющій домами, Нѣмецъ, прибѣжавъ впопыхахъ къ Александру Николаевичу, когда уже тотъ совсѣмъ собрался ѣхать въ школу, почему-то счелъ нужнымъ сообщить ему о кончинѣ Аксакова, умершаго въ креслѣ за своимъ рабочимъ столомъ. Съ Аксаковымъ онъ, какъ самъ сказалъ мнѣ, былъ знакомъ „шапочно“ и собирался быть на его паннихидѣ, тѣмъ не менѣе такая неожиданность на впечатлительнаго и нервнаго Александра Николаевича подѣйствовала удручающимъ образомъ. Можетъ быть, отъ домашнихъ онъ и скрылъ свое возбужденіе, но меня встревоженный видъ его крайне озадачилъ.

— Такой столпъ свалился!—задумчиво произнесъ Остров-

скій и, вздохнувъ, пророчески заключилъ:—и мой конецъ недалекъ.

VI.

По выраженію самого Островскаго, оба, то-есть онъ и А. А. Майковъ, были призваны въ Московскіе театры „не бездѣльничать? а работать, и будутъ работать насколько хватитъ ихъ силъ и оберегать отъ расточительности театральную казну“. Кромѣ того, по словамъ Островскаго, „А. А. Майковъ тѣмъ особенно дорогъ для театровъ, что онъ—бережливый и разсчетливый хозяинъ, а какъ безусловно честный и весьма состоятельный человѣкъ—неподкупимъ. Поэтому, заранѣе можно предвидѣть не въ отдаленномъ будущемъ большія сбереженія для Императорской казны“.

Непроизводительная затрата денегъ, въ самомъ дѣлѣ, ощутительно сказывалась во многихъ случаяхъ. Такъ, обративъ вниманіе на оркестръ, Александръ Николаевичъ нашелъ возможнымъ сократить въ немъ расходъ на первый случай до 6800 рублей; но съ уменьшеніемъ расхода оркестровый персоналъ остался неприкосновеннымъ въ своемъ составѣ.

Паденіе славнаго нѣкогда балета, отражавшееся на его ничтожныхъ сборахъ, очень смущало Александра Николаевича. А между тѣмъ, по бюджету на 1886 годъ, на балетъ было ассигновано 100000 р. и на бенефисы балетнымъ артистамъ 6702 руб.,—въ сложности цифра почтенная, о покрытіи которой и гадать было нечего, при вѣчно, болѣе чѣмъ на половину, пустомъ зрительномъ залѣ Большого театра, во время балетныхъ представленій. И при такихъ-то жалкихъ сборахъ главный режиссеръ его и балетмейстеръ (не говоря о другомъ режиссерѣ, получавшемъ 2000 руб. въ годъ), г. Богдановъ, хотя при этомъ онъ былъ и преподавателемъ танцевъ въ школѣ, награждался 9000-нымъ годовымъ окладомъ, со мздою, за яко бы благопріятное содѣйствіе успѣхамъ балета,

изъ полубенефиса, при негласно обязательныхъ при этомъ, но офиціально запрещенныхъ, подношеніяхъ отъ бѣдствующей труппы, за кулисами...

Я думаю, что не ошибся суммируя окладъ г. Богданова, потому что черпаю его цифру изъ хранящейся у меня памятной записочки Александра Николаевича, въ которой сказано: „Бенефисъ Богданову, получающему 9000 руб. жалованья.—Слѣдуетъ ли давать режиссерамъ?“

И, вообще, Александръ Николаевичъ имѣлъ въ виду заняться разсмотрѣніемъ „дѣла о наградныхъ бенефисахъ“. Кажется, онъ предполагалъ давать ихъ исключительно юбилярамъ изъ артистовъ, по истеченіи извѣстнаго срока службы, и одинъ общій артистамъ драматической труппы, получавшимъ наименьшее содержаніе, на томъ же основаніи, какъ это искони ведется для кордебалета. Что же касается главныхъ режиссеровъ, то, судя по его памяткѣ, надо было ожидать, что результатъ вышелъ бы неудовлетворительный въ смыслѣ поощренія ихъ наградными бенефисами.

Итакъ, какъ я сказалъ выше, паденіе балета сокрушало Александра Николаевича; онъ изыскивалъ средства и способы возстановить его въ прежнемъ блескѣ и шумной славѣ, чему, для почина, должны были служить *феерiи*, или волшебныя пiесы, при участiи,—кромѣ, главнымъ образомъ, балетныхъ,—и драматическихъ, и оперныхъ артистовъ и артистокъ.

Въ англiйскихъ фееріяхъ Александръ Николаевичъ нашелъ одну, которая ему понравилась, подъ названіемъ *Аленькiй Цвѣточекъ*, перевелъ ее самъ въ сотрудничествѣ покойнаго В. Ѳ. Ватсона, по сценѣ Дубровина, принятаго имъ въ драматическую труппу артистомъ, природнаго англичанина, прекрасно владѣвшаго русскимъ языкомъ. Переложеніе въ стихотворную форму этой феерiи и много другой наготовленной имъ работы Островскiй поручилъ извѣстной ему переводчицѣ А. Д. Мысовской, проживавшей въ Нижнемъ-Новгородѣ. По

его же предложенію г-жа Мысовская перевела съ французскаго, въ стихахъ, одноактную комедію *Сократъ и его жена (Socrate et sa femme)*, поставленную уже послѣ его кончины, въ слѣдующемъ сезонѣ, въ бенефисъ Н. А. Никулиной.

Можно судить изъ слѣдующаго эпизода, какъ обставлено было балетное дѣло до Александра Николаевича. Однажды онъ пожелалъ поставить балетъ *Конекъ-Горбунокъ*, балетъ никогда не сходившій прежде съ репертуара и всегда привлекавшій многочисленныхъ зрителей, и—увы!—потерпѣлъ пораженіе. Никто не повѣритъ, если мы скажемъ, что не нашлось для него балерины. Изъ исполнявшихъ до того времени наличныхъ танцовщицъ роль Царь-дѣвицы, Манохина и Станиславская отказались играть по болѣзни или, можетъ быть, по другой причинѣ, внушенной имъ, вѣроятно, отъ непосредственнаго ихъ (режиссерскаго) начальства, а г-жи Михайлова, Горохова и Калмыкова, съ реформы 1882—83 гг., не выступали въ главныхъ роляхъ и считали рискованнымъ явиться въ такой отвѣтственной роли.

На генеральной репетиціи балета *Свѣтлана, княжна славянская*, сочиненія балетмейстера Богданова, Александръ Николаевичъ освѣдомился у меня, какъ мнѣ нравится балетъ. Я отвѣтилъ, что,—можетъ, я и профанъ по части хореографіи,—балетъ непривлекателенъ, потому что, по моему мнѣнію, неуловимъ его сюжетъ и танцы вялы, а отъ декорацій я въ восхищеніи.

— А знаете, кто писалъ декораціи? Карлуша!

Я думаю, что К. Ѳ. Вальцъ не обидится на меня за то, что я такъ откровенно передаю интимную со мною бесѣду Александра Николаевича, слова котораго звучали сердечной теплотой.

Согласившись со мной насчетъ балета, Александръ Николаевичъ, усмѣхнувшись, сказалъ, что въ сороковыхъ годахъ въ балаганахъ подъ Новинскимъ онъ видѣлъ такія же пред-

ставленія, съ тою только разницей, что тогда, какъ увлекающемуся молодому человѣку, ему все нравилось: и танцы, и танцовщицы, и, пожалуй, декораціи, на которыя не обращалъ вниманія.

Къ режиссерскому управленію балетной труппы Александръ Николаевичъ, очевидно, не благоволилъ, что дало поводъ его недоброжелателямъ распространять сенсаціонные слухи, что будто Островскій хочетъ уничтожить балетъ. Онъ же, напротивъ, пригласилъ къ себѣ для личныхъ объясненій бывшихъ, давно ему извѣстныхъ „изгоевъ“ реформы 1882—83 годовъ, режиссера А. Ѳ. Смирнова, прослужившаго два слишкомъ полные срока на Императорской сценѣ, и балетмейстера С. П. Соколова, тоже пенсіонера, и рѣшилъ обоихъ призвать на сцену, къ началу новаго сезона.

Артисту балетной труппы В. Ѳ. Гельцеру онъ также намѣревался дать высшее назначеніе въ труппѣ и пристроить преподавателемъ танцевъ при балетномъ отдѣленіи въ школѣ.

За лицами режиссерскаго управленія Александромъ Николаевичемъ, въ числѣ многихъ, былъ подмѣченъ еще одинъ непростительный грѣшокъ, именно—заискивать у новаго начальства въ ущербъ репутаціи прежняго, хотя послѣднее имъ благопріятствовало. Грѣшокъ этотъ водился и за большинствомъ артистовъ всѣхъ труппъ, съ лисьимъ кокетствомъ ухаживавшихъ за новымъ начальствомъ, должно быть, по пословицѣ: „куда вѣтеръ вѣетъ, туда и вѣтку клонитъ“. Въ этомъ случаѣ необходимо сдѣлать исключеніе для нѣкоторыхъ артистовъ и артистокъ, преимущественно драматической труппы, чуждыхъ интриги и вполнѣ корректно и съ достоинствомъ державшихся на своемъ посту. Они, какъ и теперь, были свѣточами на сценѣ и того времени. Эти лица пользовались взаимнымъ уваженіемъ и признательнымъ расположеніемъ Александра Николаевича до его гробовой доски.

Въ началѣ февраля Александръ Николаевичъ особой бу-

магой на имя управляющаго театрами изложилъ свои соображенія о преобразованіи режиссерскаго управленія Малаго театра, которыя просилъ представить на утвержденіе министра Императорскаго Двора[1]).

Кстати сказать, онъ замышлялъ и о переустройствѣ Малаго театра, въ смыслѣ его расширенія и, даже, объ устройствѣ новаго драматическаго театра, vis-à-vis съ Большимъ, причемъ ему хотѣлось удешевить цѣны мѣстамъ до возможнаго minimum'a, чтобы сдѣлать его доступнымъ для бѣднѣйшаго класса населенія Москвы.

VII.

Съ наступленіемъ Великаго поста, (24 февраля 1886 г.) Александръ Николаевичъ вздохнулъ вольнѣе. Театры были закрыты и, слѣдовательно, посѣщенія спектаклей, особенно утомительныя во время масляничной сутолоки, прекратились. Онъ ѣздилъ только два раза въ недѣлю по пріемнымъ днямъ въ школу и присутствовалъ однажды, 5 марта, въ Большомъ театрѣ, на сценѣ котораго подвергались испытаніямъ желавшіе поступить въ оперу пѣвцы и пѣвицы, и разъ шесть въ томъ же мѣсяцѣ—на пробныхъ спектакляхъ для лицъ, желавшихъ поступить на драматическую сцену.

Судьями для послѣднихъ были приглашены изъявившіе согласіе вступить въ члены репертуарнаго совѣта: Н. С. Тихонравовъ, Н. И. Стороженко, С. В. Флеровъ, Н. А. Чаевъ и С. А. Юрьевъ.

Александръ Николаевичъ, сидя въ директорской ложѣ, напряженно наблюдалъ за игрою экзаменовавшихся и противъ именъ исполнителей и исполнительницъ, на рукописныхъ афи-

---

[1]) См. *Приложенія:* III. Г-ну Управляющему Императорскими Московскими театрами.

шахъ (гектографическихъ) дѣлалъ собственноручно помѣтки, какъ напримѣръ:

„Милъ“, „плохъ до крайности“, „неважная“, „недуренъ“, „хороша“, „хорошъ — полезность“, „недуренъ, переигрываетъ“, „недурна, читка не хороша“, „недуренъ, Самарину понадобился окладъ“ (противъ имени отставного выходного артиста Кузнецова), „плохъ, кричитъ, жесты ужасные“, „невозможна“ и т. п.

Одна артистка изъ любительницъ, увлекшись своею драматическою ролью, влѣпила игравшей съ нею другой (которую по піесѣ надо ударить) такую зазвонистую пощечину, что ударъ раскатился по зрительному залу. Александръ Николаевичъ даже всколыхнулся и, обратясь ко мнѣ, проворчалъ:

— Какъ сумасшедшая!... Должно быть, ея горничная играетъ съ нею, которой *заплатила!*

Вообще въ спектакль 26-го марта онъ остался недоволенъ почти всѣми исполнителями.

Затѣмъ самимъ Александромъ Николаевичемъ былъ составленъ *Протоколъ*, подписанный Н. С. Тихонравовымъ, С. В. Флеровымъ и Н. И. Стороженко. Представляю изъ него только выдержки.

„На бывшихъ въ Императорскомъ Московскомъ Маломъ театрѣ 10, 13, 15, 19, 26 и 29 марта сего года пробныхъ спектакляхъ изъ числа 54 лицъ (34 женскихъ и 20 мужскихъ), подвергавшихся испытанію, оказались съ несомнѣнными признаками таланта (ingénue) 1) *такія-то;* 2) заявившими нѣкоторыя сценическія способности, съ задатками дальнѣйшаго развитія ихъ, оказались *такія то.* Изъ всѣхъ помянутыхъ выше дебютантокъ ни одну нельзя считать вполнѣ готовою для сцены; всѣ онѣ представляютъ только болѣе или менѣе пригодный матеріалъ; при видимой талантливости, у всѣхъ замѣтенъ недостатокъ правильнаго чтенія ролей; 3) болѣе сценической развязности замѣтно у *такихъ-то. Такая-то,*

несмотря на довольно замѣтную неопытность, обнаруживала энергію и значительную экспрессивность, на основаніи чего можно положительно заключить, что изъ нея въ будущемъ образуется полезная для сцены драматическая актриса; 4) готовою актрисой явилась на испытанія *такая-то*, но въ игрѣ ея сказываются какъ достоинства, такъ и недостатки уже сформировавшейся провинціальной актрисы. Достоинства особенно талантливыхъ провинціальныхъ актрисъ не велики: развязность, умѣнье держаться и одушевленіе. Недостатки же: неосмысленное, торопливое чтеніе роли, манерность, не всегда изящные жесты и искренность въ одушевленіи, сдѣлавшіеся привычными и укоренившіеся, трудно поддаются исправленію.

„Изъ подвергавшихся испытанію артистовъ: 1) болѣе всѣхъ выдавался обдуманностью исполненія, разнообразіемъ и хорошими задатками *такой-то*. Хотя въ игрѣ *его* и замѣтно отсутствіе школы, но при его способностяхъ, при достаточномъ пониманіи роли и умѣньи прилично держать себя, этотъ артистъ даетъ возможность предполагать, что въ хорошо сформированной и имѣющей преданія средѣ артистовъ онъ въ скоромъ времени подровняется до полной ассимиляціи съ труппой. 2) Опытнымъ и свободно владѣющимъ жестомъ оказался бывшій въ театральной школѣ артистъ Кузнецовъ (покойный теперь); онъ, несомнѣнно, можетъ быть полезенъ на небольшія роли. 3) Съ хорошими задатками оказались: на водевильныя роли *такой-то* и на роли простаковъ очень молодой артистъ *такой-то*. Оба эти артиста недостаточно подготовлены“. (Первый изъ двухъ послѣднихъ самъ пишетъ теперь водевили).

„Игра артистовъ, ужъ служащихъ въ театрѣ Геннерта, Панова, Александрова, Арбенина, Мясищева и Левитскаго (Вронченко) обсужденію не подлежитъ, такъ какъ они играли по распоряженію репертуарнаго начальства“.

Объ артистахъ „уже служащихъ“ въ театрѣ и участво-

вавшихъ въ испытаніяхъ, въ сохранившейся у меня памяткѣ Александра Николаевича сказано, между прочимъ:

„Нѣкоторымъ изъ нихъ стыдно положить то ничтожное жалованье, которое они получаютъ. Къ первымъ принадлежатъ: 1) Вронченко — артистъ, который съ честью можетъ занять мѣсто между лучшими исполнителями нашей драматической труппы. Чтеніе его толковое, осмысленное и выразительное; гриммировка прекрасная, жесты для даннаго положенія и лица не оставляютъ желать ничего лучшаго. 2) Геннертъ, игравшій по назначенію разнообразныя роли, заявилъ способность быть хорошимъ дублеромъ, особенно на купеческія роли и на водевильныя комическія роли, и 3) Пановъ показалъ, что можетъ удовлетворительно исполнять небольшія характерныя роли“...

Были и нелестные отзывы о нѣкоторыхъ лицедѣяхъ, подвизавшихся на пробныхъ спектакляхъ, но, изъ скромности, я умалчиваю о незавидной ихъ оцѣнкѣ.

Отмѣчу куріозный фактъ. На пробныхъ спектакляхъ, при удачномъ исполненіи игравшихъ, среди поощрявшихъ ихъ знаковъ одобренія, въ зрительномъ залѣ слышалось и ѣдкое глумленіе, очевидно, относившееся къ сценѣ: „Затрутъ!“ „Не дадутъ ходу!“

Вѣроятно, такъ и случалось... По крайней мѣрѣ я слышалъ, что лица, болѣе или менѣе заслужившія похвалу или одобреніе отъ Александра Николаевича, только при немъ могли имѣть мѣсто и развивать свой талантъ на драматической сценѣ, а послѣ него тѣ, которыя были приняты имъ или же по смерти его А. А. Майковымъ, были „затерты“ или же вовсе удалены со сцены.

Ничего нѣтъ мудренаго. При переходѣ репертуара въ руки опять, на сей разъ только главнаго, чиновника конторы, т. е. управляющаго ею, піесы Островскаго лишь изрѣдка стали появляться на сценѣ, а можетъ и совсѣмъ забыли бы

ихъ, еслибы не взволновалась печать. Спрашивается, кого винить, что отбросили отъ отечественной сцены того, кѣмъ, можно сказать, она начала дышать и дышетъ, кѣмъ должна гордиться? Само-собою разумѣется—виноватъ режиссеръ, ибо онъ есть первый помощникъ, обладающій художественнымъ чутьемъ у безчуткаго чиновно-репертуарнаго начальства. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ трудно разобраться: можетъ быть, и режиссеру ставились препятствія...

VIII.

Изъ лицъ, выступившихъ въ пробныхъ спектакляхъ на драматической сценѣ и не включенныхъ въ *Протоколъ*, надо отмѣтить г. Коралли, который, по словамъ Александра Николаевича, игралъ „очень недурно“, но „копировалъ“ г. Музиля, безспорно талантливаго артиста. Вращаясь съ дѣтства въ его обществѣ, способный и переимчивый мальчикъ, будучи еще гимназистомъ, постепенно превращался въ лицедѣя и въ концѣ концовъ началъ играть сперва на московскихъ любительскихъ сценахъ, а потомъ уже, поощряемый похвалами зрителей и печати, перешелъ на провинціальную сцену.

Вмѣстѣ съ полезными совѣтами, сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія по поводу его игры, Александръ Николаевичъ обѣщалъ принять его въ драматическую труппу, если дозволитъ бюджетъ.

Являлись безъ приглашенія и другія лица, о которыхъ въ *Протоколѣ* умалчивалось, со всевозможными притязаніями, претензіями и желаніями выслушать отъ Александра Николаевича хоть какой-нибудь комплиментъ по поводу ихъ пробной игры. Одна изъ артистокъ похвалилась даже отзывомъ объ ея игрѣ какого-то „знаменитаго“ и „опытнаго“ провинціальнаго актера.

— Провинціальная опытность артиста есть развязность дурнаго тона, сухо возразилъ ей Александръ Николаевичъ.

Наконецъ, я вижу, подобнаго рода посѣтители совершенно затормошили Александра Николаевича. Онъ едва духъ переводилъ по уходѣ ихъ. Я запретилъ дежурнымъ капельдинерамъ, безъ предварительнаго доклада *мнѣ*, впускать въ кабинетъ лицъ, не принадлежащихъ къ служебному персоналу,— и наткнулся на слѣдующій случай.

Входитъ капельдинеръ и докладываетъ мнѣ (конечно, на ухо), что артистъ К. желаетъ *непремѣнно* видѣть Александра Николаевича. А тотъ помѣтилъ о немъ въ афишѣ такъ: „плохъ, кричитъ, жесты ужасные“. Чего же было ожидать отъ встрѣчи съ такимъ артистомъ?

Я вышелъ къ нему и объявилъ рѣшительно, что видѣться ему съ Александромъ Николаевичемъ нельзя ни „сегодня“ и ни въ какое другое время, и предложилъ ему справиться въ *Протоколѣ* о своей игрѣ. А въ *Протоколѣ* онъ не былъ внесенъ, потому что не заслуживалъ никакого вниманія. Онъ, навѣрно, былъ съ нимъ знакомъ, и сначала сталъ меня упрашивать, потомъ пофыркивать и, наконецъ, грозить, что пожалуется на меня Александру Николаевичу. Я остался непоколебимъ.

Спустя мѣсяцъ, я зашелъ къ Александру Николаевичу въ праздникъ и засталъ его пишущимъ письмо.

— На васъ жалоба. Я за васъ отписываюсь, — такими словами встрѣтилъ меня Александръ Николаевичъ и посмотрѣлъ на меня не то серіозно, не то вопросительно.

Я опѣшилъ отъ такого пріема и чувствовалъ, какъ кровь хлынула мнѣ въ голову. Я ничего не могъ сказать.

— Не смущайтесь, успокоилъ онъ меня, подавъ руку и крѣпко пожавъ мою.—Я оправдываю вашъ поступокъ и отъ всего сердца благодарю васъ. На васъ жалуется К. Конечно, лично онъ наговорилъ бы мнѣ пустяковъ втрое, чѣмъ настрочилъ въ своемъ письмѣ.

Этимъ инцидентъ съ К. и закончился.

Охотнику, занимавшему такое положеніе, какое занималъ я при начальникѣ репертуара, можно было сдѣлать *хорошіе гешефты*, судя по тому, что мнѣ предлагали при заключеніи новыхъ и возобновленіи прежнихъ контрактовъ съ артистами оперной труппы. Я счелъ своимъ долгомъ о такихъ соблазнахъ доложить Александру Николаевичу.

Онъ иронически воскликнулъ:

— Ну что бы дать въ руки милліонъ! Тогда-бы стоило отказаться отъ службы и возвратить казнѣ потерянное ею при заключеніи контрактовъ!

Странно, что неумѣренно разыгрывались аппетиты у тѣхъ именно пѣвцовъ, которые *спали* уже съ голоса или начинали терять его. Они смотрѣли на яко бы неистощимую казну, какъ на дойную корову. Понятно, что получавшему по долгосрочному контракту, примѣрно, до 5 тысячъ годоваго содержанія, безголосому или плохому пѣвцу выгодно и полезно было отъ каждыхъ годовыхъ 5 тысячъ рублей подарить *благосклонно* заключившему съ нимъ контрактъ по одной тысячѣ, а при несговорчивости и 2 тысячи рублей; въ противномъ случаѣ онъ могъ бы остаться „при печальномъ интересѣ“, то-есть ни при чемъ.

Весьма значительную роль для подвергающихся испытанію въ оперѣ играетъ магическій капельмейстерскій жезлъ, отъ котораго зависитъ *дать* или *не дать* поющему фермату, *покрыть* или *не покрыть* его пѣніе звуками оркестра. Значитъ, и у этого жезла приходится злосчастному пѣвцу заискивать *симпатіи*.

Со вновь ангажированными въ оперную труппу Александръ Николаевичъ не рисковалъ заключать контракты болѣе какъ на годъ.

Любопытный и вмѣстѣ до крайности возмутительный инцидентъ произошелъ у него съ одною контральтовою претенденткой. Голосъ ея, неодобренный и публикой, не понравился

Александру Николаевичу, почему онъ не рѣшился ангажировать ее. Тогда претендентка постращала его тѣмъ, что будто, по его *обѣщанію* принять ее на сцену, она продала все свое имущество, вслѣдствіе чего разорилась, и за то угрожала ему „отдать его подъ судъ“ (буквальное выраженіе претендентки).

Азартную выходку ея Александръ Николаевичъ обратилъ въ шутку съ ея стороны и, посмѣиваясь, осязательно доказалъ ей всю нелѣпость ея претензіи. Сконфуженная претендентка смирилась и очень извинялась передъ Александромъ Николаевичемъ.

IX.

31 марта 1886 года, въ понедѣльникъ на Вербной недѣлѣ, *послѣдній разъ* въ жизни Александра Николаевича, на завтракѣ у него мы съ В. А. Макшеевымъ чествовали день его рожденія.

На той же недѣлѣ, на самый короткій срокъ, Александръ Николаевичъ ѣздилъ въ Петербургъ благодарить министра Императорскаго Двора, графа И. И. Воронцова-Дашкова, за свое опредѣленіе въ должность.

Само собою разумѣется, что только отъ министра Двора, какъ непосредственнаго начальника и хозяина всѣхъ входившихъ въ составъ его вѣдомства учрежденій, въ томъ числѣ и Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ, всецѣло зависѣло распредѣлять и дробить власть надъ ними, по его усмотрѣнію. Отдѣленію отъ общей дирекціи Московскихъ казенныхъ театровъ и установленію надъ ними особой власти, сочувственно принятымъ и одобреннымъ впослѣдствіи Императоромъ Александромъ III, съ своей стороны, вліятельно содѣйствовалъ опекунъ надъ царскою казной, бывшій главноуправляющій контролемъ Министерства Императорскаго Двора, статсъ-секретарь Н. С. Петровъ. Онъ былъ „правою рукой“

министра и въ отсутствіе послѣдняго замѣнялъ его на правахъ товарища; поэтому, онъ имѣлъ равный министру доступъ къ Государю и право докладывать свои личныя соображенія о всѣхъ временно ввѣряемыхъ ему учрежденіяхъ Императорскаго Двора.

Объ этихъ двухъ высокопоставленныхъ лицахъ, графѣ И. И. Воронцовѣ-Дашковѣ и Н. С. Петровѣ, Александръ Николаевичъ отзывался съ глубокою душевною признательностью до конца своей жизни. А признательность великаго драматурга земли Русской, которому, по волѣ величайшаго Монарха, воздвигается памятникъ въ Москвѣ, немаловажна и, какъ историческая, будетъ занесена современемъ въ лѣтописи роднаго театра и украситъ ихъ имена на лучшихъ ея страницахъ.

Назначеніе Александра Николаевича на отвѣтственный постъ завѣдывающаго художественною частію и школой Московскихъ казенныхъ театровъ было дружно и радостно привѣтствовано и печатью, и Московскимъ обществомъ, и, вообще всѣми цѣнителями сценическаго искусства, кто хотя бы мало-мальски былъ знакомъ съ именемъ Островскаго.

Являясь вѣрнымъ выразителемъ общественнаго настроенія того времени, когда находившіеся, съ 1883 года, въ состояніи упадка Московскіе театры перешли въ надежныя руки вступавшаго въ нихъ „обновителя и возсоздателя“,— театральный критикъ г. С. Васильевъ, въ № 6 *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1886 года, между прочимъ, писалъ такъ:

„Знаменоносцемъ Императорскихъ театровъ въ Москвѣ избранъ А. Н. Островскій. Нельзя было сдѣлать лучше выбора, если только вообще можетъ быть рѣчь о выборѣ, гдѣ извѣстное дѣло прямо приводило къ извѣстному лицу, прямо указывало на него. А. Н. Островскій неразрывно и неразлучно соединенъ съ Москвой, нравоописаніемъ которой онъ положилъ основаніе своей славѣ, съ Московскимъ театромъ,

лѣтопись котораго составляетъ „„бархатную книгу““ нашего драматурга“.

Ненадолго, однакоже, избранникъ „освѣжилъ спертый казарменный воздухъ своимъ литературнымъ присутствіемъ въ театрахъ, новымъ вѣяніемъ пахнувшимъ на нихъ“. Остроумное выраженіе это принадлежитъ чуть ли не С. В. Флерову, когда впервые онъ встрѣтился съ Александромъ Николаевичемъ въ драматическомъ театрѣ.

Два раза въ недѣлю, по пріемнымъ днямъ, забрасываемый множествомъ прошеній и разныхъ заявленій, Александръ Николаевичъ дѣлать резолюціи на нихъ по смыслу ихъ содержанія поручалъ мнѣ. Всѣ бумаги, какъ выходившія изъ-подъ моего пера, такъ прошенія и заявленія со сдѣланными мною резолюціями, отсылались къ нему на домъ, гдѣ, детально имъ разсмотрѣнныя, подписывались, причемъ иногда не обходилось безъ письменныхъ замѣчаній по моему адресу въ родѣ такого, напримѣръ:

„Прошенія К—вой и С—вой я сегодня покажу А. А. Майкову. Б—ой контракта переписывать не надо. П—вой вы написали резолюцію: „представить для выдачи отпуска“, а она просится на все лѣто; ужъ я самъ приписалъ: на два мѣсяца“.

Составивъ заблаговременно, къ предстоявшему празднику Пасхи, по театрамъ и школѣ списки лицъ, заслуживавшихъ Высочайшихъ и прочихъ наградъ,—причемъ не были забыты низшіе чины и прислуга, — и прекративъ свои занятія въ школѣ, Александръ Николаевичъ на Страстной недѣлѣ говѣлъ въ домовой церкви при домѣ князя Голицына, то-есть въ мѣстѣ своего жительства. Досугъ же свой дома онъ посвящалъ, главнымъ образомъ, театральнымъ и школьнымъ дѣламъ, а также просматривалъ журналы и другія произведенія печати, которыхъ не успѣвалъ прослѣдить въ служебное время.

Но, несмотря на сутолочные въ домашнемъ хозяйствѣ предпраздничные дни, Островскій принималъ и посѣтителей. Такъ, я встрѣтился у него съ Ѳ. А. Бурдинымъ, познакомился съ И. Ѳ. Горбуновымъ, М. И. Писаревымъ и со старымъ товарищемъ его по Московскому Университету, магистромъ химіи М. Ѳ. Шишко. Бурдина и Шишко онъ намѣревался пристроить на должности: перваго—при театральной школѣ по ея преобразованіи, а втораго — завѣдывающимъ освѣщеніемъ при Императорскихъ сценахъ.

Когда мы остались вдвоемъ, онъ подалъ мнѣ ежемѣсячный журналъ *Дневникъ Русскаго Актера* № 1, 1886, мартъ,—и при этомъ сказалъ:

— Вы что-жъ отъ меня скрывали, что написали большую и хорошую піесу?

— Какую? изумился я.

— Какъ какую? Вотъ чудакъ-то! Не знаетъ, какую онъ піесу написалъ?... Откройте-ка страницу 25-ую, тогда узнаете...

Я нашелъ въ *Дневникѣ*, дѣйствительно, лестный отзывъ объ одной моей піесѣ, игранной въ Пензѣ и имѣвшей успѣхъ.

— Да эта піеса, — возразилъ я, — побывала въ вашихъ рукахъ. Вы же сами ее одобрили и хотѣли ею заняться. Вамъ не понравился *дѣйствующимъ лицомъ* въ ней *Французъ*, и я взялъ ее обратно. Французуза обработалъ для піесы Д. П. Ефремовъ, родной братъ покойнаго профессора А. П. Ефремова, и я, въ благодарность за его трудъ, приписалъ его имя къ своему. Вы же тогда мнѣ справедливо замѣтили, что „для роли Француза между нашими артистами едва-ли найдутся хорошіе исполнители. Піеса не пойдетъ“.

— Ну, такъ отдайте ее Черневскому: пусть прочтетъ и дастъ мнѣ свой отзывъ о ней.

И мы распрощались до Пасхи.

X.

Настала Пасха, которая пришлась въ 1886 году на 13-е апрѣля.

На этой Свѣтлой недѣлѣ чуть-чуть было не свершился одинъ прискорбный фактъ: 18 апрѣля, въ пятницу на Пасхѣ, въ собраніи Общества драматическихъ писателей, нѣкіе *злые враги* Островскаго хотѣли его *забаллотировать* при выборѣ въ предсѣдатели. Но, по произведенной закрытой баллотировкѣ, только одинъ изъ оныхъ со своимъ *темнымъ* голосомъ остался „за флагомъ“; остальные же, пробужденные совѣстью, себѣ и ему измѣнили.

Въ томъ же собраніи рѣзко шумѣлъ одинъ крикливый драматическій авторъ изъ проказниковъ-адвокатовъ, гнѣвъ на котораго, за его крупный проступокъ противъ Общества, заслуживавшій строгой кары, великодушный Александръ Николаевичъ переложилъ когда-то на милость, снисходя къ его горько-слезнымъ просьбамъ. Здѣсь же этотъ адвокатъ-драматургъ, забывъ прошлое, дерзко издѣвался надъ чиновничьимъ составомъ Комитета Общества и его предсѣдателемъ, иронически называя ихъ „губернскими секретарями, статскими и дѣйствительными статскими совѣтниками“, а самъ всюду сновалъ, да рисуется и теперь со своимъ адвокатскимъ значкомъ, соотвѣтствующимъ, по высокой для него мѣрѣ, чину „коллежскаго секретаря“...

Затѣмъ 21 апрѣля, въ понедѣльникъ, на Ѳоминой, чествовалось пятидесятилѣтіе *Ревизора*, комедіи Н. В. Гоголя. Единственная актриса, оставшаяся къ тому времени въ живыхъ отъ перваго представленія, г-жа Кашина, игравшая роль „жены Луки Лукича Хлопова—смотрителя училищъ“, по старости лѣтъ, отказалась присутствовать на юбилейномъ спектаклѣ.

Афиша юбилейнаго спектакля составлена была двойная,

то-есть съ именами исполнителей, игравшихъ „въ понедѣльникъ, 25 мая 1836 года“ и „въ понедѣльникъ, 21 апрѣля 1886 года“. Кромѣ обыкновенной афиши, была еще другая, тоже двойная, художественно исполненная по рисунку графа Ѳ. Л. Соллогуба фотогравюра художника М. М. Панова, съ портретомъ Гоголя во главѣ, по бокамъ котораго поставлены цифры юбилейныхъ годовъ въ лавровыхъ вѣнкахъ, какъ и самый портретъ. Вокругъ афиши, въ видѣ ленты, сдѣлана была рамка, на которой написано: „Пятидесятилѣтіе комедіи *Ревизоръ* Николая Васильевича Гоголя“. Слово *Ревизоръ* поставлено полукружіемъ надъ портретомъ автора. На постаментѣ, подъ афишами, были изображены три маски: средняя en face и по обѣ стороны ея à trois quarts, лежащія на двухъ скрещенныхъ лавровыхъ вѣнкахъ. Слѣва отъ нихъ—полунагія, въ полусидячемъ положеніи—Талія съ приподнятою въ лѣвой рукѣ маской и летающая Терпсихора, размахивающая покрываломъ, а справа, тоже въ полусидячемъ положеніи, вѣроятно, Мельпомена съ зеркальцемъ въ правой рукѣ. Афиша эта была выпущена въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и уже теперь, пожалуй, является библіографическою рѣдкостью.

Сама комедія была исполнена превосходно. Иначе и быть не могло. Въ ней участвовали всѣ болѣе или менѣе лучшія силы драматической труппы, даже въ самыхъ незначительныхъ роляхъ. Не участвовала только одна М. Н. Ермолова; зато занимала мѣсто въ апоѳеозѣ. На этомъ спектаклѣ присутствовали многіе писатели. Театръ былъ переполненъ.

Мы вдвоемъ съ Александромъ Николаевичемъ сидѣли въ директорской ложѣ. Во время исполненія *Славы* передъ бюстомъ Гоголя драматическими артистами и хоромъ русской оперы, къ Островскому подошелъ откуда-то взявшійся чиновникъ особыхъ порученій О-въ и, желая польстить ему, прошепталъ:

— И васъ, Александръ Николаевичъ, будутъ такъ же чествовать. Какъ это будетъ вамъ пріятно!

— Покойнику-то? Какое удовольствіе!—возразилъ Островскій, и отвернулся.

О-въ видимо сконфузился. Я поспѣшилъ его оправить, сказавъ ему:

— Юбилей Александра Николаевича не за горами. Вы, очевидно, этого не знали. Авось доживемъ до пятидесятилѣтія первой піесы [1]).

— Это другой разговоръ. Дожить бы только,—заключилъ Александръ Николаевичъ.

О-въ тутъ же ретировался.

Но—увы!—изъ трехъ собесѣдниковъ только-что приведеннаго эпизода лишь одинъ я остался живымъ свидѣтелемъ того, что наша драматическая сцена безучастно отнеслась къ достойной памяти великаго драматурга, подарившаго ей столько цѣнныхъ вкладовъ своего могучаго таланта! Не артистовъ, преданныхъ друзей незабвеннаго писателя, надо винить въ этомъ, а, конечно, чиновника, стоявшаго во главѣ репертуара, съ угодливымъ режиссерскимъ управленіемъ. Все зависѣло отъ ихъ общей спѣвки и отъ предупредительнаго желанія послѣдняго услужить первому, хотя бы вразрѣзъ съ художественнымъ убѣжденіемъ...

Чтобы чествовать память Островскаго, необходимо какъ сцену, такъ и зрительный залъ обставить возможною торжественностію, а въ фойе Малаго театра даже и бюста его не имѣлось, тогда какъ въ фойе Александринскаго театра, въ Петербургѣ, бюстъ былъ поставленъ по миновaніи полугода со дня кончины Александра Николаевича.

---

[1]) Первая, появившаяся въ свѣтъ, піеса А. Н. Островскаго—*Свои люди—сочтемся*—была напечатана въ 1850 г., въ шестой книжкѣ *Москвитянина*, дозволенной цензурою *14 марта*, а вышедшей — *16 марта* того же года (Сообщилъ Д. Д. Языковъ, авторъ *Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей*.

Ярко же освѣтилъ „театрально-чиновничій режимъ“ свое мутное неблаговоленіе къ художественному свѣтилу и великому таланту, столь непосредственно и близко связанному съ Московскою драматическою сценой!

XI.

Когда цѣлыми днями Островскій со мною занимался на сценѣ, при газовомъ освѣщеніи, то, при выходѣ изъ театра на бѣлый свѣтъ, мы ощущали будто глаза наши подъ вѣками наполнены пескомъ. Странно что ощущеніе это совпало у насъ обоихъ, несмотря на разницу нашихъ возрастовъ: Александръ Николаевичъ былъ старше меня почти на девятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, при переходѣ въ кабинетъ, у меня оно вскорѣ прошло. У Островскаго же оно продолжалось, такъ что ему посовѣтовали обратиться къ лейбъ-окулисту Юнге, бывшему тогда директоромъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

И вотъ, въ сопровожденіи своего хорошаго знакомаго, доктора С. В. Доброва, бывшаго тогда помощникомъ инспектора студентовъ Московскаго Университета, онъ отправился въ Петровское-Разумовское, къ г. Юнге. Это было вскорѣ послѣ Пасхи. Г. Юнге не нашелъ ничего серіознаго и прописалъ впускать въ глаза какія-то „капельки“.

На обратномъ пути изъ академіи, проѣздомъ черезъ Петровскій паркъ, они заѣхали къ Натрускину. Покойный рестораторъ встрѣтилъ Александра Николаевича чуть не съ распростертыми объятіями и, зная его слабость къ рыбному, предложилъ на завтракъ „парной икорки“.

Однако, какъ сообщалъ мнѣ С. В. Добровъ, Александръ Николаевичъ былъ задумчивъ, блѣденъ и мало говорилъ. Отвѣдавъ съ четверть чайной ложки икры, онъ сказалъ: „не свѣжа“, и не сталъ ѣсть. Тогда Натрускинъ приказалъ

подать свѣжей лососины жареной. Александръ Николаевичъ и ту не одобрилъ и со своимъ спутникомъ уѣхалъ домой.

Мрачное настроеніе его духа я приписываю тому, что съ конца апрѣля онъ до самозабвенія работалъ надъ преобразованіемъ Театральнаго училища; потомъ пришлось ему, по его собственнымъ словамъ, „страдать на экзаменахъ всякой мелочи обоего пола“. Въ театры онъ являлся изрѣдка, но мнѣ вмѣнилъ въ обязанность присутствовать на спектакляхъ ежедневно, и я, переходя съ одной сцены на другую, въ которомъ нибудь изъ театровъ высиживалъ до конца представленія. Такъ было до 1 мая 1886 года. Послѣ же 1 мая я отбывалъ свой долгъ въ одномъ Маломъ театрѣ, до его закрытія.

Въ кабинетѣ, исключая пріемные дни (вторникъ и пятницу), я занимался или одинъ, или же при содѣйствіи приглашеннаго мною, съ согласія Александра Николаевича, артиста Д. И. Мухина, занимавшагося писаніемъ возобновляемыхъ или вновь заключаемыхъ контрактовъ съ артистами.

Наканунѣ послѣдняго экзамена дежурный капельдинеръ доложилъ мнѣ, что меня желаютъ видѣть воспитанницы. Я вышелъ къ нимъ.

Оказалось, что въ школу заходилъ чиновникъ особыхъ порученій О-въ и объявилъ воспитанницамъ, разумѣется, черезъ классную даму, что, по распоряженію Александра Николаевича, экзаменъ изъ французскаго языка и музыки съ 14 числа мая откладывается на 16-е.

„Послѣдній экзаменъ!“ О, какую тревогу подняли воспитанницы! Онѣ шумно протестовали противъ такого распоряженія. Еще бы? Оно лишало ихъ двухъ дней свободы.

Отъ нихъ я узналъ, что О-въ объяснилъ имъ причину такого распоряженія тѣмъ, будто, по случаю Высочайшаго смотра войскамъ на Театральной площади, экзаменаторы не будутъ имѣть возможности попасть въ школу.

Присоединясь къ справедливому протесту воспитанницъ, я

обратился къ Александру Николаевичу съ запиской, прося его отъ имени воспитанницъ, если экзаменаторы прибудутъ въ школу, не откладывать экзамена, тѣмъ болѣе, что на 16 мая назначены уже экзамены изъ Закона Божія и ариѳметики, у экстерновъ. На моей запискѣ Александръ Николаевичъ написалъ:

„Экзамена не откладывать. *А. Островскій*“.

Резолюція эта привела воспитанницъ въ неописуемый восторгъ. За простое, ласковое, отеческое обращеніе съ воспитанницами Александръ Николаевичъ слылъ у нихъ не иначе какъ „добрымъ“.

Хотя съ порядочнымъ опозданіемъ, на послѣдній, 14 мая, экзаменъ изъ музыки, Александръ Николаевичъ прибылъ самъ. Я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, по которой онъ едва поднимался, съ полуоткрытымъ ртомъ и остановками, тяжело переводя духъ. Будучи блѣденъ, онъ имѣлъ видъ страдальческій.

Встрѣченный въ пріемномъ залѣ школы инспекторомъ, главною надзирательницей и классными дамами, Александръ Николаевичъ направился въ экзаменаціонный классъ, куда, по его желанію, и я сопровождалъ его.

Занявъ единственное, въ первомъ ряду стульевъ, собственно для него приготовленное, кресло, казалось, онъ не слушалъ музыку, а дремалъ, свѣсивъ голову на грудь. Главная надзирательница, вопросительно взглядывая на меня, кивкомъ головы показывала на него. Замѣчательно, какъ только игра на рояли кончалась, Островскій поднималъ голову и поощрительно благодарилъ исполнительницъ и преподавательницу музыки. Чуть ли не цѣлую ночь онъ просидѣлъ за работой наканунѣ этого экзамена.

Послѣ экзамена, во главѣ съ Александромъ Николаевичемъ, всѣ присутствовавшіе на экзаменѣ, въ томъ числѣ и воспитанницы, перешли въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю успѣшнаго окончанія

экзаменовъ и съ ними учебнаго года. Воспитанницы же получили отпускъ только 15 мая, въ день Коронаціи Императора Александра III, послѣ прекраснаго обѣда съ угощеніемъ изъ разныхъ лакомствъ, сдѣланнымъ Александромъ Николаевичемъ.

XII.

Вечеромъ, 14 мая 1886 года, въ домѣ бывшаго генералъ-губернатора Москвы князя В. А. Долгорукова, въ присутствіи Государя Александра III и Государыни Маріи Ѳеодоровны, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и другихъ Высочайшихъ Особъ, состоялся спектакль съ участіемъ любителей изъ среды высшаго московскаго общества. Давалась піеса *Въ чистомъ полѣ*, сонъ изъ сказочнаго міра, въ 3-хъ картинахъ: 1) *Степь;* 2) живая картина: *Смерть Кощея и Освобожденная Царь-Дѣвица* и 3) *Свадебный пиръ Добрыни Никитича и Царь-Дѣвицы.* Слова и музыка были сочинены К. С. Шиловскимъ.

Своею эффектною обстановкой, особенно богатыми древними русскими костюмами, піеса эта произвела на Александра Николаевича, присутствовавшаго, несмотря на переутомленіе отъ дѣловыхъ работъ, въ числѣ зрителей на этомъ спектаклѣ, „весьма хорошее впечатлѣніе“; тѣмъ не менѣе автору ея, какъ *амateру-артисту*, по сценѣ *Лошивскому*, онъ отказалъ въ пріемѣ на Императорскую драматическую сцену.

На томъ же вечерѣ, по окончаніи спектакля, подошелъ къ Александру Николаевичу извѣстный въ то время всей Москвѣ полицеймейстеръ генералъ-майоръ П. И. Огаревъ и, поздоровавшись, спросилъ: пьетъ ли онъ передъ ужиномъ водку. Александръ Николаевичъ отвѣчалъ утвердительно.

— А, представьте, здѣсь ни маковой росинки!—смѣясь, сказалъ Огаревъ,—хотите убѣдиться? Извольте, покажу.

Онъ повелъ Александра Николаевича въ залы, гдѣ были

накрыты столы. Дѣйствительно, ни въ графинахъ, ни въ бутылкахъ, водки и слѣда не было.

— Желаете, Александръ Николаевичъ, раздѣлить со мною компанію? Мнѣ безъ водки ужинъ не въ ужинъ, даже и совсѣмъ не нуженъ.

Александръ Николаевичъ изъявилъ согласіе выпить „не больше одной“.

— А вы,—обратился Огаревъ къ вошедшему господину со звѣздой,—выпьете со мной водочки?

— Когда-жь она здѣсь, на парадныхъ вечерахъ, бывала? вскинувъ глаза на столы, спросилъ господинъ.

— Ладно, я вижу вы не прочь,—усмѣхнулся Огаревъ и посмотрѣлъ на часы.—Охъ, уже вездѣ заперто!

Онъ подозвалъ лакея.

— На, вотъ, три рубля, раздобудь мнѣ бутылку водки, да, слышишь, не говори, что отъ Огарева.

За бутылку водки, мигомъ доставленную въ ночное время, взяли дорого. Вся сдача осталась въ пользу лакея, завилявшаго отъ удовольствія фалдочками своего фрака.

Конечно, эпизодъ этотъ изложенъ мною не такъ краснорѣчиво, какъ я слышалъ его изъ устъ самого Александра Николаевича.

Съ окончаніемъ театральнаго сезона, казалось, и Александру Николаевичу нужно было отдохнуть. Но нѣтъ; для него, напротивъ, наступали самые тягостные дни.

Въ ожиданіи получить съ новаго сезона казенную квартиру, надо было очистить обитаемую, дабы не платить непроизводительно за лѣтніе мѣсяцы, и вещи свои пристроить такъ чтобъ онѣ были цѣлы и непопорчены. Для нихъ въ томъ же домѣ предупредительный управляющій Нѣмецъ предоставилъ ему удобный во всѣхъ отношеніяхъ складъ и поручился за сохранность вещей. За постепенною уборкой и отправкой

вещей, такъ какъ ихъ было много, Александръ Николаевичъ наблюдалъ самъ, вмѣстѣ со своею супругой.

Когда квартира была окончательно очищена, нужно было отправить супругу со старшимъ сыномъ Александромъ Александровичемъ, двумя дочерьми и младшимъ сыномъ въ костромское имѣніе Щелыково, для приведенія въ порядокъ тамошняго хозяйства. Разставаться съ ними, да при его болѣзненномъ состояніи, было большимъ огорченіемъ для Островскаго. Онъ уже загодя вздыхалъ и печалился объ этой разлукѣ. Но—что дѣлать!—по натурѣ своей онъ твердо держался пословицы: „взявшись за гужъ, не говори, что недюжъ“.

Самою важною его заботой было покончить на мѣстѣ—проектъ преобразованія театральной школы и составленіе для нея новаго штата; кромѣ того, были и другія дѣла, непосредственно относящіяся къ его репертуарнымъ обязанностямъ. Для выполненія такой нелегкой, но необходимой, задачи ему nolens volens приходилось оставаться въ Москвѣ, гдѣ подъ руками находились разные документы и справки. Съ нимъ оставались въ Москвѣ еще два сына,—одинъ студентъ, а другой воспитанникъ Поливановской гимназіи, которымъ предстояли экзамены.

Воображаю, какое убійственное впечатлѣніе произвело на крѣпко-замкнутую натуру Александра Николаевича, хотя и по собственному его желанію, совершившееся разореніе квартиры. И тутъ же, рядомъ, предстояло распаденіе семейства на двѣ части. Часть же, остававшаяся въ Москвѣ, *опять* дробилась на двѣ половины: для общаго удобства, сыновья, отдѣлившись отъ отца, должны были поселиться у родственниковъ; для самого же Александра Николаевича былъ уже приготовленъ нумеръ въ гостиницѣ *Дрезденъ*, на Тверской, о чемъ я узналъ 17 мая, въ день отъѣзда его семейства, съ которымъ пришелъ проститься.

Войдя въ квартиру, я съ подавляющимъ безпокойствомъ

посмотрѣлъ на ея пустынные покои: площади половъ будто расширились, а стѣны отодвинулись. Въ обширныхъ комнатахъ отдавало невнятнымъ эхомъ отъ гдѣ-то разговаривавшихъ и сливавшихся мужскихъ и женскихъ голосовъ. Пути тоже какъ бы расширились, и я знакомою мнѣ дорожкой въ послѣдній разъ пробрался почти въ пустой, когда-то уютный, кабинетъ. Жутко мнѣ стало при входѣ въ него. Куда исчезла украшавшая его роскошная библіотека русскихъ и иностранныхъ, преимущественно драматическихъ, писателей? Куда скрылись портреты и карточки разныхъ литературныхъ знаменитостей и артистовъ, да и вообще вся роскошная обстановка его? Остались однѣ голыя стѣны, отталкивающая глубь и безотрадный просторъ... Чѣмъ-то зловѣщимъ пахнуло на меня... И я на мгновеніе обомлѣлъ...

— Ахъ, amicus!

А вотъ и онъ, мой дорогой принципалъ! Это онъ окликнулъ меня. Я тотчасъ же очнулся.

Онъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ за своимъ обнаженнымъ дочиста рабочимъ столомъ, молчаливымъ свидѣтелемъ его думъ, еще неубраннымъ, вѣроятно, потому, что жаль было разстаться съ нимъ до самой послѣдней минуты своего выхода изъ брошеннаго кабинета. Островскій сидѣлъ не одинъ, а со своимъ стариннымъ, съ юныхъ студенческихъ лѣтъ его, другомъ И. И. Шанинымъ.

— Садитесь! почти повелительно сказалъ мнѣ Александръ Николаевичъ, протягивая свою холодную руку.

Видъ онъ имѣлъ старчески-блѣдный, страдальческій, глаза впалые. Наканунѣ, въ школьномъ кабинетѣ, онъ былъ несравненно бодрѣе и свѣжее.

Стулья, на которыхъ мы сидѣли, были позаимствованы у управляющаго.

Глядя пристально мнѣ въ глаза, Александръ Николаевичъ отрывисто проговорилъ, махнувъ рукою:

— Что со мною было вчера вечеромъ!.. Чуть не умеръ! Упалъ, вотъ тутъ, на диванъ... Еле-еле отходили. Какъ отдышался—не знаю...

Переглянувшись со мною, Шанинъ подумалъ, вѣроятно, то же, что и я: „не хорошо“, и, распростившись съ нами, уѣхалъ.

Излагая мнѣ программу предстоящихъ занятій, Александръ Николаевичъ то и дѣло потиралъ грудь. На мой вопросъ: что это значитъ?—онъ лаконически отвѣтилъ:

— Сердце болитъ.

Я поморщился и, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ ему о желаніи проститься съ его семьей, имѣя въ виду другую цѣль. Онъ отпустилъ меня и просилъ „поскорѣе приходить.“

Я не заставилъ его долго ждать себя и быстро вернулся, успѣвъ тѣмъ временемъ шепнуть сыну его, студенту Михаилу Александровичу, чтобы онъ зорко наблюдалъ за отцомъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, припадокъ можетъ повториться. При этомъ взялъ съ него „честное слово“ не говорить никому изъ родныхъ о моемъ предположеніи.

Къ крайнему прискорбію, многообѣщавшій молодой человѣкъ этотъ, по окончаніи курса юристомъ въ Петербургскомъ университетѣ съ золотою медалью, умеръ въ Москвѣ отъ дифтерита 8 іюля 1888 года.

Александръ Николаевичъ сообщилъ мнѣ тутъ же, что чиновникъ особыхъ порученій О-въ, котораго просилъ онъ и самъ лично, и черезъ меня по моей запискѣ къ нему, такъ и не являлся,—не являлся даже и впослѣдствіи ко времени отъѣзда Островскаго въ Щелыково. Зачѣмъ онъ былъ нуженъ Александру Николаевичу — для меня terra incognita. Но, впрочемъ, я понялъ его, памятуя недовольство артистовъ...

Когда я собрался уходить, Александръ Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Завтра въ двѣнадцать часовъ милости просимъ ко мнѣ на новоселье: Дрезденъ, № 34. Запишите на память. Впрочемъ, Сергѣй Михайловичъ вамъ укажетъ. Знакомы съ Минорскимъ?

Покойный Минорскій управлялъ этою гостиницей.

Я буквально исполнилъ его приглашеніе, и попалъ какъ разъ къ завтраку, состоявшему изъ двухъ холодныхъ закусокъ: копченаго языка и икры, „къ сожалѣнію, не *наша*, не съ *Божьяго Промысла*“, замѣтилъ, усмѣхнувшись, Александръ Николаевичъ, выписывавшій для дома икру всегда съ Кавказа.

Мы съ Шанинымъ, который прибылъ раньше меня, выпили по рюмкѣ водки и приступили къ закускѣ. Александръ же Николаевичъ неохотно раздѣлялъ съ нами компанію, за отсутствіемъ аппетита. Въ нумерѣ его, выходившемъ окнами на солнечную сторону, было до дурноты душно. Мы совѣтовали перемѣнить нумеръ.

XIII.

На другой день, въ понедѣльникъ, 19 мая, я нашелъ Александра Николаевича въ новомъ помѣщеніи, № 27, выходившемъ на сѣверъ. Онъ жаловался мнѣ на дурно проведенную ночь, потому что, какъ и всегда, работалъ до утомленія. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ три „новости.“

Первая новость: отъ него скрывали, что братъ его, Михаилъ Николаевичъ, тогда министръ Государственныхъ Имуществъ, болѣлъ воспаленіемъ легкихъ; оттого-то болѣе двухъ недѣль, къ его удивленію и безпокойству, онъ не получалъ изъ Петербурга никакихъ извѣстій.

— Слава Богу,—добавилъ Александръ Николаевичъ,—поправился; думаетъ, послѣ закрытія засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, ѣхать за границу, на воды, съ племянницами Машей и Любочкой. Любочкѣ надо полѣчиться.

Племянницы—Марія и Любовь Сергѣевны—дочери умершаго единоутробнаго брата А. Н. и М. Н. Островскихъ.

Вторая новость: за прослуженіе болѣе трехъ трехлѣтій почетнымъ мировымъ судьей въ своемъ уѣздѣ, Александръ Николаевичъ скоро будетъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Но это его не интересовало.

Третья новость: управляющій конторою, г. П-овъ, всегда интриговавшій противъ знаменитаго драматурга, по его желанію, будетъ перемѣщенъ въ дворцовое вѣдомство на югъ Россіи; причемъ Александръ Николаевичъ заочно отъ души желалъ ему идти по административнымъ ступенямъ вверхъ, лишь бы не служить вмѣстѣ съ нимъ, тѣмъ болѣе что П-овъ, по мнѣнію Островскаго, былъ не на своемъ мѣстѣ, состоя на службѣ при театрахъ.

20 мая, во вторникъ, только что мы съ Александромъ Николаевичемъ усѣлись въ 10 часу утра писать письмо къ театральному контрагенту Э. И. Мишлé, оскорбившему Александра Николаевича дерзкою телеграммой по поводу возникшихъ недоразумѣній при пріобрѣтеніи дирекціей оперы *Мефистофель*, Бойто,—пришелъ сынъ его, студентъ. Пригласивъ его въ спальню, Островскій о чемъ-то бесѣдовалъ съ нимъ минутъ десять и, возвратившись, поручилъ ему написать въ Петербургъ письмо съ сообщеніемъ, что онъ нездоровъ и отослать забытый у него, проѣздомъ, племянницею дипломатъ.

Нѣсколько спустя, онъ всталъ. Пройдясь по комнатѣ, опять сѣлъ противъ меня и, мѣняясь въ лицѣ, вдругъ устремилъ на меня свои потускнѣвшіе глаза, едва переводя духъ. Меня охватилъ страхъ за его жизнь. Такъ онъ молча просидѣлъ минуты три. Лицо все болѣе и болѣе накрывалось смертною блѣдностью; губы посинѣли.

— Я сейчасъ умру... я умираю,—вдругъ произнесъ задыхающимся голосомъ Александръ Николаевичъ и вытянулся:

глаза закрылись, голова скатилась за спинку кресла, руки свѣсились. Насъ охватилъ ужасъ. Мы оба растерялись,

— Папа! Милый папа! закричалъ сынъ.

Овладѣвъ собою тотчасъ-же, я отыскалъ въ шкапу чистое полотенце, намочилъ и положилъ его на голову, а сына просилъ послать за докторомъ. Когда тотъ вышелъ я, осторожно поднявъ голову Александра Николаевича, началъ цѣловать его. Онъ былъ неподвиженъ. Пробовалъ я пульсъ— не бьется... Вскорѣ онъ очнулся и велѣлъ сбросить съ головы компресъ; потомъ, поддерживаемый мною, всталъ. Отъ сильнаго испуга меня било какъ въ лихорадкѣ. Онъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Не трогайте меня... Вы дрожите... Стойте возлѣ... Если буду падать, поддержите.

Не шевеля ни однимъ мускуломъ и нѣсколько откинувъ назадъ голову, онъ стоялъ предъ письменнымъ столомъ съ полузакрытыми глазами и чуть открытымъ ртомъ; дыханіе было медленное и неровное. Вдругъ полилъ съ него обильный потъ и крупными каплями падалъ съ лица и рукъ. Сохраняя разъ принятое положеніе и не мѣняя бѣлья, онъ обтирался полотенцами. Кто-то спросилъ: „можно ли принять доктора?“ (Кажется, прибылъ врачъ Тверской части). Александръ Николаевичъ отказалъ. Онъ пользовался постоянно у профессора А. А. Остроумова, къ которому и посылалъ послѣ, когда припадокъ прошелъ.

Во время припадка нѣсколько разъ навѣдывался къ нему С. М. Минорскій. Будучи съ дѣтства знакомъ Александру Николаевичу, онъ съ рѣдкой, сыновней, заботливостью ухаживалъ за нимъ, ночевалъ вмѣстѣ и безъ меня дѣлилъ досужее время безотлучно въ его обществѣ.

— Ну,—вздохнулъ вольнѣе Александръ Николаевичъ,— боль проходитъ... остается только въ оконечностяхъ пальцевъ.

Обыкновенно онъ жаловался на ломоту въ груди и рукахъ, чѣмъ и вызывались эти мучительные припадки. Когда боль окончательно унялась, онъ сѣлъ и пробовалъ закурить, но тотчасъ же бросилъ. Курилъ онъ очень много и самъ крутилъ себѣ папиросы изъ табака крупной крошки, который получалъ, по собственному заказу, съ фабрики Бостанжогло. Бѣлья онъ не мѣнялъ, потому что боялся тронуться съ мѣста, и у него показался легкій ознобъ. Я накинулъ на него пледъ, въ который и укуталъ его.

Затѣмъ мы написали слѣдующее письмо къ Мишлé:

„Въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года дирекція Московскихъ театровъ получила чрезъ г. Стерлигова условія, на которыхъ опера *Мефистофель* со всѣми необходимыми для исполненія ея принадлежностями, передается вами Петербургской оперѣ и на которыхъ вы желаете все это передать Московской дирекціи. Московская дирекція, находя эти условія необременительными, изъявила согласіе войти съ вами по этому предмету въ переговоры. Въ бытность мою въ Петербургѣ вы явились ко мнѣ вмѣстѣ съ Барцаломъ,—и я, при Барцалѣ и другихъ свидѣтеляхъ, заявилъ вамъ о намѣреніяхъ дирекціи. Тогда вы сказали мнѣ, что за mise en scène и рисунки вы желаете получить отдѣльно 300 франковъ. На это я вамъ отвѣтилъ, что, кажется, mise en scène помѣщена въ другихъ условіяхъ, что объ этомъ я справлюсь въ Москвѣ и что, затѣмъ, остается заключить условіе съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, то-есть вы должны представить доказательства, что музыка оперы, либретто и переводъ его пріобрѣтены вами въ собственность. 23 апрѣля я получилъ отъ васъ два экземпляра условія и письмо, въ которомъ вы просите немедленно подписать ихъ. Подписать условія дирекція не могла по слѣдующимъ причинамъ: во 1) въ прежнемъ предложеніи плата за mise en scène включена была въ общую сумму 3000 франковъ; въ Петер-

бургѣ вы лично говорили мнѣ, что желаете получить особую плату въ 300 фр., а въ условіи эта плата уже назначена въ 450 фр.; во 2) въ присланныя вами условія вошелъ новый пунктъ, неупомянутый прежде, а именно: уплата впередъ 1500 фр. за первыя пять представленій; въ 3) въ просимыхъ вами условіяхъ не перечисленъ матеріалъ, который вы обязаны были доставить; въ 4) дирекція не имѣетъ въ виду никакихъ документовъ о принадлежности вамъ означенной оперы и перевода либретто. Въ письмѣ ко мнѣ 23 апрѣля вы писали, что въ началѣ мая будете въ Москвѣ, почему дирекція приглашала васъ явиться для личныхъ переговоровъ по предмету присланнаго вами условія. Дирекція ни въ чемъ не поступала необдуманно. Напротивъ, она за тѣмъ и приглашала васъ, чтобы сдѣлать это дѣло серіозно и обдуманно. За телеграмму вашу вы подлежите законной отвѣтственности. *А. Островскій*“.

На этомъ же письмѣ главный режиссеръ оперной труппы, А. И. Барцалъ, приписалъ слѣдующее:

„Я былъ свидѣтелемъ переговоровъ вашихъ въ Петербургѣ, и утверждаю, что оно происходило именно такъ, какъ упомянуто въ этомъ письмѣ. Я же прислалъ въ Москву ваши условія на имя моего режиссера, г. Стерлигова, для врученія дирекціи“.

Къ сожалѣнію, я не могу привести текста самой телеграммы, такъ какъ она еще до моего прибытія была отослана Александромъ Николаевичемъ, кажется, къ управляющему театрами, къ которому послѣ онъ командировалъ меня сообщить объ его болѣзни и желаніи съ нимъ видѣться.

По его же порученію, я отправился въ школу объявить, что какъ въ этотъ злополучный день, 20 мая, такъ и впредь, до его выздоровленія, пріема не будетъ, что огорчило многихъ драматическихъ артистовъ, съ которыми въ то время возобновлялись контракты.

Однако, на свой рискъ, какъ отъ артистовъ, такъ и отъ другихъ лицъ, имѣвшихъ надобность видѣть Александра Николаевича по своимъ претензіямъ, я записалъ таковыя съ ихъ именами въ пріемномъ листѣ, чтобы при удобномъ случаѣ доложить о нихъ Александру Николаевичу, и около 5 часовъ вечера направился въ гостиницу Дрезденъ провѣдать больнаго.

Я засталъ его въ нумерѣ Минорскаго, гдѣ онъ разсматривалъ фотографическіе снимки нѣкоторыхъ сценъ и декорацій изъ его *Воеводы*, вмѣстѣ съ исполнителемъ ихъ, М. М. Пановымъ.

Въ 6 часовъ вечера навѣстилъ его А. А. Майковъ. Они бесѣдовали около часа, оставшись вдвоемъ.

По претензіямъ Островскій положилъ слѣдующія резолюціи: 1) г-жѣ Г—ной (экстерной воспитанницѣ), желавшей „по крайней бѣдности“ участвовать въ спектакляхъ Зоологическаго сада—„разрѣшить“; 2) преподавателю К. Л. Добрынину, желавшему заняться учебною частью въ школѣ, если К. П. Колосовъ откажется отъ должности—„имѣть въ виду“; 3) А. И. Барцалу, просившему отпускъ — „разрѣшить“. Вообще же всѣ прочія резолюціи для претендентовъ были благопріятны, за исключеніемъ одной для г-жи И—ной, конкуррировавшей на пробныхъ спектакляхъ и аттестованной въ *Протоколѣ* весьма лестно, ходатайствовавшей о зачисленіи ея въ драматическую труппу. Ей былъ поставленъ *знакъ вопроса*, потому что кредитъ на содержаніе драматической труппы весь былъ исчерпанъ.

На адресованную лично къ Александру Николаевичу журналистомъ конторы И. С. Розовымъ просьбу — „если Александръ Николаевичъ не былъ на Высочайшемъ выходѣ въ Кремлѣ, возвратить билетъ для входа во Дворецъ, также и кучерской“, — Островскій отвѣтилъ: „Былъ“.

XIV.

21 мая, въ среду, своего болящаго пацієнта Островскаго навѣстилъ профессоръ А. А. Остроумовъ, прописавшій Александру Николаевичу, кажется, кофеиновыя пилюли. Лѣкарство это ожидаемой пользы, однако, не принесло: хотя и въ меньшей мѣрѣ, — припадки повторялись ежедневно. При плохомъ снѣ и полномъ отсутствіи аппетита, желудокъ не работалъ, что усугубляло болѣзнь при поднимавшихся ломотахъ въ груди и рукахъ.

Бывало, послѣ припадковъ, Островскій находился въ забытьѣ, или засыпалъ сидя въ креслѣ. Сонъ былъ непродолжителенъ и чутокъ. Костюмъ его состоялъ изъ синяго шевіота пиджачной пары сверхъ русской, изъ плотной чесунчи, рубахи; жилета не надѣвалъ; брюки въ таліи не застегивались.

Иной разъ послѣ припадка онъ спроситъ:

— Блѣденъ я?

Конечно, я успокаивалъ его. Самъ же онъ избѣгалъ смотрѣться въ простѣночное зеркало, стоявшее между окнами.

Я замѣчалъ, что на расшатанный организмъ Островскаго, при общемъ разстройствѣ всей нервной системы, губительно вліялъ безпощадно истреблявшійся имъ табакъ. Къ тому же у него всѣ курили безпрепятственно; поэтому нумеръ его былъ насквозь пропитанъ никотиномъ, такъ что и воздухъ, при часто открываемыхъ поочередно окнахъ, не могъ выгнать табачнаго запаха. Однажды, войдя къ нему, я не выдержалъ и громко заявилъ свой протестъ:

— Простите, Александръ Николаевичъ, здѣсь дышать невозможно! Кажется, и стѣны насквозь пропитаны табакомъ.

— Откройте вонъ то окно и дверь настежъ, пускай про-

сквозитъ; я покуда постою тамъ,—сказалъ Александръ Николаевичъ, и самъ скрылся въ спальню.

Дверь и окно были открыты. Потянуло сквознякомъ.

— Довольно,—проговорилъ онъ нетерпѣливо,—закройте окно: воздухъ проникаетъ сюда.

Такъ какъ моихъ увѣщаній бросить курить табакъ Островскій во вниманіе не принималъ, я нажаловался на него въ его же присутствіи посѣтившему его доктору С. В. Доброву, шепнувъ ему объ этомъ на ухо. Совѣтъ Сергѣя Васильевича, на вопросъ: „развѣ вредно курить?“ оказался убѣдительнымъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Александра Николаевича курящимъ; но это, къ сожалѣнію, случилось незадолго до его кончины.

Несмотря на то, что день ото дня Островскій угасалъ, какъ догорающій свѣтильникъ, умъ его бодрствовалъ; духомъ онъ не падалъ и, если физическія силы позволяли, работалъ не покладая рукъ.

За письмомъ къ Мишлé, на очереди стояли училищные штаты и объяснительная къ нимъ записка [1]). Первые, подъ его диктантъ, писалъ сынъ его, студентъ, вторую — я; но я только ее переписывалъ, написана же она имъ собственноручно.

Начатый Александромъ Николаевичемъ пересмотръ штатовъ Театральнаго училища надѣлалъ тревогу и между конторскими чиновниками, которые, какъ члены администраціи, не были ему подчинены, но тѣмъ не менѣе осаждали его разными вопросами.

— Меня осаждаютъ разными вопросами, на которые не хотѣлось бы отвѣчать. Такъ, напримѣръ, по поводу новыхъ штатовъ,—жаловался онъ мнѣ,—кто *имъ* сказалъ, что я занимаюсь составленіемъ штатовъ по администраціи, тогда какъ это дѣло вовсе не мое, а Аполлона Александровича

---

[1]) См. *Приложенія:* IV. Записка о Театральномъ училищѣ.

(Майкова)?.. Сейчасъ приходилъ ко мнѣ С., очень взволнованный... Я успокоилъ его.

И каждаго онъ старался успокоить. Все-таки это вредно отзывалось на его болѣзненно-впечатлительной натурѣ.

По всей вѣроятности, чиновники ожидали такого же погрома, какой случился при режимѣ 1882—83 годовъ, когда чуть не поголовно были оставлены за штатомъ заматорѣлые въ своемъ дѣлѣ работники-чиновники. Тогда же, между прочимъ, послѣ нѣсколькихъ оскорбительныхъ для всякаго самолюбія вступленій, проникшихъ потомъ въ печать, главнымъ дѣятелемъ конторской реформы, тогда еще отставнымъ поручикомъ П-овымъ, водворявшимся въ Москвѣ, было внушено этимъ безотвѣтнымъ труженикамъ, что онъ присланъ „казнить и миловать“ ихъ. За что? За то-ли, что при одинаковыхъ условіяхъ труда они получали крохи, 200 — 300 р. годоваго содержанія, въ сравненіи съ замѣнившими ихъ ставленниками П—ова, получившими 2000 и 1000 р. minimum? Я могу со спокойною совѣстью утверждать, что „казнить и миловать“, или „раздавить какъ червяка“ не только на устахъ, и въ мысляхъ не было бы у благоразумнаго новаго управленія, еслибы проектированнымъ имъ штатамъ суждено было осуществиться. Могло, пожалуй, случиться, что три-четыре чиновника, ожирѣвшіе отъ празднаго бездѣлія на хорошихъ хлѣбахъ, были бы уволены за штатъ; но ихъ судьба хранила.

Время, на которое оставался Александръ Николаевичъ въ Москвѣ, было горячее для его дѣятельности. Для полнаго, безмятежнаго отдыха во время лѣтнихъ вакацій, ему хотѣлось сразу со всѣмъ покончить. А тутъ подоспѣло возобновленіе контрактовъ съ артистами драматической труппы. Опять борьба.

Съ Миленскимъ, напримѣръ, Островскій желалъ заключить контрактъ не на просимыхъ имъ *три года на прежнихъ*

условіяхъ, а на *одинъ годъ*, съ тѣмъ, чтобы съ новаго сезона увеличить ему жалованье, а тотъ упрашивалъ черезъ меня возобновить контрактъ согласно его ходатайству.

„Чудакомъ“ за это назвалъ его Александръ Николаевичъ въ присутствіи артиста Дубровина (Ватсона).

На это Дубровинъ возразилъ, что „артисты запуганы *этими театральными поручиками*“.

— Былъ примѣръ, — пояснилъ Дубровинъ, — что одному артисту обѣщали возобновить контрактъ, и по истеченіи срока обманули. Понятно, что Миленскій боится, чтобы и съ нимъ не повторилось того же, если опять воздѣйствуютъ *эти поручики*.

— Причемъ тутъ поручики? — рѣзко спросилъ я, вопросительно посмотрѣвъ на Дубровина.

Дубровинъ почувствовалъ неловкость своей непредусмотрительности, да только такихъ словъ, сказанныхъ почти на глазахъ умирающему человѣку, назадъ взять нельзя. И Александръ Николаевичъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, рѣшилъ уступить ходатайству Миленскаго.

Желая показать, что онъ не такъ безнадежно боленъ, Александръ Николаевичъ не принялъ предложеннаго Дубровинымъ, на выгодныхъ условіяхъ, перемѣщенія отъ Москвы до Кинешмы въ особомъ вагонѣ, съ приспособленіемъ спокойной, на подобіе гамака, висячей постели. Ватсонъ, или по сценѣ Дубровинъ, былъ по профессіи инженеръ путей сообщенія и, по своимъ желѣзнодорожнымъ связямъ, могъ бы обстановить Александра Николаевича возможнымъ комфортомъ въ пути. Александръ Николаевичъ простился съ нимъ, всегда благосклонно принимаемымъ въ его домѣ, деликатно, но сухо.

— Слыхали, amicus? Уже заживо хоронятъ меня!.. сказалъ онъ мнѣ.

XV.

По предполагаемымъ смѣтѣ расходовъ на содержаніе театральнаго училища и штату приготовительнаго отдѣла его, Александръ Николаевичъ исчислилъ 30870 р. 50 к., на содержаніе драматическаго класса особо 3020 р. и на единовременный расходъ по устройству этихъ классовъ съ необходимыми передѣлками и покупкой мебели — 4000 р. Хотя, въ общемъ, за исключеніемъ послѣдней суммы, противъ прежней смѣты (въ 22064 р. 15 к.) расходъ увеличивался на 11826 р. 35 к., зато увеличены и учебно-воспитательный персоналъ и особенно значительно, — вдвое, а нѣкоторымъ служащимъ чуть не втрое,—оклады содержанія.

О прибавкахъ по драматической труппѣ содержанія артистамъ въ то время нечего было и думать, и я по совѣсти долженъ сказать, что драматическіе артисты были не такъ притязательны и лакомы на прибавки, какъ оперные, часто безголосые, или неумѣющіе ходить по сценѣ, а не только играть. Многіе изъ желавшихъ поступить въ драматическую труппу предлагали безвозмездное служеніе сценѣ, но Александръ Николаевичъ отклонялъ ихъ безкорыстныя услуги, а принимаемымъ на сцену предлагалъ minimum вознагражденія— 300 рублей.

Вотъ образецъ непритязательности знаменитости этой труппы. *По докладу*, когда имѣла бы право войти и *безъ доклада*, она вошла въ кабинетъ, гдѣ мы сидѣли вдвоемъ съ Александромъ Николаевичемъ. Это свиданіе даровитой артистки съ великимъ драматургомъ происходило 13 или 14 мая 1886 года, во время школьныхъ экзаменовъ, и было въ ихъ жизни, должно быть, послѣднимъ. Послѣ взаимнаго ласковаго привѣтствія другъ друга, Александръ Николаевичъ спросилъ, зачѣмъ она пожаловала. *Не требовательно*, но,

можно сказать, *робко*, *нерѣшительно*, артистка полноправно просила прибавки.

На это Александръ Николаевичъ отвѣтилъ ей полушутливо, полусеріозно:

— Еслибы деньги на прибавку шли изъ моего кармана, я бы съ удовольствіемъ ихъ далъ.

Артистка спокойно и мягко извинилась передъ нимъ за то что потревожила и, пожавъ его руку, медленною, необиженною походкой вышла изъ кабинета. Александръ Николаевичъ, ласковыми глазами прослѣдивъ за нею, обратился ко мнѣ:

— Вотъ съ такими не скучно говорить. Сразу поняла въ чемъ дѣло. И какая выдержанность: ни малѣйшаго протеста!...

Теперь нѣсколько словъ о высокопочтенной артисткѣ Н. В. Рыкаловой. Контрактъ ея кончался 1 іюля 1886 года. Артистка просилась на покой послѣ сорокалѣтней службы.

— Что̀ вы! Что̀ вы!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ, — вамъ надо дать юбилейный бенефисъ, а вы въ отставку проситесь! Нѣтъ, Надежда Васильевна, доживите сперва до полувѣковаго юбилея, тогда и подумайте о покоѣ.

А ей, злополучной, ставшій опять у власти конторскій режимъ 1882 — 83 годовъ, вкупѣ съ режиссерскимъ управленіемъ, не далъ дослужиться до столь знаменательнаго событія, какъ полувѣковой юбилей ея артистической дѣятельности. И этотъ-то, послѣдній, благодаря гостепріимству просвѣщеннаго цѣнителя искусства и его дѣятелей, Ѳ. А. Корша, любимой публикой заслуженной артисткѣ пришлось отпраздновать на частной, а не на родной ей казенной сценѣ, которой и она была вполнѣ достойнымъ и выдающимся украшеніемъ около пятидесяти лѣтъ!...

Конечно, это было послѣдствіемъ сценическихъ интригъ, во внутреннюю жизнь которыхъ ни подъ какимъ видомъ не

должно вмѣшиваться осторожное и предусмотрительное театральное начальство, дабы пресѣчь тѣмъ и самыя интриги на сценѣ и не вызывать противъ себя со стороны справедливыхъ осужденій и нареканій.

Всякая *полезная служба тѣмъ и почетнѣе* дѣлается, *чѣмъ* она *многолѣтнѣе*.

Что̀ бы вышло, еслибы съ самимъ режиссеромъ поступили такъ же, какъ съ Н. В. Рыкаловой, права которой онъ первый долженъ защищать?

И какъ люди забываютъ поучительную пословицу: „не рой другому яму—самъ въ нее попадешь?“.

Всѣ непроизводительно отягощавшіе бюджетъ артисты, разумѣется, были удалены или же предназначены къ увольненію. Это все были креатуры или драматическихъ писателей, ставившихъ часто свои піесы на Императорской сценѣ, или же лицъ близко стоявшихъ къ сценѣ и вліявшихъ на нее. Но артисты эти, хотя получавшіе крохи, все-таки были бездарностями.

Многіе любопытствовали повидать Александра Николаевича „больнаго“, но *мало* кто изъ оставшихся въ Москвѣ по сочувствію, *больше* ради желанія провѣрить наглядно—дѣйствительно ли онъ боленъ. Со средоточіемъ въ его рукахъ репертуарнаго единовластія, съужены были рамки всякихъ любителей самовластія, что, конечно, щекотало ихъ личное самолюбіе. Могъ ли быть онъ терпимъ этими самовластіями, при чиновникахъ П—евѣ и П—овѣ завѣдывавшими своими частями *непосредственно?* Конечно, нѣтъ!

Всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ по важнымъ дѣламъ служебныя сношенія, Островскій принималъ самъ, пока позволяли силы. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ адресовалъ ко мнѣ.

Самый продолжительный припадокъ былъ 24-го мая, въ субботу; длился онъ съ 10 ч. утра до 4 ч. пополудни. Все это время Александръ Николаевичъ стоялъ на ногахъ не-

подвижно: только подобнымъ положеніемъ, болѣе или менѣе, облегчались его страданія. Я и Минорскій находились возлѣ. Слегка зашумѣла дверь.

— Кто тамъ? спросилъ шопотомъ Александръ Николаевичъ.

— Авранекъ,—шепнулъ я.

— Уведите его; узнайте, что ему нужно.

Я вышелъ съ г. Авранекомъ.

Въ тотъ день, т.-е. 24-го мая, я заходилъ къ нему три раза. У него безвыходно, если не ошибаюсь, съ 3 ч. дня и почти до ночи, сидѣлъ докторъ С. В. Добровъ, до пріѣзда котораго, послѣ ухода моего съ Авраненкомъ, съ нимъ дѣлилъ время г. Минорскій. Во второй разъ я пришелъ довольно поздно, около $5^1/_2$ ч., а послѣ обѣда отправился къ Александру Николаевичу смѣнить кого-то изъ дежурившихъ около него и поговорить о дѣлахъ. Тогда, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ лучше смерть, чѣмъ такая жизнь!

И сидя въ креслѣ онъ долго дремалъ, то свѣсивъ голову на грудь, то закинувъ ее назадъ; потомъ, очнувшись, всталъ и проговорилъ:

— Дремится; пойду на постель.

Мы перешли въ спальню; онъ легъ; я накрылъ его пледомъ, въ который при моей помощи онъ плотно укутался.

Въ 8 часовъ вечера я опять навѣстилъ Александра Николаевича. Заставъ его еще спящимъ, я отправился въ нумеръ С. М. Минорскаго, гдѣ, кромѣ хозяина нумера, находились его братъ, С. В. Добровъ и оба сына Александра Николаевича. Наконецъ, явился онъ самъ. В. М. Минорскій всячески старался развлекать его; но Александръ Николаевичъ мало слушалъ, слегка позѣвывалъ и, повидимому, ни на кого не обращалъ вниманія. Прохаживаясь по комнатѣ и ощупывая въ мускулахъ руки, онъ говорилъ:

— Кажется, мои руки и ноги возвращаются къ самочувствію.

Потомъ, присѣвъ, присоединился къ общему разговору о постройкахъ и коснулся своей усадьбы; но разсказывалъ уже не съ тѣмъ оживленіемъ, какъ бывало, о своемъ любимомъ Щелыковѣ, которое сравнивалъ съ нѣкоторыми мѣстностями Швейцаріи, но только не въ этотъ разъ.

Созерцая его послѣ припадковъ, можно было подумать, что онъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ—и до остального на свѣтѣ ему никакого дѣла нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не забывалъ и другихъ, судя по тому участію, съ какимъ отнесся ко мнѣ.

За недѣлю, которую я проводилъ съ нимъ ежедневно съ 9 часовъ утра и до 10—11 вечера, я, правда, былъ слишкомъ утомленъ отъ собственнаго усердія угодить больному, а не вслѣдствіе эгоистическихъ проявленій со стороны скромнаго и нетребовательнаго Александра Николаевича. Ему была извѣстна также моя семейная обстановка: онъ зналъ, что на ограниченныя трудовыя средства я могъ обезпечить только жизненное существованіе моего большаго семейства, и что воспитывать дѣтей безъ посторонней помощи не могъ. Отпуская меня отъ себя, онъ предупредительно сказалъ мнѣ:

— Завтра у насъ воскресенье, не приходите ко мнѣ. Вамъ надо отдохнуть. Вѣроятно, вашъ кадетъ (мой сынъ) придетъ къ вамъ погостить. Хорошій мальчикъ, я его помню. Онъ, вѣдь, питомецъ Елизаветы Васильевны Сапожниковой? Не ошибаюсь?

На мой утвердительный отвѣтъ Александръ Николаевичъ нѣжно воскликнулъ:

— Милая дама! Высшая заслуга имущихъ—воспитывать чужихъ дѣтей несостоятельныхъ родителей. Помоги Богъ вашимъ дѣтямъ оправдать ея добрыя намѣренія. Мало любить и уважать такую просвѣщенную особу, — ею надо до-

рожить, благоговѣть передъ нею. *Образованіе дать — дать все!*—заключилъ онъ, и отпустилъ меня.

Въ воскресенье, 25 мая, онъ чувствовалъ себя тоже не хорошо, какъ самъ сообщилъ мнѣ. Приходили къ нему разные посѣтители, которыхъ онъ не велѣлъ принимать, но нѣкоторые сами врывались къ нему, несмотря на предупрежденіе дежурнаго капельдинера. Изъ посѣтителей отмѣчу наиболѣе извѣстныхъ: А. А. Потѣхина и В. Н. Кашперова.

Про Потѣхина Александръ Николаевичъ передавалъ мнѣ такъ:

— Вчера былъ у меня Потѣхинъ, Алексѣй. Пріѣхалъ-то въ такое время, когда мнѣ было очень нехорошо. Я не велѣлъ его принимать, такъ самъ вошелъ, говоритъ: „узналъ, что ты нездоровъ; я только поцѣловаться съ тобой, поцѣловаться только“.

Къ Кашперову прежнія дружественныя отношенія Островскаго, какъ мнѣ казалось, нѣсколько охладѣли въ послѣднее время. Причина мнѣ извѣстна.

Конечно, я многое слыхалъ и видалъ, но о многомъ умалчиваю. Я знаю, что Александръ Николаевичъ былъ у многихъ, какъ бѣльмо на глазу. Въ большинствѣ случаевъ, такова участь великихъ людей и корректно занимающихъ высокіе посты лицъ.

XVI.

26 мая Александръ Николаевичъ чувствовалъ себя сносно, и мы занялись однимъ и, кстати сказать, послѣднимъ изъ наболѣвшихъ дѣлъ по театру—оперой.

Про новое управленіе враги его распустили по городу слухъ, что будто бы оно въ короткій срокъ завѣдыванія театрами успѣло передержать по оперѣ до 30000 рублей.

Встревоженный этимъ слухомъ, Александръ Николаевичъ вытребовалъ изъ конторы дѣла, касающіяся оперной труппы;

но въ нихъ царилъ такой хаосъ, что и сами вызванные изъ конторы чиновники Силинъ и Заринг̀ъ не могли въ немъ разобраться. Наконецъ, Заринг̀ъ, ближе стоявшій къ цифрамъ, призналъ, что передержка по операѣ была сдѣлана еще до вступленія новаго управленія, чѣмъ рѣзко оправдалъ пословицу: „съ больной головы да на здоровую“.

Открытіе это успокоило Александра Николаевича. Но его немало удивляло, что содержаніе главнаго капельмейстера— 5000 р. и плата за акомпаниментъ на рояли — 1000 руб. отнесены были на оперный бюджетъ, а не на оркестровый, по прямому своему назначенію.

Въ *Вѣдомости бюджетнаго назначенія* на 1886 годъ, въ § 3 подъ № 37, противъ расхода на *содержаніе оперной труппы* 231600 р., Александромъ Николаевичемъ собственноручно помѣчено: „фальшивая цифра“.

Смущалъ Александра Николаевича и хоръ во время своего исполненія на сценѣ. Находились въ немъ лица обоего пола, которыя, такъ сказать, автоматически разѣвали ротъ, т. е. дѣлали видъ будто они поютъ, но на самомъ дѣлѣ не пѣли. Не знаю, объяснился ли съ кѣмъ слѣдуетъ Александръ Николаевичъ по поводу такой исключительной привиллегіи тѣхъ лицъ.

Мнѣ припоминается при этомъ любопытный эпизодъ. Не будучи въ состояніи сладить одинъ со своею многосложною работой, я, какъ выше было уже сказано, приглашалъ въ помощь себѣ артиста г. Мухина. Въ разсужденіяхъ о дѣлахъ общихъ или, лучше сказать, открытыхъ, мы не стѣснялись присутствіемъ г. Мухина. Разъ, объяснившись съ бывшимъ балетнымъ режиссеромъ, А. Ѳ. Смирновымъ, по балетному дѣлу, Александръ Николаевичъ обратился къ Мухину, какъ къ артисту, хорошо знакомому съ балетомъ:

— Вотъ тутъ и разбирай, какъ знаешь.

— Вы, Александръ Николавичъ, ужъ очень глубоко опу-

скаетесь въ эту пропасть: въ ней такъ душно и мрачно, что позволитъ ли ваше здоровье такъ усердно изучать ее?—возразилъ Мухинъ.

— Что-жъ дѣлать? надо! – заключилъ Александръ Николаевичъ.

И вотъ отъ изученія „омута“, въ который онъ окунулся, здоровье его замѣтно пошло на убыль...

Возвращаюсь къ оперѣ.

Въ одинъ изъ конечныхъ дней земныхъ страданій Островскаго, то-есть 26 мая, мы занимались составленіемъ *объяснительной записки* [1]) къ оперному бюджету на 1886 годъ.

Изъ этой записки по оперѣ читатель увидитъ, что Александръ Николаевичъ крайне осторожно и бережливо относился къ казенной копѣйкѣ и, при всемъ своемъ благодушіи, направо и налѣво казною не швырялъ, причемъ неуклонно поддерживалъ его такой же осторожный и бережливый управляющій театрами, А. А. Майковъ. У нихъ все дѣлалось сообща и, по возможности, безъ сложной переписки, рѣшались зачастую серіозныя дѣла устно, скоро и споро.

Исключая концертовъ Симфоническихъ собраній, участіе музыкантовъ въ прочихъ частныхъ концертахъ, а также и артистовъ другихъ трупъ въ литературныхъ утрахъ и вечерахъ, Александръ Николаевичъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ. Онъ былъ строгимъ блюстителемъ установленныхъ для артистовъ „правилъ“, въ составленіи которыхъ самъ принималъ живое участіе. Твердо держась этихъ „правилъ“, при всемъ уваженіи къ Ѳ. А. Коршу, заслуженно пользовавшемуся особенными симпатіями геніальнаго драматурга, онъ не разрѣшилъ, однако, артистамъ Императорской сцены принять участіе въ одномъ литературномъ утрѣ или вечерѣ (не помню хорошо) на подмосткахъ его театра.

---

[1]) *Приложенія:* V. Объяснительная записка по оперному бюджету на 1886 г.

Съ какимъ добросовѣстнымъ вниманіемъ ко всѣмъ частямъ принятаго на себя художественнаго театральнаго дѣла Островскій проявлялъ свою симпатичную дѣятельность, можно судить хотя по этой, сохранившейся у меня, собственноручно имъ писанной памяткѣ:

„Духовые инструменты выписать (разный строй) разныхъ фабрикъ (отъ 3—4000)“.

„Хорошо бы и для балета“.

„Возобновить контрактъ съ Клюгенау“.

„Тепферъ—Вакансія на барабанъ. Къ свѣдѣнію. Перевести“.

„Запросъ о пенсіяхъ по оркестру“.

„Большой камертонъ нормальнаго строя и 10 малыхъ“.

Только по всестороннемъ размотрѣніи и обсужденіи всѣхъ подробностей, какъ, напримѣръ, относительно музыкальныхъ инструментовъ, Александръ Николаевичъ записывалъ таковыя себѣ на память, для исполненія. Другой бы на его мѣстѣ начальникъ репертуара свысока ограничился лишь извѣстными лаконически-бюрократическими фразами: „Напишите рапортъ и подайте мнѣ“, „ согласенъ“, „подлежитъ исполненію“ и т. п., а есть-ли дѣйствительная потребность въ инструментахъ—спрашивать бы не сталъ.

XVII.

Когда дѣла, для которыхъ Александръ Николаевичъ оставался въ Москвѣ, были закончены, онъ просилъ меня собрать всѣ бумаги, касавшіяся репертуара, и проекты штатовъ театральнаго училища съ объяснительною къ нимъ запиской, часть ихъ по принадлежности передать А. А. Майкову, все же остальное до его возвращенія хранить у себя, а если вызоветъ меня въ Щелыково, то захватить съ собою. По мѣрѣ того, какъ я исполнялъ его распоряженія, онъ, слѣдя за мною, говорилъ, что „вотъ этого не трогать“, такъ какъ беретъ съ собою: напримѣръ, піесы, въ числѣ

которыхъ была одна моя, возвращенная режиссеромъ Черневскимъ, и корректура переводившейся имъ Шекспировской піесы *Антоній и Клеопатра*, присланная петербургскимъ издателемъ-книгопродавцемъ Мартыновымъ. Просилъ также „посмотрѣть — нѣтъ ли чего относящагося къ театру въ его портфелѣ и не оставлять *ничего* театральнаго, забирать *все*“.

Чѣмъ объяснить такое распоряженіе: проявившеюся ли въ немъ ненавистью къ театру, окончательно надломившему его послѣднія силы, или же предчувствіемъ, что онъ ужъ больше не вернется къ нему? Скорѣе — отвращеніемъ къ театру, ибо однажды въ семьѣ своей онъ сказалъ, что, если кто-либо изъ дѣтей его поступитъ на службу въ театръ, онъ въ гробу перевернется.

Это было явленіемъ на удивленіе рѣзкимъ и діаметрально противоположнымъ тому, съ какимъ рвеніемъ и любовью сначала Островскій относился ко всему, что касалось театра, при своемъ вступленіи въ него.

Если занятіе должности завѣдывающаго художественною частью при театрѣ, въ письмѣ ко мнѣ 29 августа 1885 года, онъ называлъ *счастьемъ*, уже поэтому можно судить, какъ онъ беззавѣтно преданъ былъ принятому на себя дѣлу. Понятно, что послѣ этого никакіе мудрые и доброжелательные совѣты въ интересахъ его собственнаго здоровья не могли бы поколебать устойчиваго въ убѣжденіяхъ, энергичнаго и сильнаго волей Александра Николаевича и отговорить его отказаться отъ *счастья*. *Счастье* это было бы обоюдоравно-благотворное, какъ для него самого, содѣявшаго полезное для театровъ, такъ и для театра. При данныхъ соображеніяхъ, и докторская опека надъ его здоровьемъ едвали могла бы разочаровать его. Если въ предсмертные дни свои, внявъ совѣту врача, Островскій оставилъ курить, то потому только, что онъ самъ чувствовалъ отвращеніе къ табаку, часто отбрасывая только-что закуренную собственноручно

свернутую папиросу, хотя и вновь брался за нее по привычкѣ.

Я торопилъ Александра Николаевича отъѣздомъ въ Щелыково, но его удерживало обѣщаніе пользовавшаго доктора-профессора А. А. Остроумова навѣстить драматурга 28 мая. Въ ожиданіи его посѣщенія Александръ Николаевичъ долженъ былъ остаться еще на два мучительныхъ дня. Положимъ, что у него нашлась бы работа—корректированіе піесы *Антоній и Клеопатра*; но буквально ничѣмъ не могъ онъ заняться: до того силы его ослабли, хотя онъ и бодрствовалъ духомъ и не терялъ способности къ умственной работѣ.

Наканунѣ отъѣзда Александра Николаевича, 27 мая, заходилъ къ нему секретарь Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, И. М. Кондратьевъ, съ просьбой подписать пятнадцать квитанцій въ полученіи членскихъ взносовъ для лицъ имѣвшихъ вновь поступить въ Общество. Въ виду того, что непослушная рука отказывалась держать перо, Островскій отложилъ этотъ нехитрый трудъ пока не соберется съ силами.

Подавляющій былъ моментъ...

И припомнились мнѣ знаменательныя, наканунѣ имъ по предчувствію сказанныя, слова, когда подъ рукой у него лежали театральныя дѣла:

— Да, amicus, да, Николай Антоновичъ, приходитъ послѣдній актъ моей жизненной драмы.

Кое-какъ завязалась бесѣда, но вялая, такъ-сказать, ab hoc et ab hac. Когда же рѣчь коснулась южнаго берега Крыма, виноградниковъ и Гурзуфскаго винодѣлія Губонина, особенно же уженія рыбы въ Черномъ морѣ, Александръ Николаевичъ сталъ мало-по-малу оживляться.

Лѣтомъ, въ часы досуга, уженіе рыбы и рыболовство вообще были любимымъ развлеченіемъ Александра Николае-

вича. Такимъ развлеченіемъ онъ съ удобствомъ могъ пользоваться въ своемъ собственномъ имѣніи, сельцѣ Щелыковѣ, чрезъ которое протекаютъ три рѣчки; изъ нихъ двѣ изобилующія рыбой: впадающая въ Волгу Мера и Куикша, въ свою очередь впадающая въ Сендигу, и менѣе рыбную, чѣмъ послѣдняя. На второй изъ нихъ, съ которою по уженію я знакомъ, при омутѣ, стояла водяная мельница.

Тутъ же, не безъ нѣкотораго юмора и довольно увлекательно, Александръ Николаевичъ разсказалъ о своемъ времяпровожденіи въ Щелыковѣ. Когда задумывалось ловить въ Мерѣ рыбу сѣтью, въ Щелыковѣ заведено было такъ: первымъ на телѣгѣ ѣдетъ „морской министръ“. „Министръ“ этотъ не кто иной какъ псаломщикъ изъ сосѣдняго села Бережковъ, Иванъ Ивановичъ, въ подрясникѣ и широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой какъ крысій хвостикъ торчитъ тонкая косичка. „Морскимъ министромъ“ онъ названъ потому, что былъ руководителемъ и распорядителемъ всей охоты вообще. За „министромъ“ ѣдутъ гости и семейство Александра Николаевича. На облюбованномъ для ловли мѣстѣ раскидываются шатры. Начинается ловъ. Первымъ лѣзетъ въ воду „морской министръ“, направляя сѣть; за нимъ крестьяне въ рубахахъ и портахъ; иначе нельзя, потому что есть дамское общество. Вода въ Мерѣ до того холодна, что, несмотря на самый знойный день, ловцовъ прошибаетъ „цыганскій потъ“, то-есть по выходѣ изъ воды зубъ на зубъ не попадетъ отъ дрожи. На берегу для ловцовъ уже все готово: пироги, закуска и въ изобиліи водка.

Вскорѣ послѣ этого разсказа я видѣлъ „морскаго министра“, облаченнаго въ стихарь и уныло читавшаго Псалтирь, на почтенномъ разстояніи, влѣво отъ изголовья сомкнувшаго на вѣки свои вѣщія уста „типовъ создателя многаго множества“.

XVIII.

Наступилъ день отъѣзда Островскаго въ деревню, 28 мая.

Навѣстивъ, по обыкновенію, Александра Николаевича утромъ, я отправился по служебнымъ дѣламъ въ школу, гдѣ, приводя въ кабинетѣ оставленныя мнѣ бумаги въ порядокъ, не нашелъ одного документа, относившагося къ училищнымъ штатамъ. Затерять его я не могъ. Поэтому я поспѣшилъ къ Александру Николаевичу и засталъ его одиноко сидѣвшимъ въ нумерѣ. Въ наружности его за короткій промежутокъ времени я замѣтилъ нѣкоторую перемѣну, почему и глянулъ на него вопросительно. Это отъ него не ускользнуло.

— Что̀ вы такъ смотрите на меня? спросилъ онъ и, смекнувъ въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Я посылалъ за цырюльникомъ, и постригся... И зубной врачъ приходилъ, почистилъ корни.

Александръ Николаевичъ имѣлъ полный наборъ вставныхъ зубовъ, но избѣгалъ ими пользоваться.

Когда я сообщилъ ему о недостающемъ документѣ, это его озадачило, тѣмъ не менѣе, указавъ мнѣ на ключи, онъ предложилъ поискать въ чемоданѣ, гдѣ и оказался разыскиваемый мною документъ. Александръ Николаевичъ проворчалъ:

— Просмотрѣлъ какъ-нибудь. Уложите же вещи.

Онъ слѣдилъ и указывалъ,—не трогаясь съ мѣста,—куда и какую вещь надо было уложить, потому что самъ собственноручно, съ неподражаемымъ умѣньемъ и классическою аккуратностью, укладывалъ вещи въ чемоданъ.

Въ нумеръ, по докладу дежурнаго капельдинера, вошелъ только что окончившій курсъ студентъ-медикъ, бывшій репетиторъ его сыновей.

Медика этого еще наканунѣ я встрѣтилъ у Александра Николаевича, который слегка его упрекнулъ, что тотъ забылъ

его. Медикъ нашелъ какія-то оправданія, а главное, будто не зналъ, что Александръ Николаевичъ находится въ Москвѣ, а не въ деревнѣ. Одна вѣсть, сообщенная медикомъ, сильно встревожила Александра Николаевича, и онъ долго не могъ успокоиться послѣ его ухода.

Между прочимъ, медикъ сообщилъ одну довольно оригинальную новость, которую онъ вычиталъ въ какой-то газетѣ: будто С. А. Юрьевъ перевелъ съ испанскаго какую-то большую піесу въ теченіе *шести* недѣль. Кажется, медикъ не сообщилъ ея заглавія, или же, будучи занятъ своими бумагами, я, можетъ-быть, пропустилъ мимо ушей.

— Съ испанскаго-то въ шесть недѣль? подернувъ плечами, изумленно усмѣхнулся Александръ Николаевичъ.

Благодаря такой драгоцѣнной, для справокъ, книжкѣ, какъ *Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей* Д. Д. Языкова (Выпускъ 8-й, 1900 г.), я изъ нея только узналъ, что переведенная С. А. Юрьевымъ піеса была *пятиактная* трагедія Лопе-де-Вега *Звѣзда Севильи*, которая давалась въ первый разъ на сценѣ Малаго театра 12 декабря 1886 года.

Я думаю, что не менѣе Александра Николаевича и читатель подивится такому *быстрому* и *успѣшному* переводу піесы знаменитаго испанскаго классика!

Какъ лицо, могущее оказать полезныя услуги больному въ дорогѣ, я просилъ медика проводить Александра Николаевича до Щелыкова. Однако, Островскій на это не согласился.

Думая о профессорѣ А. А. Остроумовѣ и съ безпокойвомъ поглядывая на часы, Александръ Николаевичъ неоднократно говорилъ:

— Должно быть, не будетъ?

Не явился и сотрудникъ профессора, докторъ С. В. Добровъ, который до сего времени почти ежедневно заходилъ къ Александру Николаевичу... „Зловѣщій признакъ!“...

Онъ, какъ жертва, и мы, его молчаливые и грустные собесѣдники, сознали это. „Послѣдній актъ жизненной драмы“ Александра Николаевича былъ подписанъ и скрѣпленъ.

Александръ Николаевичъ поникъ головой и призадумался.

— Господи!—воскликнулъ онъ, поднявъ глаза кверху:—три дня ничего не ѣлъ, три ночи... нѣтъ, не три... одну спалъ съ перерывами... двѣ ночи не спалъ...—Что́ за силы, что́ за энергія въ шестьдесятъ-то слишкомъ лѣтъ!—прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

Да, въ немощномъ тѣлѣ Александра Николаевича присутствовалъ слишкомъ бодрый духъ, или избытокъ духовныхъ силъ, непокидавшихъ его до самой послѣдней минуты его кончины.

Потирая рукой подъ печенью, Александръ Николаевичъ такъ жаловался студенту-медику на свои страданія:

— Не могу понять, что́ у меня? Вырѣзать да посмотрѣть бы... Воспаленіе слѣпой кишки, что-ли... Вотъ тутъ особенно мучительная боль...

Медикъ ощупалъ его животъ, выслушалъ грудь.

— А какъ сердце? выразительно спросилъ Островскій.

— Ничего особеннаго. Есть ненормальные скачки; но въ общемъ сердце въ порядкѣ,—слукавилъ медикъ.

Александръ Николаевичъ ничего не возразилъ и опять задумчиво поникъ головой. Уныли и мы. У меня навернулись слезы. Я старался ихъ скрыть.

„Да, зловѣщій признакъ!“—снова подумалъ я, стараясь отогнать отъ себя убійственную мысль.—„Прощай, мой возлюбленный принципалъ!“

Къ часу отъѣзда прибыли въ нумеръ сыновья Островскаго и два брата Минорскіе.

Погода была сѣрая, дождливая, отвратительная, просто сказать, позорная для кончавшагося весенняго мѣсяца мая. Она усугубляла мрачное настроеніе больнаго...

XIX.

На вокзалъ Нижегородской дороги, гдѣ уже находился И. И. Шанинъ съ сыномъ, студентомъ, мы съ медикомъ прибыли раньше Александра Николаевича. Относительно его, на пути къ вокзалу, медикъ выразилъ сомнѣніе:

— Дай Богъ ему добраться до Щелыкова, сказалъ онъ мнѣ.

Въ словахъ его слышался отголосокъ профессора—А. А. Остроумова и доктора С. В. Доброва.

Наконецъ и онъ подъѣхалъ къ вокзалу въ каретѣ, въ сопровожденіи сыновей. Встрѣтивъ его, я пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Кажется, я не дойду, упаду,—шепталъ онъ, держась за мою руку.

На вокзалѣ Островскій предпочелъ сидѣть въ темной половинѣ его. Въ свѣтлый залъ, гдѣ находился table d'hôte, онъ отказался идти.

— На что́? Свѣтъ и такъ мнѣ надоѣлъ, кротко возразилъ онъ и потиралъ грудь противъ сердца.

Какъ ни старались его развлекать, не возможно было вызвать на сухихъ посинѣвшихъ губахъ его ту привлекательную улыбку, которою, бывало, онъ подкупалъ и побѣждалъ своихъ собесѣдниковъ. Мы пріѣхали чуть ли не за часъ до отхода поѣзда, и время длилось убійственно, тѣмъ болѣе при такой печальной обстановкѣ.

Платье, облегавшее прежде красиво и плотно его осанистую фигуру, буквально висѣло на немъ. Ротъ у него былъ полуоткрытъ; еле работавшими легкими онъ какъ бы насильно вбиралъ въ себя воздухъ для дыханія. Безжизненные, поблекшіе глаза его глубоко впали въ орбиты; осунувшееся, блѣдножелтое лицо, въ которомъ, что́ говорится, не было

кровинки, отражало въ себѣ всѣ признаки полнаго изможденія всего организма.

Пока другіе провожавшіе сидѣли около него, онъ ни съ кѣмъ почти не говорилъ. Когда же мы остались вдвоемъ, Островскій настоятельно наказывалъ мнѣ, чтобы я „непремѣнно завтра же“ побывалъ у А. А. Майкова и, съ передачей ему надлежащихъ бумагъ, подробно объяснилъ обо всемъ, о результатахъ же отписалъ бы ему немедленно.

Первый звонокъ.

Поддерживаемый мною, Александръ Николаевичъ добрался до вагона благополучно и, осмотрѣвъ приготовленное для него купе, вышелъ на тормазъ, прислонясь къ стѣнкѣ вагона. На немъ былъ форменный картузъ придворнаго вѣдомства, то-есть съ краснымъ околышемъ и кокардой на тульѣ.

Странно, что нѣкоторые артисты, увидавъ его впервые въ этомъ картузѣ, предосудительно отнеслись къ соблюденію имъ формы. Не затрогивая другихъ побочныхъ обстоятельствъ, разъ онъ явился должностнымъ лицомъ при Императорскомъ театрѣ, почему бы ему не исполнять закономъ установленной формы?

Что̀ можетъ быть тутъ предосудительнаго? Должностное лицо въ казенномъ театрѣ не вольный хозяинъ въ своей деревнѣ, гдѣ онъ можетъ хоть въ лаптяхъ ходить. Да у себя въ деревнѣ Александръ Николаевичъ зачастую носилъ русскую рубашку съ шароварами и мягкіе казанскіе сапоги. И тутъ придирчивый человѣкъ—непрошеный судья—могъ бы сказать, что онъ „оригинальничаетъ“, и поднять его за это на смѣхъ...

Можетъ-быть, артисты вообразили, что, облекшись въ форму, Островскій сдѣлался *формалистомъ*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято понимать его значеніе на службѣ. Ошибались. Онъ, напримѣръ, относился индифферентно къ такъ-называемымъ *журнальнымъ распоряженіямъ по управленію*

театрами, заведеннымъ еще до него конторою, и отъ себя никакихъ сообщеній къ этимъ *распоряженіямъ* не присоединялъ, хотя ему пришлось однажды сдѣлать на бумагѣ внушеніе одному лицу, сравнительно въ мягкой формѣ, за его рѣзкое съ подчиненными ему лицами обхожденіе, которое, по мнѣнію Островскаго, роняло достоинство Императорскихъ театровъ. Но объ этомъ знали только трое: онъ, я, составившій, по его приказанію, выговоръ, и получившее его лицо.

За исключеніемъ одного случая, я не припомню другого, къ кому бы изъ артистовъ Александръ Николаевичъ отнесся критически по гриму или костюмировкѣ. Никого изъ артистовъ, особливо драматическихъ, въ такой погрѣшности упрекнуть нельзя. А случай, о которомъ я упомянулъ, относится къ покойному пѣвцу и артисту, которому симпатизировалъ Александръ Николаевичъ,—И. Ф. Бутенко. При роли Сусанина, изъ-подъ рукавовъ его сѣраго кафтана, ярко сверкали безукоризненной бѣлизны накрахмаленные манжеты съ блестящими золотыми запонками. И Бутенко отдѣлался за это только личнымъ мягкимъ внушеніемъ со стороны Александра Николаевича tête à tête...

Второй звонокъ.

Всѣ провожавшіе Островскаго спѣшили съ нимъ проститься. Со мною онъ дважды и дружески облобызался. Съ нимъ уѣзжали два студента: его сынъ и сынъ Шанина.

Когда мы съ тормаза сошли на платформу, Александръ Николаевичъ, памятуя о театральныхъ дѣлахъ, спросилъ у меня—утвержденъ ли управляющимъ театрами назначенный имъ въ помощники режиссера г. М. Отвѣтивъ утвердительно, я благодарилъ его за это назначеніе, которымъ мы оба остались довольны, такъ какъ находили г. М. обойденнымъ дѣльнымъ человѣкомъ.

Послѣ маленькой шутки, сказанной Александромъ Нико-

лаевичемъ по поводу этого назначенія и вызвавшей веселую улыбку на всѣхъ лицахъ, медикъ мнѣ шепнулъ:

— Смотрите, Александръ Николаевичъ повеселѣлъ.

Да и самъ Островскій замѣтилъ, что онъ ожилъ и чувствуетъ себя лучше, приписывая это перемѣнѣ погоды. А погода была все такая же сѣрая, только дождь изъ крупнаго перешелъ на мелкій, но частый.

Причина объясняется просто. За все время пребыванія въ гостиницѣ „Дрезденъ“, съ 17 по 28 мая, Островскій только одинъ разъ подышалъ вдоволь свѣжимъ воздухомъ, когда Минорскому удалось выманить его изъ нумера въ воскресенье, 25 мая, чтобы прокатиться на Воробьевы горы. Онъ и такъ былъ тяжелъ на подъемъ, а тутъ съ одной стороны—болѣзнь, съ другой—разныя неожиданныя непріятности, работа до самозабвенія. Вотъ и сидѣлъ онъ между двухъ золъ прикованный къ мѣсту. Значитъ, не погода, а воздухъ повліялъ на него благотворно, послѣ замкнутой жизни въ пропитанной табакомъ нумерѣ...

Третій звонокъ... Свистки кондукторскіе и отвѣтные съ локомотива.

— Прощайте! — приподнявъ свой картузъ, сказалъ провожавшимъ Александръ Николаевичъ. — Я очень доволенъ, господа, что вы меня проводили.

— *До свиданія!*—поправилъ его я.

— *До свиданія!*—произнесъ и онъ выразительно.

Только и видѣлъ я моего незабвеннаго принципала. Въ послѣдній разъ онъ еще поклонился мнѣ, въ обмѣнъ на мой поклонъ, изъ окна вагона отходившаго поѣзда.

Поѣздъ унесъ его далеко, безвозвратно, навсегда...

XX.

Я вздохнулъ вольнѣе съ отъѣздомъ Александра Николае-

вича въ Щелыково. Я ожидалъ, впрочемъ не я одинъ, а и всѣ сочувствовавшіе ему ожидали, что, послѣ служебныхъ и прочихъ житейскихъ треволненій, при свиданіи съ семействомъ и вообще у себя дома, его нервы успокоятся, а живительный деревенскій воздухъ подбодритъ и возстановитъ его надломленныя силы.

На другой день А. А. Майковъ выразилъ мнѣ крайнее сожалѣніе, что не извѣстили его о времени отбытія Александра Николаевича, и онъ желалъ проводить его.

Вечеромъ, 29 мая 1866 года, я заходилъ въ гостиницу „Дрезденъ“. Тамъ вручили мнѣ телеграмму. Она гласила: „Доѣхали благополучно. Мнѣ лучше. *Островскій*“.

Черезъ два дня, то-есть, 1 іюля (въ Троицынъ День), я получилъ отъ сына Александра Николаевича, студента, письмо, въ которомъ прочелъ слѣдующее:

„Мы доѣхали благополучно, въ вагонѣ ничего особеннаго не произошло. Только на лошадяхъ папѣ пришлось ѣхать въ наемной пролеточкѣ и кутаться отъ дождя и вѣтра. Онъ васъ проситъ писать все, что́ ни случится въ Москвѣ“.

„Въ наемной пролеточкѣ“ пришлось ѣхать Александру Николаевичу по какому-то недоразумѣнію, припомнить которое я не могу: или, долгое время простоявъ въ Кинешмѣ, свои лошади съ экипажемъ отправились обратно домой, или же онѣ были высланы въ то время, когда Александръ Николаевичъ въѣзжалъ уже въ свою усадьбу.

Отъ меня, 30 мая, Александръ Николаевичъ получилъ письмо, порадовавшее его, какъ говорилъ мнѣ послѣ сынъ его—студентъ. Между прочимъ, я писалъ ему:

„Вчера, по вашему приказанію, я былъ у Аполлона Александровича. Онъ остался очень доволенъ вашей объяснительной запиской по оперѣ. Что же касается оркестроваго списка, онъ замѣтилъ, что списокъ составленъ не по формѣ, и поэтому нашелъ нужнымъ передѣлать его по той формѣ,

въ какой Высочайше утвержденъ былъ первоначально. Онъ обѣщалъ заняться имъ вмѣстѣ со мною сегодня въ школѣ. Въ виду разногласія докладной записки Авранека, вычислившаго на хоръ 88800 р., съ планомъ оперной труппы, утвержденнымъ В., въ которомъ показано на хоръ 88000, записку Авранека онъ задержалъ для личныхъ объясненій съ Пчельниковымъ. Смѣты, штаты и объяснительную записку по школѣ А. А. нашелъ превосходно составленными. Подпишетъ ихъ онъ самъ, кромѣ, разумѣется, объяснительной записки, подписанной вами. Вообще, все идетъ у насъ хорошо, и все будетъ улажено въ лучшемъ видѣ, такъ что вы можете быть вполнѣ спокойны. Обо всемъ послѣдующемъ я буду сообщать вамъ аккуратно. Кстати, сегодня утромъ я получилъ отъ Аполлона Александровича записку, которою онъ требуетъ отъ меня поспѣшить доставленіемъ mise en scène для *Мефистофеля*. Потрудитесь сообщить: у кого находится mise en scène?

„Слава Богу, наконецъ-то вы находитесь на родной почвѣ! Семья, Щелыково, деревенскій воздухъ должны укрѣпить ваши силы физическія и душевныя. Вы слишкомъ много волновались въ послѣднее время, а работали свыше возможнаго. Отдыхъ вамъ необходимъ“.

Въ разлукѣ съ Александромъ Николаевичемъ я тосковалъ какъ никогда, а тутъ еще письмо его сына, далеко неутѣшительное. Троицынъ День, омраченный еще мозглою погодой, я провелъ въ безотчетномъ отчаяніи, хотя и понятно откуда исходившемъ. Всю ночь на Духовъ День я не смыкалъ глазъ; меня тревожилъ кошмаръ, подъ давленіемъ пережитыхъ мною впечатлѣній. Образъ Александра Николаевича носился передо мною, какъ живой, куда бы я ни глянулъ, куда бы ни повелъ открытыми глазами въ полумракѣ. А закрою глаза,—все онъ же стоитъ передо мною!...

Когда, что говорится, былъ бѣлый день на дворѣ, я за-

снулъ; но разъ гвоздемъ запавшія въ голову мысли не покидали меня и во время короткаго отдохновенія.

Въ десятомъ часу утра я испуганно пробудился отъ собственныхъ, произнесенныхъ во снѣ, роковыхъ словъ: „Упокой, Господи, во Царствіи Твоемъ новопреставленнаго раба Твоего Александра“...

Вставши, я разсказалъ о снѣ домашнимъ. Меня утѣшали, что „сны всегда бываютъ наоборотъ“. Ни въ какіе сны я не вѣрю; но на этотъ разъ сонъ былъ въ руку. Пророческій сонъ, къ большому несчастію, сбылся...

3 іюня, у себя дома, А. А. Майковъ сообщилъ мнѣ потрясшее меня до глубины души горестное извѣстіе о кончинѣ Александра Николаевича 2 іюня, то-есть въ Духовъ День, въ *десять* часовъ утра. При этомъ А. А. Майковъ показалъ мнѣ двѣ телеграммы: одну отъ семейства Островскаго, и другую въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Не помню, что со мною было потомъ...

Когда я пришелъ въ себя и уже собирался уходить отъ А. А. Майкова, въ дверяхъ его кабинета показался невысокаго роста, убѣленный сѣдинами на головѣ и лицѣ, почтенный другъ почившаго, М. Ѳ. Шишко [1]). Видъ онъ имѣлъ сильно встревоженный. На красныхъ заплаканныхъ глазахъ блестѣли двѣ крупныя слезы. Сдѣлавъ шагъ впередъ, Шишко дрожащимъ голосомъ трагически воскликнулъ:

— Sic transit gloria mundi!...

Вечеромъ того же дня я выѣхалъ по Нижегородской желѣзной дорогѣ въ Щелыково, командированный Обществомъ драматическихъ писателей, какъ членъ этого Общества, возложить позлащенный серебряный вѣнокъ на гробъ его незамѣнимаго предсѣдателя, ревностно, неутомимо и безвоз-

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ см. въ *Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей.* Д. Д. Языкова. (Выпускъ 8-й, 1900 г.).

мездно служившаго Обществу съ самаго его основанія, то-есть съ 21 октября 1874 года.

Смерть застигла Александра Николаевича въ такое глухое время, когда лучшіе артисты всѣхъ трупъ разъѣхались въ разные концы Имперіи. Также лучшая половина драматической труппы, со способнымъ и весьма дѣятельнымъ помощникомъ режиссера А. М. Кондратьевымъ, уѣхала, по приглашенію мѣстнаго генералъ-губернатора, въ Варшаву, гдѣ узнала она о кончинѣ Александра Николаевича долго спустя послѣ его погребенія.

Что успѣлъ Александръ Николаевичъ сдѣлать для театра за свое кратковременное, то-есть пятимѣсячное, офиціальное служеніе ему, предоставляю заключить самому безпристрастному читателю...

А какъ о писателѣ, какого бы ни было пошиба и направленія, вся наша печать дружно отозвалась о немъ съ безпримѣрнымъ сочувствіемъ. Своевременно всѣ печатные органы сплотились воедино, чтобы достойно почтить память усопшаго драматурга...

Случайно, между прочимъ, въ мои руки попалось остроумное стихотвореніе неизвѣстнаго автора. Очевидно, оно относится къ кончинѣ незабвеннаго писателя-драматурга и, судя по его содержанію, происходитъ изъ артической среды. Вотъ оно:

Здѣсь рѣчи многія умны
И всѣмъ знакомы, милы, святы...
Кому жъ мы честь отдать должны
За эти мудрыя цитаты?

Тому, кого ужъ нѣтъ въ живыхъ:
Отцу Россійскаго искусства,
Кого теперь, въ избыткѣ чувства,
Коснулся мой убогій стихъ!

Да! Было время золотое,
И *онъ* главенствовалъ у насъ...
То —майскій сонъ, теперь—другое,
И свѣтъ, внесенный имъ, погасъ!...

Настало трезвенное время,
Всему теперь особый толкъ:
Въ ходу Израильское племя—
И во главѣ Финляндскій полкъ!

Правда, глубокая правда! Въ какія бы превращенія ни облекалось названное племя, а оно играло роль на сценѣ при симпатизировавшемъ ему и выдвигавшемъ его на видное мѣсто конторскомъ режимѣ до и послѣ Островскаго...

XXI.

По пріѣздѣ въ Кинешму, 4 іюня въ 11 часовъ утра, на вокзалѣ я имѣлъ случай познакомиться съ роднымъ братомъ усопшаго, статсъ-секретаремъ Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ, бывшимъ министромъ Государственныхъ Имуществъ, прибывшимъ на одномъ со мною поѣздѣ, на который, проѣхавъ изъ Петербурга по прямому сообщенію, онъ пересѣлъ на станціи Новкахъ, въ сопровожденіи своего чиновника особыхъ порученій, А. П. Молчанова. Михаилъ Николаевичъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Онъ, очевидно, былъ уже знакомъ съ моимъ именемъ, судя по его ласковому привѣтствію. Изъ пріѣхавшихъ со мною другихъ лицъ, онъ также подалъ руку И. И. Шанину, имя котораго, по его старой дружбѣ, связанное съ именемъ Александра Николаевича, встрѣчается даже въ литературѣ, напримѣръ у Н. П. Барсукова [1]). Послѣ короткаго отдыха въ особой комнатѣ, Михаилъ Николаевичъ отбылъ въ Щелыково вмѣстѣ со встрѣтившимъ его племянникомъ, студентомъ, и г. Молчановымъ.

---

[1]) ***Жизнь и труды М. П. Погодина***, кн. 11 и 12.

Закупивъ въ городѣ матеріалу для подушки подъ привезенный мною вѣнокъ отъ Общества драматическихъ писателей, я съ И. И. Шанинымъ въ наемномъ тарантасѣ отправился въ Щелыково, переправившись на паромѣ на другой берегъ Волги, отъ котораго Щелыково находилось въ 19—20 верстахъ.

Размытую дождями дорогу хотя и облагообразили до нѣкоторой степени, по случаю проѣзда министра, тѣмъ не менѣе она была невыносима. Каково же было ѣхать по ней до проѣзда министра многострадальному больному Александру Николаевичу? подумалъ я. Рытвины, ухабы, лужи по колѣно лошадямъ, слѣдовательно и грязные брызги на экипажъ, въ лицо сѣдока и т. д.

— Да!—вздыхалъ дорогой И. И. Шанинъ,—*темное царство* съ нимъ вмѣстѣ открывали!... Вздохни да охни, объ одномъ сохни, а раздумаешься—всѣхъ жалко!...

Мысли его относились къ Александру Николаевичу, который искренно любилъ почтеннаго среброволосаго Шанина, мягко и ласково говорилъ ему *ты;* но Ив. Ив. держался всегда на почтительной дистанціи по отношенію къ Александру Николаевичу, что̀ на лицѣ послѣдняго вызывало не то нѣжную, не то покровительственную улыбку.

Все миновали: и хвойные лѣса, и зеленыя поляны, и небогатыя деревушки съ покосившимися избами, и запущенныя господскія усадьбы, и лай неотвязчивыхъ собакъ. Вонъ, влѣво отъ дороги, показалась усадьба. Она гнѣздится на высокомъ холмѣ, по склону котораго къ рѣкѣ Куикшѣ спускается обширный паркъ съ газонами, цвѣтниками, бесѣдками, закутанными въ зелень. Знакомый паркъ! А тамъ, внизу, на Куикшѣ, мы съ Александромъ Николаевичемъ, у мельницы, удили съ лодки рыбу... Невозвратное для меня счастіе и удовольствіе! Что и думать о прошломъ! Впереди ожидала горькая, удручающая дѣйствительность...

За садомъ тянется лѣсъ. Куда ни глянешь—прелестная панорама. Кабинетъ, въ которомъ скончался нашъ великій драматургъ, выходилъ окнами на эту ласкающую взоры картинную мѣстность...

„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ“...

Въ обширной столовой, со смежившими на вѣки глазами и съ печатью смерти на замкнутыхъ устахъ, лежалъ во временномъ тесовомъ гробѣ гостепріимный при жизни хлѣбосолъ-хозяинъ дома... На его груди, въ одной изъ скрещенныхъ рукъ, покоился образъ Спасителя. Самъ усопшій былъ весь укрытъ полотнянымъ саваномъ и засыпанъ садовыми и полевыми цвѣтами. Благодаря наглухо закрытымъ окнамъ и подложенному льду, прахъ усопшаго сохранился безъ малѣйшаго разложенія, несмотря на третьи сутки пребыванія его въ гробу. На покорно-кроткомъ и даже болѣе, чѣмъ въ страдальческіе дни его жизни въ Москвѣ, свѣжемъ лицѣ легкая, торжествующая улыбка какъ бы подтверждала незадолго до смерти сказанное имъ: „нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ такая жизнь“.

На открытомъ челѣ его я благоговѣйно напечатлѣлъ „послѣднее цѣлованіе“...

Послѣ паннихиды, въ 6 часовъ вечера, прахъ усопшаго положили въ металлическій гробъ, привезенный изъ Москвы родственниками супруги Александра Николаевича. Сраженная неожиданнымъ горемъ до неузнаваемости, даже слегка посѣдѣвшая, вдова, Марья Васильевна, не присутсвовала на паннихидѣ: ее лишь къ выносу тѣла ввели *проститься* съ дорогимъ прахомъ. Она, видимо, ничего не сознавала. Всхлипывая, она взяла руку усопшаго, потрясла ее и впала въ сильный обморокъ. Ее успѣли подхватить и вынести на рукахъ. Съ часа кончины мужа она не выходила изъ своей комнаты и никого къ ней не допускали; даже и на похоронахъ не присутствовала. Впрочемъ, и всѣ кровные усопшаго,

старшіе сыновья и дочь, тогда потеряли головы, и, по произошедшему недоразумѣнію, его похоронили въ вицъ-мундирѣ, въ который, уже по своему усмотрѣнію, обрядила усопшаго прислуга.

Выносъ тѣла въ церковъ Св. Николая, что въ селѣ Бережкахъ, почти въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова, происходилъ такимъ порядкомъ: впереди несли образа и крестъ съ Распятіемъ; ихъ сопровождали пѣвчіе и духовенство. За послѣднимъ слѣдовалъ кинешемскій предводитель дворянства, П. Ѳ. Хомутовъ, съ металлическимъ вѣнкомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей съ фарфоровыми цвѣтами и надписью на лентахъ: „Незабвенному Александру Николаевичу Островскому отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда“; потомъ шелъ я съ позлащеннымъ серебрянымъ вѣнкомъ въ видѣ лавровыхъ вѣтвей—отъ Общества Русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, а за мною—родные и знакомые покойнаго; также мѣстные крестьяне, у которыхъ добросердечный ихъ сосѣдъ Александръ Николаевичъ былъ популяренъ, чередуясь, несли подъ роскошнымъ золотымъ покровомъ открытый гробъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ частью пѣшихъ, частью въ экипажахъ, и огромной толпы крестьянъ обоего пола.

Въ церкви опять отслужена была паннихида, и такъ какъ обвѣтренное тѣло покойнаго быстро начало разлагаться, то гробъ, по приказанію Михаила Николаевича Островскаго, наглухо былъ закрытъ.

XXII.

Будучи въ Щелыковѣ, я не могъ точно узнать, при какихъ обстоятельствахъ скончался Александръ Николаевичъ, но вскорѣ послѣ похоронъ сынъ его, студентъ, сообщилъ мнѣ письмомъ такія свѣдѣнія:

„Смерть произошла слѣдующимъ образомъ: папа сидѣлъ

на стулѣ передъ своимъ письменнымъ столомъ, читалъ *Русскую Мысль* и говорилъ съ Машей (старшая дочь Александра Николаевича); потомъ вдругъ сказалъ: „мнѣ дурно, дайте воды“, и только что Маша успѣла выскочить изъ комнаты, онъ упалъ со стула на полъ и ударился щекой и вискомъ. Тогда мы прибѣжали, тотчасъ посадили въ кресло. Онъ прохрипѣлъ раза три, всхлипывалъ нѣсколько секундъ и затихъ. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* Остроумовъ опредѣляетъ болѣзнь такъ: хроническое пораженіе кровеносныхъ сосудовъ и расширеніе сердца, и кромѣ того — удушье (астма). Что было причиной, пока не знаемъ, но вѣроятнѣе всего, что онъ упалъ уже мертвый“.

При письмѣ была приложена слѣдующая вырѣзка изъ *Русскихъ Вѣдомостей*, отъ 13 іюня 1886 года № 159:

„Къ редактору

„Русскихъ Вѣдомостей“.

„М. Г. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано, что А. Н. Островскій по опредѣленію проф. Остроумова страдалъ болѣзнью солнечнаго сплетенія въ соединеніи съ ревматическими болями. Сообщенныя свѣдѣнія не вѣрны. Я неоднократно наблюдалъ А. Н. Островскаго и находилъ у него хроническое пораженіе кровеносныхъ сосудовъ (атероматозное перерожденіе) и увеличеніе сердца. Въ связи съ этимъ онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ припадками удушья (*asthma cardiacum*); особенно усилились эти припадки въ послѣднее время и вѣроятно были причиной его смерти.

„Примите и пр.

Проф. А. Остроумовъ“.

Признаться, я не совсѣмъ понялъ содержаніе письма, очевидно, писаннаго разсѣянно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, еще такъ недавно совершившагося, печальнаго событія.

Я совершенно иначе представляю себѣ кончину Александра Николаевича. Зная его обыкновеніе подниматься во время припадковъ на ноги, я думаю, что и на этотъ разъ онъ хотѣлъ такъ поступить; но силы ему измѣнили, и онъ, при паденіи, ударился правою стороной лица объ острый край стола, о чемъ свидѣтельствовали бросившіяся мнѣ въ глаза двѣ широкія царапины на вискѣ и щекѣ, по одному съ небольшимъ перерывомъ направленію. „Хрипятъ“ и „всхлипываютъ“ при концѣ жизни только *умирающіе*, а не *мертвые*, и мнѣ сдается, что прибѣжавшіе къ отцу на помощь старшіе сыновья застали его уже въ концѣ агоніи.

Еще утромъ роковаго дня 2 іюня, Александръ Николаевичъ такъ ослабъ, что не былъ въ состояніи обуться и одѣться самъ; но обутый, причемъ при обуваніи ноги сгибались какъ плети, и одѣтый своею супругой, обладая силой воли, онъ твердо пошелъ къ своему столу на встрѣчу смерти, которая и сломила его „силы и энергію“, на 64-мъ году его жизни [1]).

Въ часъ горестной кончины Островскаго, супруга его находилась въ церкви, куда, помимо ея собственнаго усердія, почувствовавъ приближающійся „конецъ своей жизненной драмы“, просилъ ее съѣздить помолиться за него и самъ Александръ Николаевичъ, не желая, чтобы любимая имъ жена присутствовала при этомъ „послѣднемъ актѣ“.

Скрывая горькую дѣйствительность, вызвали изъ церкви Св. Николая села Погоста-Бережки Марью Васильевну. Пріѣхавъ спѣшно домой, несчастная, въ безпамятствѣ, съ пронзительнымъ крикомъ упала безъ чувствъ на бездыханный, еще теплый трупъ своего на вѣки закрывшаго глаза супруга...

---

[1]) А. Н. Островскій родился 31 марта 1823 года въ Москвѣ, между Голиковскимъ переулкомъ и Малою Ордынкой, въ домѣ діакона Никифора Максимова, существующемъ и сейчасъ на монастырской землѣ церкви Покрова Пр. Богородицы и составляющемъ теперь ея собственность.

Такъ какъ никто изъ прибывшихъ на погребеніе не приготовился сказать напутственной рѣчи на мѣстѣ вѣчнаго упокоенія Александра Николаевича, то, къ крайнему моему смущенію, этимъ щекотливымъ дѣломъ пришлось заняться мнѣ, откровенно говоря, не признававшимъ себя способнымъ ни составлять, ни произносить рѣчи, тѣмъ болѣе публично, да еще въ такія тяжелыя для меня годины, какія за послѣдніе дни событій переживалъ я, потрясенный и нравственно, утомленный и физически.

А, вѣдь, надо было сказать *рѣчь!*

Если не находилось другаго оратора, кому же оставалось сказать ее, какъ не секретарю, плечомъ къ плечу стоявшему рядомъ съ покойнымъ за все время совмѣстной службы? И мое, даже понынѣ благодарное, сердце нашептывало мнѣ то же... А главное, надо было упорядочить безпокойно блуждавшія мысли и сосредоточиться на данномъ предметѣ.

Это было 5 іюня, утромъ, за часъ какъ ѣхать на отпѣваніе незабвеннаго драматурга.

На лоскуткѣ бумаги я наскоро и безсвязно набросалъ карандашомъ то, что надумалъ сказать. Прочелъ сыну усопшаго, студенту,—тотъ одобрилъ. Но этотъ судья былъ не страшенъ. Впереди, во главѣ съ министромъ Государственныхъ Имуществъ, Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ, ожидала цѣлая толпа судей—слушатели: разные губернскіе, уѣздные и прочіе власти и представители отъ разныхъ учрежденій другихъ городовъ, прибывшіе на похороны. Какъ мнѣ извѣстно, здѣсь, между прочими, находились: изъ Костромы—представитель мѣстнаго губернатора, г. Арцимовичъ, костромской губернскій предводитель дворянства, А. И. Шиповъ, управляющій государственными имуществами Костромской и Ярославской губерній, г. Герке, и представители костромского окружнаго суда; изъ Иваново-Вознесенска—управляющій мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка,

Д. П. Яковлевъ; изъ Кинешмы—мировые судьи; а также корреспонденты газетъ. Болѣе всего меня смущало присутствіе Михаила Николаевича. Къ нему-то меня и пригласили.

Когда курьеръ впустилъ меня въ его кабинетъ, я засталъ М. Н. Островскаго задумчиво сидѣвшимъ въ низенькомъ будуарномъ креслѣ и понуро опустившимъ голову на кисти рукъ. Услыхавъ мое присутствіе, онъ медленно повернулъ голову въ мою сторону. Тутъ я замѣтилъ, какая глубокая скорбь, таившаяся въ его сердцѣ, отражалась на спокойно мрачномъ и задумчивомъ лицѣ. Братья, какъ не разъ приходилось мнѣ слышать отъ самого Александра Николаевича, были привязаны другъ къ другу незыблемыми чувствами идеальной родственной любви и нѣжной дружбы, ни на минуту не пошатнувшимися въ ихъ жизни.

Привѣтливо встрѣтивъ меня и крѣпко пожавъ мою руку, Михаилъ Николаевичъ предложилъ мнѣ садиться; но, будучи взволнованъ, я не сѣлъ. У меня усилилась нервная лихорадка, приставшая ко мнѣ со дня извѣстія о кончинѣ дорогаго мнѣ лица. Естественно, что при этомъ и голосъ мой дрожалъ, когда я говорилъ съ Михаиломъ Николаевичемъ. Узнавъ отъ меня, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ я сошелся съ Александромъ Николаевичемъ дружески и близко, и о послѣднихъ дняхъ жизни его въ Москвѣ, онъ сказалъ, что слышалъ отъ „Миши“ (племянника его, студента), что я приготовился сказать *рѣчь*, и просилъ познакомиться съ ея содержаніемъ. Выслушавъ и безо всякой перемѣны одобривъ ее, онъ отпустилъ меня такъ же привѣтливо, какъ и принялъ.

Кстати сказать, при отъѣздѣ моемъ изъ Щелыкова послѣ похоронъ, чиновникъ особыхъ порученій Михаила Николаевича, г. Молчановъ, спросилъ у меня—будетъ ли напечатана моя рѣчь. На это я могъ только отвѣтить: вѣроятно будетъ, потому что на похоронахъ были корреспонденты; но

изъ нихъ я никого не зналъ, и только на обратномъ пути изъ Щелыкова познакомился съ Ѳ. Н. Митропольскимъ, корреспондентомъ *Русскихъ Вѣдомостей*, дѣлавшимъ свои сообщенія и въ петербургскія газеты. Впрочемъ, еще былъ извѣстный мнѣ корреспондентъ отъ одной московской газеты: это—конторскій чиновникъ особыхъ порученій О—въ, сопровождавшій А. А. Майкова. Присутствіе его на похоронахъ, какъ я слышалъ, не понравилось близкимъ Александра Николаевича. По обыкновенію своему молоть вздоръ, онъ и въ газету съ апломбомъ сообщилъ много пустяковъ.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, въ день погребенія Александра Николаевича, по распоряженію А. А. Майкова, въ домовой церкви Театральнаго Училища была отслужена паннихида, на которую исправлявшимъ должность инспектора школы, И. С. Розовымъ, были собраны воспитанницы, числомъ 17, находившіяся въ отпуску въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Изъ свѣтилъ драматической труппы присутствовала на панихидѣ М. Н. Ермолова, которая,—говорили мнѣ,—горько оплакивала знаменитаго драматурга, пользовавшагося симпатіями и глубокимъ уваженіемъ истинныхъ дѣльцовъ сцены. Оплакивали его и воспитанницы, понимавшія значеніе ихъ добраго начальника для школы.

XXIII.

Съ прибытіемъ въ Щелыково А. А. Майкова, Петра Николаевича и Маріи Николаевны Островскихъ—брата и сестры Александра Николаевича отъ втораго брака его отца,—при ясной, солнечной погодѣ всѣ отправились въ церковь.

Обѣдня началась лишь въ 12 часу дня. А. А. Майковъ возложилъ на гробъ покойнаго сослуживца роскошный изъ живыхъ розъ вѣнокъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ. Съ этимъ же вѣнкомъ гробъ былъ опу-

щенъ въ могилу. Всѣ прочіе вѣнки—отъ Общества драматическихъ писателей, отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда, отъ чиновъ судебнаго вѣдомства и Костромскаго суда—лежали у подножія гроба на покрытомъ чернымъ бархатомъ табуретѣ.

Послѣ погребенія, доставлены были металлическіе вѣнки отъ Кинешемскаго съѣзда мировыхъ судей и отъ *единственнаго* театральнаго режиссера А. И. Барцала, сдѣлавшаго свой заказъ въ Москвѣ черезъ телеграмму изъ Остзейскаго края, гдѣ находился въ отпуску.

Литургію и паннихиду совершали: кинешемскій соборный протоіерей о. А. Горицкій, протоіерей села Вепри, находящагося по желѣзной дорогѣ подъ Кинешмой, о. В. Горицкій, и мѣстный священникъ о. А. Херсонскій. Хоръ пѣвчихъ былъ изъ кинешемскаго собора. Во время запричастнаго стиха протоіерей А. Горицкій произнесъ приличное случаю слово на тему: „Сначала смерть, а потомъ судъ“... Послѣ отпѣванія, сопровождаемый плачемъ и рыданіемъ родныхъ и близкихъ, гробъ вынесенъ былъ въ церковную ограду вслѣдъ за ассистентами, несшими вѣнки, впереди которыхъ шли пѣвчіе и духовенство. Саженяхъ въ восьми влѣво отъ алтаря, если стать къ нему лицомъ, на площадкѣ, обнесенной чугунною рѣшеткой, рядомъ съ могилою отца покойнаго, Николая Ѳедоровича, приготовленъ былъ выложенный изъ кирпича склепъ для его знаменитаго сына. Гробъ поставили на лежавшіе поперекъ ямы подмостки; духовенство отслужило литію и, при звонѣ колоколовъ, гробъ съ вѣнкомъ на немъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ опустили въ склепъ. Затѣмъ, бросивъ горсть земли, духовенство удалилось. Еще могила оставалась открытою, когда, по мановенію руки кинешемскаго уѣзднаго исправника, звонъ на колокольнѣ смолкъ.

Моя очередь... Вотъ что я сказалъ:

„Миръ праху твоему и покой вѣчный, великій труженикъ-писатель, честный, безкорыстный общественный дѣятель, любвеобильный другъ-человѣкъ!... Горе, въ которомъ мы оплакиваемъ тебя, это и общее, великое русское горе-злосчастье!... Не случайный законъ природы, непреложная истина—смерть сдѣлала преступленіе, поспѣшивъ отозвать тебя къ себѣ... Осиротѣли мы, осиротѣла русская печать, осиротѣлъ театръ, осиротѣла школа [1]).

„Ты воспиталъ поколѣнія на отечественной сценѣ и въ родномъ быту. Изъ темнаго царства, изъ мрака невѣжества и заблужденій ты выводилъ людей на путь ясный, открытый... Созданною тобой драмой ты освѣтилъ ихъ умы, смягчилъ сердца, вдохнулъ въ нихъ чувства человѣчности... Великъ твой добрый геній! Велики твои заслуги для Русской земли!

„Вслѣдъ за тобою, рано или поздно, въ могилу сойдемъ и мы, сойдутъ и воспитанныя уже тобою поколѣнія, а твой безсмертный геній будетъ просвѣщать и воспитывать новыя и новыя нарождающіяся поколѣнія...

„Почивай же себѣ съ миромъ и любовію, слава русской драматической сцены и всего дорогаго тебѣ отечества!... Свершилось твое предчувствіе: *законченъ послѣдній актъ твоей жизненной драмы*“!

Не легко мнѣ было произносить эти слова надъ прахомъ того, кого я такъ беззавѣтно любилъ, кому былъ безгранично преданъ и съ кѣмъ почти неразлучно проводилъ послѣдніе дни его жизни въ Москвѣ. Насъ раздѣляли только ночи. Поэтому, естественно было мое волненіе. Подступившія къ глазамъ слезы и къ горлу рыданія душили меня. Во время произнесенія своихъ словъ мнѣ сдѣлалось дурно, и я чуть не упалъ въ могилу.

Слова ли мои, мой ли убитый видъ произвели на окружаю-

---

[1]) Театральная.

щихъ свое впечатлѣніе. Притаенныя на время рыданія, безмолвный плачъ и всхлипыванія снова вырвались наружу. Старшая дочь покойнаго, Марія Александровна, впала въ обморокъ. Можетъ, своими словами я облегчилъ и скорбную душу Михаила Николаевича. Онъ, по засвидѣтельствованію А. А. Майкова, очень плакалъ.

Зашумѣли земля и заступы...

Надъ могилой скоро выросъ маленькій плотный курганъ, тотчасъ-же забросанный садовыми и полевыми цвѣтами и зеленью. Водруженный на немъ и покрытый вѣнками простой деревянный крестъ имѣлъ на себѣ только такую краткую надпись: *„Александръ Николаевичъ Островскій.*

Аттестатъ А. Н. Островскаго.

Въ моихъ бумагахъ сохранилась копія съ аттестата А. Н. Островскаго, представленнаго имъ при поступленіи на службу въ Императорскіе Московскіе театры. Привожу этотъ документъ, какъ матеріалъ для біографіи покойнаго драматурга:

„По указу Его Императорскаго Величества, данъ сей Аттестатъ изъ Московскаго Коммерческаго Суда служившему въ ономъ губернскому секретарю Александру Николаевичу Островскому въ томъ, что онъ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, изъ дворянъ, продолжалъ науки въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по юридическому факультету, но не кончивъ курса по прошенію его изъ вѣдомства Университета уволенъ, съ выданнымъ ему свидѣтельствомъ 22 мая 1843 года, въ службу вступилъ въ Московскій Совѣстный Судъ канцелярскимъ служителемъ того жъ 1843 года сентября 19, перемѣщенъ по прошенію въ Московскій Коммерческій Судъ 1845-го декабря 10-го, Правительствующимъ Сенатомъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, со старшинствомъ съ 1844 года сентября 19-го, по Высочайшему приказу, послѣдовавшему въ 14 день сентября 1849 года, произведенъ въ губернскіе секретари, со старшинствомъ съ 1848 года сентября 19-го, изъ сего Суда по прошенію его за болѣзнію уволенъ 10 января сего года, должность свою исправлялъ *усердно* при *хорошемъ* поведеніи, въ штрафахъ, подъ судомъ и въ отставкѣ не былъ, въ отпускахъ былъ въ 1845 году на 8 дней, въ 1848 году на 28 дней и 1849 году на 20 дней и на срокъ являлся, отъ

роду 27 лѣтъ, холостъ, у родителя его въ Москвѣ домъ, крестьянъ въ Нижегородской губерніи 142 души и въ Костромской 152 души, препятствій къ полученію въ свое время знака отличія безпорочной службы въ семъ Судѣ не имѣется. Москва, 6-го февраля 1851 года".

Подчеркнутыя слова въ аттестатѣ „усердно" и „хорошемъ" вписаны подписавшимъ его исправлявшимъ должность Предсѣдателя Московскаго Коммерческаго Суда Созоновичемъ.

Царская милость.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III,—соболѣзнуя о кончинѣ Александра Николаевича Островскаго, благимъ цѣлямъ и стремленіямъ котораго служить на пользу роднаго искусства не суждено было осуществиться,—Высочайше соизволилъ пожаловать изъ суммъ Своего Кабинета вдовѣ покойнаго драматурга, на погребеніе его тѣла, 3000 р. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, назначена была вдовѣ нераздѣльно съ дочерьми, Маріею и Любовію Александровными, пенсія—3000 р., и на воспитаніе сыновей, Михаила и Сергѣя Александровичей по 600 р., малолѣтняго Николая -- 1200 руб. и дочери Любови Александровны — 600 р.

Старшій сынъ Островскаго, Александръ Александровичъ, здѣсь не поименованъ, потому что находился на военной службѣ, еще при жизни своего отца.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ.

I. Десять неизданныхъ писемъ А. Н. Островскаго къ А. А. Майкову.

II. Записка о театральныхъ школахъ и Дополнительная записка о тѣхъ же школахъ, при которой программа.

III. Отношеніе А. Н. Островскаго къ г-ну Управляющему Императорскими Московскими театрами.

IV. Записка о Театральномъ Училищѣ.

V. Объяснительная записка по оперному бюджету на 1886 годъ.

VI. Списокъ артистовъ и артистокъ, служившихъ при А. Н. Островскомъ въ драматической труппѣ, съ обозначеніемъ времени поступленія на службу и содержанія каждаго отдѣльнаго лица.

Поясненія

къ помѣщаемымъ письмамъ А. Н. Островскаго.

1) Письмомъ отъ 11 ноября 1884 года, повидимому, неимѣющимъ по своему содержанію никакого интереса для читателя, Островскій тотчасъ-же по своемъ пріѣздѣ изъ Петербурга, приглашаетъ къ себѣ А. А. Майкова заѣхать „поскорѣе“, дабы „сообщить ему дѣло величайшей важности“.

Дѣло это касалось задуманнаго Александромъ Николаевичемъ плана обособленія Императорскихъ Московскихъ театровъ, будущимъ представителемъ которыхъ подготовлялся имъ А. А. Майковъ, который, по мѣткимъ соображеніямъ Островскаго, какъ человѣкъ „безукоризненной честности, состоятельный“, притомъ „статскій совѣтникъ и камергеръ Высочайшаго Двора“, могъ съ достоинствомъ занять предназначаемую ему высокую и почетную должность директора или управляющаго названными театрами.

Что же касается увѣдомленія о привезенныхъ за проданныя сочиненія деньгахъ, то можно думать, что въ этомъ состоитъ намекъ на счетъ уплаты долга. Мнѣ извѣстно (и о чемъ я уже сообщалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ іюньской книгѣ журнала *Русское Обозрѣніе* за 1897 годъ), что Островскій нерѣдко обращался къ А. А. Майкову за авансами, и А. А. Майковъ охотно одолжалъ ему изъ собственныхъ средствъ, *безо всякихъ процентовъ*, даже до двухъ тысячъ рублей на продолжительный срокъ.

IV

Къ такому крупному займу прибѣгалъ Александръ Николаевичъ, вынужденный только критическимъ положеніемъ. Такъ, напримѣръ, по случаю траура въ 1881 году, недоборъ по-спектакльной платы съ Императорскихъ театровъ около 2000 р. и лишняя затрата почти такой же суммы на деревню, по случаю абсолютнаго неурожая, значительно разстроили его финансовые расчеты.

2) Письмомъ 21 декабря 1884 года подтверждается лишь сказанное выше относительно должности, что подкрѣпляется всѣми послѣдующими письмами Александра Николаевича.

3) Курсивъ въ письмахъ сдѣланъ самимъ авторомъ ихъ. Приписки же въ скобкахъ къ недописаннымъ словамъ сдѣланы мною.

4) Въ мѣстахъ, гдѣ поставлены инициалы „Н. С.“ и написано „Н. Степ.“, слѣдуетъ читать „Николай Степановичъ“ (Петровъ).

Н. Кропачевъ.

I.

Десять неизданныхъ писемъ А. Н. Островскаго къ А. А. Майкову.

1.

11 ноября 1884 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

Сегодня я возвратился изъ Петербурга и сейчасъ же по пріѣздѣ пишу вамъ. Сдѣлайте одолженіе, заѣзжайте ко мнѣ поскорѣе, какъ только найдете возможнымъ; я имѣю сообщить вамъ дѣло величайшей важности. Сочиненія я продалъ и деньги привезъ.

Искренно вамъ преданный

А. Островскій.

2.

21 декабря 1884 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

По извѣстному вамъ дѣлу имѣю хорошія свѣдѣнія изъ Петербурга. Вчера получилъ очень вѣское письмо, которое, при свиданіи, вамъ покажу.

Искренно преданный вамъ

А. Островскій.

3.

26 февраля 1885 г.

Многоуважаемый
Аполлонъ Александровичъ,

Сдѣлайте одолженіе, примите какія нибудь рѣшительныя мѣры понудить Тихонравова [1]) заняться присужденіемъ преміи. Изъ Питера есть вѣсти. „*Обособленіе мос*(ковскихъ) *т*(еатровъ) *рѣшено, но приведено будетъ въ исполненіе не ранѣе, какъ по закрытіи текущаго театральнаго сезона, дабы въ серединѣ его не произвести смуты. Тогда же Мин*(истръ) *обратится съ предложеніемъ и къ вамъ*“. Все это пока держится въ строгой тайнѣ. Меня, кажется, предварительно вызовутъ въ Петербургъ.

Искренно преданный вамъ
А. Островскій.

4.

Щелыково, 14 іюля 1885 г.

Многоуважаемый
Аполлонъ Александровичъ,

Здоровье мое, благодаря жарамъ, поправляется. Свершилось! Я получилъ неоффиціальное извѣщеніе, какъ только получу оффиціальное, поспѣшу, отъ всей души, васъ поздравить.

Я не имѣю никакихъ свѣдѣній объ Иванѣ Максимовичѣ [2]): пріѣхалъ ли онъ и какъ его здоровье? О дѣлахъ Общества послѣ, а теперь съ трудомъ держу перо въ рукахъ.

Искренно вамъ преданный
А. Островскій.

---

[1]) Ник. Сав. Тихонравовъ, покойный профессоръ Московскаго Университета, въ 1885 году былъ выбранъ Обществомъ драматическихъ писателей судьею по Грибоѣдовской преміи.

[2]) И. М. Кондратьевъ—секретарь Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

5.

Щелыково, 24 іюля 1885 г.

Многоуважаемый
Аполлонъ Александровичъ,

Здоровье мое было поправилось, но 18 числа, ни съ того ни съ сего, былъ опять сильный припадокъ, который и повторился 20-го съ удвоенной силой.

Меня огорчаетъ даже тѣнь вашего недовѣрія. Подумайте только, что у Николая Степановича [1]) одна голова, а онъ долженъ и министерствомъ управлять и создавать новое дѣло, которое должно стать историческимъ. Онъ мудрый и осторожный человѣкъ и, не обдумавъ всѣ детали, не закончитъ дѣла. Такъ, въ виду важности *общаго*, что же значитъ такая *частность*, какъ открытіе сезона недѣлей раньше, или позже,— да хоть-бы и мѣсяцемъ? А Воронцовъ [2]) скажетъ тогда, когда ему доложатъ, что пора. Вы ужъ директоръ Московскихъ Императорскихъ театровъ; ждите покойно, не рвитесь такъ къ дѣлу, еще наработаетесь до сыта.

Уважающій васъ и душевно преданный

А. Островскій.

6.

Щелыково, 12 сентября 1885 г.

Многоуважаемый
Аполлонъ Александровичъ,

Я потому не писалъ вамъ, что все самъ собирался въ

---

[1]) Николай Степановичъ Петровъ — статсъ-секретарь, бывшій главноуправляющій Контролемъ Министерства Императорскаго Двора.

[2]) Графъ Ил. Ив. Воронцовъ-Дашковъ, бывшій министръ Императорскаго Двора.

Москву; но постоянные дожди меня изолировали; дороги стали непроѣздными. Двадцативерстный переѣздъ по невылазной грязи, при дождѣ и холодномъ вѣтрѣ, для меня, больнаго человѣка, очень рискованное дѣло.

Я имѣю изъ Петербурга извѣстія, которыя и передаю вамъ буквально. На мой вопросъ, почему замедлилась реформа въ Моск(овскомъ) театрѣ, я получилъ такой отвѣтъ: „Вопросъ о самостоятельномъ управленіи Моск(овскими) театрами *рѣшенъ окончательно и безповоротно;* устройству же этого управленія, въ теченіе лѣта, помѣшало отсутствіе изъ Петербурга какъ Всеволожскаго [1]), такъ, главнымъ образомъ, гр. Воронцова и, наконецъ, Государя. Впрочемъ и вообще лѣтомъ у насъ всѣ разъѣзжаются и всякія дѣла затихаютъ и останавливаются, такъ что при всемъ желаніи сдѣлать лѣтомъ что-нибудь серьезное, обыкновенно оказывается, что ничего не подѣлаешь. Какъ только возвратятся Государь и гр. Воронцовъ, тотчасъ же приступлено будетъ къ устройству управленія Моск(овскими) театрами, для чего и будетъ вызванъ Майковъ; такъ что къ новому году все должно быть приведено къ окончанію“.

Да я полагаю, что, и по контрольнымъ соображеніямъ, *новое самостоятельное* [2]) начальство никакъ не можетъ взяться за дѣло прежде, чѣмъ сведетъ счеты по бюджету *старое* [3]), находящееся въ подчиненномъ положеніи.

Теперь дорога поправляется, и я, вѣроятно, самъ скоро пріѣду въ Москву; намъ нужно серьезно переговорить обо многомъ.

Искренно вамъ преданный

А. Островскій.

---

[1]) И. А. Всеволожскій — бывшій директоръ Императорскихъ театровъ.
[2]) Управляющій Императорскими Московскими театрами.
[3]) Управляющій конторою Императорскихъ Московскихъ театровъ.

IX

7.

П.-Б., 10 ноября 1885 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

Сдѣлайте одолженіе, извѣстите меня телеграммой, какъ ваше здоровье и можете ли вы отважиться на поѣздку въ Петербургъ. Ваше присутствіе здѣсь необходимо. Министръ пріѣзжаетъ въ середу. Вчера Н. С. Петровъ просилъ меня написать вамъ, чтобы вы, если можете, пріѣхали въ Петербургъ немедленно *частнымъ образомъ*. Болѣзнь ваша его очень безпокоитъ. Министръ васъ избавитъ отъ непріятнаго объясненія съ начальствомъ, онъ отъ себя увѣдомитъ кн. Долгорукова [1]). Дѣло пока, до пріѣзда Министра, стараются, не оглашать. Совѣщанія у меня съ Н. С. ведутся постоянно и предполагаемая реформа М(осковскихъ) театровъ готова во всѣхъ подробностяхъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта.

Искренно вамъ преданный

А. Островскій.

8.

С.-Пб., 14 ноября 1885 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

Вчера я получилъ ваше письмо и очень обрадовался, что здоровье ваше, благодаря умному и осторожному лѣченью, прочно поправляется. Теперь старайтесь, главнымъ образомъ, беречь себя, не безпокоиться, ни о чемъ не думать и не пи-

---

[1]) Князь В. А. Долгоруковъ, бывшій Московскій генералъ-губернаторъ, при когоромъ А. А. Майковъ состоялъ въ должности чиновника особыхъ порученій.

сать такихъ длинныхъ писемъ. Положитесь на меня и Н. С.; все дѣло будетъ улажено какъ слѣдуетъ. О ходѣ дѣла я буду постоянно увѣдомлять васъ. Еще разъ повторяю: не думайте и не безпокойтесь.

Искренно преданный вамъ

А. Островскій.

9.

С.-Пб., 22 ноября 1885 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, въ какомъ положеніи находится ваше здоровье и какъ скоро вы, безъ вреда для себя, можете пріѣхать въ Петербургъ. Хотя нельзя сказать, что присутствіе ваше здѣсь положительно необходимо; но все-таки пріѣздъ вашъ значительно ускоритъ дѣло. Что мы должны вступить въ должность съ 1-го января — это ужъ рѣшено; но надо, чтобы утвержденіе послѣдовало заранѣе, чтобы намъ имѣть время осмотрѣться. Должность ваша будетъ носить названіе: „Управляющій Моск(овскими) Им(ператорскими) театрами“ и будетъ въ 4-мъ классѣ. Н. Степ. чуть не каждый день спрашиваетъ меня о васъ. Я рѣшился дождаться васъ въ Петербургѣ.

Искренно преданный вамъ

А. Островскій.

10.

С.-Пб., 30 ноября 1885 г.

Многоуважаемый

Аполлонъ Александровичъ,

Я очень радъ, что здоровье ваше поправляется; теперь

нужно торопиться, — дѣло стало только за вами. Было бы гораздо лучше, если бы вы выѣхали изъ Москвы въ середу. Н. С. очень занятъ, у него все время разсчитано по часамъ и минутамъ; удобнѣе всего видѣться и говорить съ нимъ въ четвергъ. Онъ у насъ [1]) по четвергамъ обѣдаетъ и остается довольно продолжительное время для переговоровъ со мной о театрѣ. Если вы пріѣдете въ четвергъ,—утромъ я васъ познакомлю съ братомъ, онъ васъ пригласитъ обѣдать, а вечеромъ перетолкуемъ съ Н. С. и всѣ дѣла порѣшимъ. Такимъ образомъ пребываніе ваше въ Петербургѣ значительно сократится, а иначе вамъ придется ждать (въ пятницу при Дворѣ праздникъ), да и переговоры вести не въ одинъ пріемъ. Скрыть отъ кн. Долгорукова цѣль вашей поѣздки вы едва ли можете; такъ какъ къ нему поступитъ на дняхъ, если уже не поступилъ, запросъ о нашей благонадежности и благонравіи. Буду ждать отъ васъ отвѣта.

Искренно преданный вамъ

А. Островскій.

II.

Записка о театральныхъ школахъ.

Въ настоящее время театральныя училища отвѣчаютъ своему назначенію невполнѣ: изъ нихъ пополняются только балетныя труппы и, надо признаться, петербургская школа въ этомъ отношеніи достигаетъ результатовъ совершенно удовле-

---

[1]) Въ Петербургѣ Александръ Николаевичъ останавливался у своего младшаго брата, статсъ-секретаря Михаила Николаевича Островскаго, занимавшаго по должности министра великолѣпную и помѣстительную казенную квартиру въ зданіи бывшаго Министерства Государственныхъ Имуществъ, у Синяго моста. Фасадъ этого зданія выходитъ на площадь, гдѣ воздвигнутъ памятникъ Императору Николаю I, а боковыя стороны—одна на набережную рѣки Мойки, а другая на Большую Морскую улицу.

творительныхъ; оперныя же и драматическія труппы, для своего пополненія, готоваго запаса въ театральныхъ училищахъ не находятъ и комплектуются случайнымъ образомъ извнѣ.

Прежде всего я позволяю себѣ обратить вниманіе коммиссіи [1]) на труппы драматическія, какъ на предметъ мнѣ болѣе знакомый и близкій. Чтобы опредѣлить цѣнность того артистическаго матеріала, которымъ, за отсутствіемъ драматическихъ школъ, поневолѣ должны пользоваться Императорскіе театры, нужно предварительно разсмотрѣть источники, изъ которыхъ этотъ матеріалъ почерпается. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Къ пятидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія сценическое искусство въ Москвѣ и Петербургѣ принялось прочно; насажденное умѣлыми руками, оно укоренилось и обѣщало сильный ростъ. Монополія сдѣлала свое дѣло, она поставила Императорскіе театры на ту высоту, на которой никакое соперничество уже не было имъ опасно, и, затѣмъ, благовиднаго предлога для дальнѣйшаго существованія монополіи уже не представлялось. Публика, привлекаемая замѣчательнымъ изяществомъ исполненія на Императорскихъ театрахъ, все возрастала.

Начало пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія было хорошею эпохой для русскаго театра. Если бы тогда былъ данъ хоть какой-нибудь просторъ національному драматическому искусству, оно бы расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Но монополія, измѣнивъ своему первоначальному назначенію и преслѣдуя только чисто барышническія цѣли, продолжала тѣснить русскую сцену. Между тѣмъ, въ публикѣ, которая успѣла уже удесятериться, жажда изящныхъ удовольствій достигла сильной степени напряженности; интеллигентное

---

[1]) Высочайше утвержденная въ 1881 году коммиссія для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго вѣдомства.

меньшинство взялось, во что бы ни стало, удовлетворять эту жажду, несмотря на монополію. Надо было придумать такіе театры, которые запретить было бы нельзя, или, по крайней мѣрѣ, очень скандально. Этою работой занята была вся мыслящая публика столицъ. Много принесено было и матеріальныхъ, и нравственныхъ жертвъ, чтобъ удовлетворить умственный голодъ публики. Патріотическія стремленія дѣятелей того времени будутъ съ честью помянуты въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, средство было отыскано: рѣшено было соединить театры съ клубами и укрыть спектакли отъ преслѣдованія монополіи названіемъ семейныхъ вечеровъ. Всякое стѣсненіе естественнаго роста производитъ неправильности въ развитіи, уродство. Такимъ уродствомъ въ развитіи драматическаго искусства въ Россіи явились клубные театры. Какъ и слѣдовало ожидать, результаты патріотическихъ усилій не оправдали ни жертвъ, принесенныхъ для ихъ достиженія, ни надеждъ жаждущей изящныхъ удовольствій публики. Искусство не можетъ существовать въ половину, и, какъ всякое прямое и чистое дѣло, не терпитъ компромиссовъ. Клубы могли дать русскому театру убѣжище отъ преслѣдованія, прикрывая спектакли названіемъ „Семейныхъ вечеровъ“, могли дать помѣщеніе, декораціи, костюмы, оркестръ, но не могли дать главнаго, то-есть артистовъ. Артисты образуются только школой и преданіемъ. Ни того, ни другаго нѣтъ въ клубахъ и быть не можетъ. Клубныя труппы составились: 1) изъ совершенно неподготовленныхъ для сцены любителей и 2) изъ провинціальныхъ артистовъ. Еще до открытія клубныхъ сценъ, существовало въ Петербургѣ и Москвѣ нѣсколько любительскихъ труппъ, игравшихъ кой-гдѣ и кой-что для собственнаго удовольствія и для удовольствія своихъ невзыскательныхъ знакомыхъ. Онѣ-то и вошли цѣликомъ въ клубы, составили основу клубныхъ театровъ; но онѣ же и

внесли порчу въ самый корень этихъ театровъ и отняли у нихъ возможность хоть сколько-нибудь прогрессировать. Что такое любитель? Это, прежде всего, человѣкъ свободный, имѣющій довольно досуга и нѣсколько обезпеченный; это человѣкъ, который имѣетъ возможность жить порядочно, не стѣсняя себя ничѣмъ обязательнымъ. Если бы онъ имѣлъ талантъ, или призваніе, или, по крайней мѣрѣ, матеріальную нужду,—онъ бы трудился, и изъ него бы вышелъ артистъ; но отсутствіе опредѣленнаго таланта и сильнаго призванія и матеріальное довольство освободили его отъ труда, — и изъ него вышелъ любитель. Искусство для него не служеніе, не серьезное дѣло, а только забава. Не вкусивъ горькаго, то-есть не пройдя правильной и строгой школы, не положивъ упорнаго труда для изученія техники своего искусства, онъ желаетъ вкусить отъ него только сладкое, то-есть лавры и рукоплесканія. Онъ не знаетъ азбуки своего дѣла, потому что не желаетъ утруждать себя; онъ не хочетъ подчиняться никакой дисциплинѣ, потому что онъ играетъ не изъ-за денегъ, и начальства надъ собой не признаетъ; онъ не учитъ ролей—это скучно; онъ хочетъ только играть — это весело и доставляетъ ему удовольствіе. Нѣкоторые сдѣлались актерами-любителями только изъ страсти рядиться, изъ желанія видѣть себя въ разныхъ костюмахъ; и вотъ такіе-то артисты, главнымъ образомъ, и покушаются играть, нисколько не задумываясь, Шекспира и Кальдерона. Такой артистъ одѣнется за часъ до поднятія занавѣса, пересмотрится во всѣ зеркала, ходитъ показывать себя на сцену и по уборнымъ,—и вотъ онъ удовлетворенъ; а какъ онъ будетъ играть, какъ пойдетъ пьеса,—это для него дѣло второстепенное; его голова занята веселою мыслью, что онъ завтра въ этомъ костюмѣ поѣдетъ по фотографіямъ и сниметъ съ себя портреты въ разныхъ пріятныхъ позахъ. Но нарядно костюмированные, красивые и ловкіе въ уборныхъ и фото-

графіяхъ, любители на сцену являются вялыми и неуклюжими. Неразвязность и неумѣлость происходятъ отъ того, что любители не умѣютъ ни ходить, ни стоять, ни сидѣть на сценѣ, что́ совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется. Между развязнымъ человѣкомъ и подготовленнымъ правильною школой актеромъ большая разница; развязность не есть актерство, развязному человѣку только легче выучиться сценическому искусству, а учиться все-таки надо. Даже у самаго развязнаго человѣка жесты однообразны и запасъ ихъ не великъ; у каждаго человѣка особенности походки, посадки, движеній рукъ и головы, даже тонъ разговора сообразно характеру, сложенію, образованію, общественному положенію, постепенно опредѣляются и закрѣпляются, и, наконецъ, такъ срастаются съ организмомъ, что дѣлаются непроизвольными. Кто не можетъ освобождаться отъ своихъ привычныхъ жестовъ, тотъ не актеръ. Какъ хорошій калиграфъ не имѣетъ своего почерка, а имѣетъ всѣ, такъ и актеръ не долженъ имѣть на сценѣ своей походки и посадки, а долженъ имѣть всякія, какія требуются данною ролью и положеніемъ. Въ нашей малоразвитой публикѣ нерѣдко случается слышать, „что актеромъ можно быть не учась, что довольно врожденныхъ способностей для того, чтобъ съ успѣхомъ подвизаться на сценѣ“; но ложность этого мнѣнія ясна сама собой. Актеръ есть пластическій художникъ; а можно ли быть не только художникомъ, но и порядочнымъ ремесленникомъ, не изучивъ техники своего искусства, или ремесла? Актеромъ родиться нельзя точно такъ же, какъ нельзя родиться скрипачемъ, опернымъ пѣвцомъ, живописцемъ, скульпторомъ, драматическимъ писателемъ. Родятся люди съ тѣми или другими способностями, съ тѣмъ или другимъ призваніемъ, а остальное дается артистическимъ воспитаніемъ, упорнымъ трудомъ, строгою выработкой техники. Нельзя быть музыкантомъ, не имѣя тонкаго слуха; но одного слуха мало,

надо еще изучить технику какого-нибудь инструмента, покорить его такъ, чтобъ онъ издавалъ чисто, вѣрно и съ надлежащею экспрессіей тѣ звуки, которые требуются тонкимъ слухомъ. Рожденному съ тонкимъ зрѣніемъ, чтобы быть живописцемъ, нужно, прежде всего, пріучить свою руку рѣшительно и точно передавать тѣ контуры, которые видитъ или видѣлъ его тонкій глазъ. Призваннымъ къ актерству мы считаемъ того, кто получилъ отъ природы тонкія чувства слуха и зрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпкую впечатлительность. При такихъ способностяхъ, у человѣка, съ самаго ранняго дѣтства, остаются въ душѣ и всегда могутъ быть вызваны памятью всѣ наружныя выраженія почти каждаго душевнаго состоянія и движенія; онъ помнитъ и бурныя, рѣшительныя проявленія страстныхъ порывовъ: гнѣва, ненависти, мести, угрозы, ужаса, сильнаго горя,—и тихія, плавныя выраженія благосостоянія, счастія, кроткой нѣжности. Онъ помнитъ не только жестъ, но и тонъ каждаго страстнаго момента: и сухой звукъ угрозы, пѣвучесть жалобы и мольбы, и крикъ ужаса, и шепотъ страсти. Кромѣ того, въ душѣ человѣка, такъ счастливо одареннаго, создаются особыми психическими процессами, посредствомъ аналогій, такія представленія, которыя называются творческими. Человѣкъ съ артистическими способностями,—по нѣкоторымъ даннымъ: описаніямъ, изваяніямъ, картинамъ, — можетъ вообразить себѣ во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ и жизнь чуждой ему народности и вѣковъ минувшихъ. Но весь этотъ запасъ, весь этотъ богатый матеріалъ, хранящійся въ памяти, или созданный художественными соображеніями, еще не дѣлаетъ актера: чтобъ быть артистомъ—мало знать, помнить и воображать,—надобно умѣть. Какъ живо ни воображай себѣ художникъ Юлія Кесаря или Жанну д'Аркъ, но если онъ рисуетъ плохо, то у него на картинѣ выйдетъ что-нибудь другое, а не Кесарь и не Жанна д'Аркъ. Точно

то же и въ актерствѣ. Чтобы стать вполнѣ актеромъ, нужно пріобрѣсти такую свободу жеста и тона, чтобы, при извѣстномъ внутреннемъ импульсѣ, мгновенно, безъ задержки, чисто рефлективно, слѣдовалъ соотвѣтственный жестъ, соотвѣтственный тонъ. Вотъ это-то и есть истинное сценическое искусство, оно-то только и доставляетъ поднимающее, чарующее душу эстетическое наслажденіе. Зритель только тогда получаетъ истинное наслажденіе отъ театра, когда онъ видитъ, что актеръ живетъ вполнѣ и цѣлостно жизнью того лица, которое онъ представляетъ, что у актера и форму, и самый размѣръ внѣшняго выраженія даетъ принятое имъ на себя и ставшее обязательнымъ для каждаго его жеста и звука обличье. Съ перваго появленія художника-актера на сцену, уже зритель охватывается какимъ-то особенно пріятнымъ чувствомъ, на него вѣетъ со сцены живою правдой; съ развитіемъ роли это пріятное чувство усиливается и доходитъ до полнаго восторга въ патетическихъ мѣстахъ, и, при неожиданныхъ поворотахъ дѣйствія, зала вдругъ оживаетъ; сначала шепотъ одобренія, потомъ рукоплесканія и крики дѣлаются единодушными. Всѣ мы знаемъ характеры, выведенные Шекспиромъ. Что же насъ манитъ и вѣчно будетъ манить смотрѣть эти характеры? Что мы смотрѣть будемъ? Мы смотрѣть будемъ живую правду. Великій художникъ далъ намъ характеры; но мы понимаемъ ихъ отвлеченно, аналитически, умомъ, а живое, конкретное представленіе этихъ характеровъ въ насъ неполно, односторонне, неясно, смутно (иначе мы сами были бы великими художниками); намъ нужно, чтобъ другой художникъ оживилъ передъ нами эти характеры, чтобъ онъ жилъ полнымъ человѣкомъ въ тѣхъ рамкахъ, какія далъ ему художникъ. Вы знаете, что говоритъ Ромео передъ балкономъ Джульетты; но вы не знаете, какъ онъ говоритъ, какъ онъ живетъ въ это время; вы желаете имѣть живую иллюстрацію къ этой сценѣ и провѣрить прав-

дивость ея своимъ непосредственнымъ чувствомъ. Поэтому понятно, что публика отнесется очень холодно къ этой сценѣ, когда передъ ней неумѣлый актеръ будетъ болѣе или менѣе только читать свою роль, которую она и безъ него знаетъ; понятенъ также и восторгъ, который вдругъ овладѣваетъ публикой, когда она видитъ передъ собой уже не актера, а именно юношу Ромео, который весь проникнутъ избыткомъ страсти и который грудным шепотомъ, гдѣ каждое слово есть продолженный вздохъ, передаетъ переполнившую его душу любовь въ душу жаждущей любви Джульетты. При художественномъ исполненіи слышатся часто не только единодушные апплодисменты, а крики изъ верхнихъ рядовъ: „это вѣрно“, „такъ точно“. Слова: „это вѣрно“, „такъ точно“— только наивны, а совсѣмъ не смѣшны; то же самое говоритъ партеръ своимъ „браво“; то же самое „это вѣрно“, „такъ точно“ повторяютъ въ душѣ своей всѣ образованные люди. Но съ чѣмъ вѣрно художественное исполненіе, съ чѣмъ имѣетъ оно точное сходство? Конечно, не съ голою обыденною дѣйствительностью: сходство съ дѣйствительностью вызываетъ не шумную радость, не восторгъ, а только довольно холодное одобреніе. Это исполненіе вѣрно тому идеально-художественному представленію дѣйствительности, которое недоступно для обыкновеннаго пониманія и открыто только для высокихъ творческихъ умовъ. Радость и восторгъ происходятъ въ зрителяхъ отъ того, что художникъ поднимаетъ ихъ на ту высоту, съ которой явленія представляются именно такими. Радость быть на такой высотѣ и есть восторгъ, и есть художественное наслажденіе; оно только и нужно, только и дорого, и культурно и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлыхъ поколѣній и націй. При талантливыхъ и хорошо подготовленныхъ исполнителяхъ художественныя пьесы не перестаютъ нравиться и оказывать вліяніе на публику; онѣ вѣчны, какъ вѣчны всѣ высокія изящныя произведенія.

XIX

Оттого-то и устанавливается всегда такая близость, такая родственная связь между актерами-художниками, исполнителями, и авторами-художниками, творцами.

Что же вноситъ на сцену актеръ-любитель? Онъ вноситъ съ собой надоѣдающую неумѣлость, зритель испытываетъ непрерывную неудовлетворенность, онъ чувствуетъ, что нѣтъ чего-то того, зачѣмъ онъ пришелъ въ театръ. Не всякій зритель можетъ уяснить себѣ, чего ему недостаетъ; но чувство неудовлетворенности остается у всѣхъ. Зритель не знаетъ, какъ надо исполнить ту или другую роль; но онъ чувствуетъ, что въ игрѣ любителей чего-то не хватаетъ. А не хватаетъ-то игры, то-есть именно того, что смотрѣть-то всѣ и ходятъ въ театръ. Зритель чувствуетъ, что на сценѣ что-то творится непохожее на то, какъ это бываетъ въ жизни; но чувствуетъ все это онъ не ясно, а смутно; онъ чувствуетъ, что дѣло не ладно; а какъ надо— онъ не знаетъ. А пустите между любителями хоть одного самаго третьестепеннаго актера, всѣ зрители заговорятъ: „вотъ это такъ, какъ должно; ахъ, какъ хорошо онъ играетъ“! А онъ играетъ совсѣмъ нехорошо, а только умѣетъ жить на сценѣ. Чтобы зритель остался удовлетвореннымъ, нужно, чтобъ передъ нимъ была не пьеса, а жизнь, чтобъ была полная иллюзія, чтобъ онъ забылъ, что онъ въ театрѣ. Поэтому нужно, чтобы актеры, представляя пьесу, умѣли представлять еще и жизнь, т. е. чтобъ они умѣли жить на сценѣ. Какъ въ жизни всякій свободенъ въ своихъ движеніяхъ и нисколько не задумывается надъ жестомъ, такъ должно быть и на сценѣ. Находясь въ многолюдномъ собраніи знакомыхъ вамъ лицъ, попробуйте изолировать себя отъ слуховыхъ впечатлѣній, т. е. заткните себѣ уши, и вы увидите, что всѣ жесты присутствующихъ совершенно свободны; походка и посадка, движеніе и покой, улыбка и серьезность совершенно таковы, каковы они и должны быть, сообразно

характеру каждаго лица. Попробуйте то же сдѣлать въ спектаклѣ любителей—и вы увидите печальную картину всеобщаго конфуза. Любитель или играетъ роль деревяннымъ образомъ, т. е. совсѣмъ безъ жестовъ, или жестъ у него противорѣчитъ словамъ, нерѣшителенъ, робокъ и всегда угловатъ. Любитель, можетъ-быть, и знаетъ, какой жестъ ему нуженъ, да не умѣетъ его сдѣлать, потому что пренебрегъ горечью труда и скукой изученія и жилъ припѣваючи. Обходиться своими привычными развязными жестами онъ сомнѣвается, зная, что они не подходятъ къ роли; оттого-то самый развязный любитель связанъ на сценѣ, онъ жмется, горбится, у него руки и ноги точно не свои.

Немного пользы принесли клубамъ и провинціальные актеры, которые, за весьма малымъ исключеніемъ, суть тѣ же любители. Въ провинціи театральныхъ школъ нѣтъ, актеру учиться негдѣ и некогда, тамъ и хорошіе актеры портятся и пріобрѣтаютъ недостатки, отъ которыхъ всю жизнь освободиться не могутъ. Прежде, лѣтъ 30—40 тому назадъ, провинціальныя труппы, которыхъ было очень немного, составлялись изъ артистовъ болѣе или менѣе подготовленныхъ; въ нихъ вошли обломки старыхъ барскихъ труппъ цѣлыми семействами, въ нихъ участвовали бравшіе продолжительные отпуски артисты Императорскихъ театровъ и кончившіе курсъ воспитанники театральныхъ училищъ, которыхъ начальство отпускало въ провинцію для практики. Въ послѣднее десятилѣтіе почти всѣ старые провинціальные актеры уже сошли со сцены; а между тѣмъ съ каждымъ годомъ число провинціальныхъ труппъ возростаетъ, и въ настоящее время уже нѣтъ почти ни одного уѣзднаго города, въ которомъ бы не было театра. Провинціальныхъ актеровъ развелось огромное количество, но между ними артистовъ, сколько-нибудь годныхъ для сцены, весьма малый, почти ничтожный процентъ; остальные—сбродъ всякаго празднаго народа всѣхъ сословій и все-

возможныхъ общественныхъ положеній. Провинціальная сцена —это послѣднее прибѣжище для людей, перепробовавшихъ разныя профессіи и испытавшихъ неудачи, которымъ больше рѣшительно некуда дѣваться; это рай для лѣнтяевъ и тунеядцевъ, бѣгающихъ отъ всякаго серьезнаго дѣла и желающихъ, не трудясь, не только быть сытыми, но еще и жуировать и занимать замѣтное положеніе въ обществѣ. Провинціальные актеры тѣ же любители, только не по охотѣ, а поневолѣ, или вслѣдствіе лѣни, и игрой своею отъ столичныхъ любителей они мало отличаются. Если они менѣе грамотны, такъ зато болѣе наглы; если они ужъ совсѣмъ никогда не учатъ ролей, такъ зато бойчѣе и безъ малѣйшаго стыда говорятъ, вмѣсто роли, всякую чушь, какая имъ въ голову придетъ; если въ нихъ менѣе неловкости и связанности, такъ зато развязность ихъ самаго дурного тона. Таковы исполнители, доставшіеся на долю клубныхъ театровъ, ими должна была удовлетвориться и удовлетворяется нуждающаяся въ эстетическихъ удовольствіяхъ публика.

Можетъ возникнуть вопросъ: какъ и почему публика удовлетворилась такими жалкими исполнителями? На этотъ вопросъ отвѣчать легко. Огромное большинство клубной публики составляютъ люди новые, незнакомые съ тонкостями сценическаго обмана, на нихъ всякое зрѣлище дѣйствуетъ обаятельно; самой незначительной сценической обстановки, плохенькихъ декорацій и костюмовъ и кой-какой игры ужъ слишкомъ довольно, чтобъ произвести въ такой публикѣ полную иллюзію. Свѣжіе люди, подъ вліяніемъ сильнаго новаго чувства, еще не могутъ различить того, что они дѣйствительно видятъ, отъ того, что они дополняютъ воображеніемъ. Кто не видалъ прежде актеровъ, тому всякій актеръ хорошъ. Да и въ развитомъ меньшинствѣ клубной публики далеко не всѣ способны оцѣнивать сценическое исполненіе. Способности сценическаго артиста обусловливаются извѣстною степенью

тонкости двухъ чувствъ: зрѣнія и слуха, и преимущественно зрѣнія, какъ чувства высшаго. Извѣстная степень развитія тѣхъ же чувствъ образуетъ и критика, т. е. человѣка, способнаго понимать и оцѣнивать правду и художественность сценическаго исполненія. У насъ же, какъ у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, не отличающихся пластичностью, зрѣніе вообще мало развито; мы больше слушаемъ и думаемъ, чѣмъ смотримъ; мы больше вслушиваемся, чѣмъ всматриваемся въ жизнь. Особенною слѣпотой отличаются въ этомъ отношеніи люди ученые, кабинетные, большую часть жизни живущіе съ отвлеченіями и идеями, а не съ образами, и для которыхъ окружающія ихъ жизненныя явленія представляютъ очень мало интереса, или даже не представляютъ никакого. А, между тѣмъ, ихъ часто считаютъ авторитетами не только въ дѣлѣ науки, но и искусства, и обращаются къ нимъ съ вопросами о способностяхъ того или другаго исполнителя.

Ничего нѣтъ мудренаго, что удовлетворительнаго отвѣта отъ нихъ не получается, такъ какъ для такихъ цѣнителей вся пластическая сторона исполненія не существуетъ. Развитіе вкуса въ публикѣ для оцѣнки всякаго рода искусствъ и для наслажденія ими зависитъ отъ качества и художественныхъ образцовъ: чѣмъ выше художественные образцы и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ правильнѣе и тоньше вкусъ въ публикѣ. То же и въ театральномъ искусствѣ: только артисты-художники развиваютъ въ зрителяхъ истинное пониманіе достоинствъ художественнаго исполненія. Разница только въ томъ, что въ другихъ искусствахъ художественные образцы остаются навсегда, все прибываютъ и постоянно служатъ путеводными маяками для вновь образующихся художниковъ и вѣчною мѣркой, масштабомъ для цѣнителей, а въ сценическомъ искусствѣ художественные образцы исчезаютъ безслѣдно, и потому, при отсутствіи хорошихъ актеровъ, вкусъ въ публикѣ постепенно понижается и, какъ мы видимъ, можетъ

упасть до того печальнаго уровня, на которомъ онъ теперь находится.

Кромѣ того, въ людяхъ есть одно свойство, которое иногда хорошо, а иногда дурно,—это уживчивость, это способность примиряться, уживаться со всякою средой, въ которой они живутъ, и въ самой неприглядной обстановкѣ находить относительно лучшее и утѣшаться имъ. То же произошло и въ театральномъ дѣлѣ: сначала любительскія труппы казались плохи, очень плохи; потомъ публика, а за ней и критика, стали къ нимъ снисходительнѣе, послышались отзывы, что, „за неимѣніемъ лучшихъ, и эти артисты не дурны“; потомъ, между совсѣмъ плохими актерами, стали выдѣляться не совсѣмъ плохіе, ихъ публика стала одобрять, вѣдь надо же кому-нибудь апплодировать,—заговорили съ легкою похвалой и газеты. Притомъ, какъ это всегда водится, у артистовъ имѣются пріятели изъ людей, легко восторгающихся; при всякомъ малѣйшемъ поводѣ они трубятъ повсюду довольно громко о новомъ талантѣ; трубные ихъ гласы проникаютъ и на столбцы газетъ, и вотъ возникаетъ извѣстность. Микроскопическія способности, да еще при отсутствіи предварительной подготовки и добросовѣстности въ исполненіи ролей, дѣлаютъ актеру-любителю *имя*, онъ начинаетъ пріосаниваться и претендовать на соперничество съ извѣстными актерами-художниками, а пріятели начинаютъ поговаривать, что въ той-то роли онъ напоминаетъ Мартынова, и тамъ-то Садовскаго. А онъ не только не Садовскій и не Мартыновъ, а и совсѣмъ не актеръ; апплодируютъ ему и вызываютъ его только потому, что, по пословицѣ, на безрыбьи и ракъ рыба, и что между слѣпыми и кривой король. Почти всѣ наши прославленные актеры-любители обязаны своею извѣстностью не талантамъ своимъ, а той людской уживчивости, о которой сказано выше.

Публика ужилась съ своими актерами и довольствуется

ими, но удовлетворена-ли она вполнѣ, удовлетворяется-ли въ ней та жажда изящныхъ удовольствій, въ которой она томилась такъ долго? Нѣтъ, не удовлетворяется, и патріотическія усилія меньшинства, желавшаго помочь публикѣ въ ея духовной нуждѣ, почти пропали даромъ. Клубные спектакли удовлетворяютъ публику только внѣшнимъ образомъ, они удовлетворяютъ не эстетическое чувство, а только любопытство. При хорошихъ актерахъ публика смотритъ исполненіе и наслаждается игрой; художественная игра въ художественной пьесѣ производитъ такое полное удовлетвореніе, такое наслажденіе въ публикѣ, что она ничего ужь больше не желаетъ, какъ только повтореній наслажденія, которое она испытала, то-есть, художественности. При хорошихъ исполнителяхъ театръ можетъ ограничиться небольшимъ избраннымъ репертуаромъ, и онъ никогда не надоѣстъ, а все болѣе и болѣе будетъ привлекать публику. На водевили — „Я имянинникъ“ и „Знакомые незнакомцы“ при игрѣ Мартынова публика рвалась, сколько бы разъ ихъ не давали. Если такія неважныя пьесы при хорошей игрѣ держались на репертуарѣ, то, при тѣхъ же условіяхъ, настоящія художественныя произведенія не должны никогда сходить со сцены. Хорошіе артисты даютъ устойчивость репертуару, что̀ весьма важно, когда репертуаръ желаютъ вести разумно, примѣняясь къ потребности и къ умственному росту публики.

Совсѣмъ другое происходитъ въ театрѣ при неумѣлыхъ, неподготовленныхъ исполнителяхъ: игры нѣтъ, жизни нѣтъ; вмѣсто жизни, царствуетъ на сценѣ довольно замѣтный конфузъ, пьеса „не идетъ“, а тянется; все кажется длиннымъ: и монологи, и діалоги, и сцены; вялое исполненіе утомляетъ; —утомляетъ и пьеса. При дурномъ исполненіи всѣ пьесы равны: и безсодержательная сказка—издѣліе драматическаго промышленника, и правдивое, сильное произведеніе поэта одинаково кажутся длинными и скучными. Характеры, ис-

полненные художественной правды, мастерская драматизировка сценъ—все это скрыто, или опошлено вялымъ исполненіемъ. Зритель удерживается въ зрительной залѣ только внѣшнимъ интересомъ, любопытствомъ; онъ смотритъ не игру, не пьесу, а одно содержаніе пьесы—фабулу. Между актами онъ интересуется тѣмъ, что̀ дальше будетъ, а къ концу пьесы онъ сильно желаетъ знать, чѣмъ она кончится. Пьеса кончается, любопытство зрителя удовлетворено, онъ доволенъ, онъ знаетъ развязку, онъ поощритъ актеровъ, вызоветъ—по добротѣ и по обычаю—главныхъ персонажей и будетъ аплодировать довольно громко, если окончаніе пьесы благополучное; но ужъ въ другой разъ смотрѣть эту пьесу не пойдетъ. Зачѣмъ ему? Онъ знаетъ, чѣмъ она кончается, ему давай новую. При плохихъ актерахъ ужъ не можетъ быть никакого репертуара. Чтобъ удовлетворять любопытство—нужно разнообразіе, нужно каждый день новую пьесу, какъ въ провинціи: вчера *Гамлетъ*, нынче—*Дѣло Плеянова*, завтра—*Испанцы въ Перу*, послѣ завтра—*Ермакъ, покоритель Сибири*, потомъ *За монастырскою стѣной, Сошествіе апраксинскаго купца въ адъ* и т. д. Пьесы идутъ, большею частію, по одному разу, поэтому порядкомъ ихъ репетировать и учить роли не стоитъ, да и времени нѣтъ; большая пятиактная драма ставится въ одинъ день, много въ два; а въ представленіе всѣ актеры идутъ за суфлеромъ; исполненіе, падая разъ отъ разу, становится почти дѣтскимъ. Вотъ до чего доходитъ неминуемо сцена при отсутствіи талантливыхъ и прошедшихъ школу актеровъ; при неумѣлыхъ исполнителяхъ, сцены не имѣютъ ни смысла, ни значенія, — это не храмы, это даже не балаганы для забавы, потому что въ нихъ ничего забавнаго нѣтъ, кромѣ претензій и смѣлости людей, берущихся не за свое дѣло. Это просто большія залы, устроенныя для пустой и безсмысленной траты времени, какъ зрителями, такъ и исполнителями.

Въ такомъ именно положеніи и находятся въ настоящее время клубныя и другія частныя сцены; онѣ не только не способствуютъ развитію драматическаго искусства, но мѣшаютъ ему и понижаютъ вкусъ публики, понижаютъ такъ послѣдовательно, такъ рѣшительно, что становится страшно за будущность русской сцены. Если прислушаться къ разговору публики, посѣщающей театры, къ отзывамъ прессы, къ поученіямъ, которыя произносятъ во время антрактовъ теперешніе заправители вкуса, эти слѣпые вожди слѣпыхъ, можно подумать, что или ни у кого изъ этихъ господъ нѣтъ даже органа для пониманія изящнаго, или что у насъ сценическое искусство еще только возникаетъ, и зрители еще смотрятъ на сцену съ младенческою улыбкой въ блаженномъ невѣдѣніи того, что хорошо, что дурно. Какъ будто у насъ не было труппы, рѣдкой по способностямъ и по сценической подготовкѣ, превосходно подобранной, а по полнотѣ и по обилію талантовъ даже на вторыя роли и аксессуары лучшей въ Европѣ! Какъ будто у насъ не было цѣнителей, не было совсѣмъ установленныхъ принциповъ для сужденія объ изящномъ, не было публики, чуткой къ мельчайшимъ повышеніямъ и пониженіямъ уровня искусства на сценѣ! Все это было и все погибло, исчезло безслѣдно.

Единственною причиной такого оскудѣнія сценическаго искусства въ Россіи должно считать излишнюю продолжительность театральной монополіи. Постоянное, неутомимое преслѣдованіе драматическаго искусства не прошло даромъ и самимъ гонителямъ; загнанная въ клубы русская сцена отомстила привиллегированнымъ театрамъ: она надѣлила ихъ своими артистами. Когда привиллегированные театры, уничтожившіе у себя драматическіе классы и упустившіе время для пополненія своихъ труппъ, стали нуждаться въ замѣщеніи вакантныхъ амплуа, предложеніе явилось со стороны актеровъ клубныхъ и любительскихъ сценъ, и его надо было

принять, такъ какъ клубные спектакли уже настолько успѣли понизить вкусъ публики, что артисты любители ей стали нравиться, сдѣлались ей знакомы, да и пресса оказывала свое посильное вліяніе. И вотъ въ труппы, когда-то хорошо составленныя и отлично подготовленныя (особенно въ Москвѣ), попадаютъ на высшіе оклады и на первые амплуа такіе исполнители, которые столько же актеры, сколько первый попавшійся на улицѣ.

Уничтоженіемъ подготовительныхъ классовъ при Императорскихъ театрахъ нанесенъ такой ударъ сценическому искусству, отъ котораго ему не поправиться очень долго, даже при самыхъ энергическихъ усиліяхъ. Надо немедленно начать исправлять дѣло, иначе мы совсѣмъ останемся безъ артистовъ. Императорскіе театры должны непремѣнно имѣть у себя подготовительныя школы для всѣхъ своихъ труппъ: *во-первыхъ*, достоинство Императорскихъ театровъ требуетъ, чтобы труппы ихъ состояли изъ артистовъ, спеціально и вполнѣ подготовленныхъ къ своему дѣлу; *во-вторыхъ*, Императорскіе театры должны служить образцами для всѣхъ другихъ театровъ, а образцовымъ театромъ нельзя быть, не имѣя образцовыхъ актеровъ; *въ третьихъ*, что самое важное, Императорскіе театры должны завести и установить у себя избранный репертуаръ, чтобы руководить вкусомъ публики и заставить ее подчиниться культурному вліянію искусства, а устойчивость репертуара, какъ уже сказано выше, невозможна безъ труппы, хорошо подготовленной и дисциплинированной.

Неразборчивое смѣшеніе умѣлыхъ съ неумѣлыми скоро принесло свои плоды: стройность въ ходѣ пьесъ стала исчезать, живость и сила тоже, и вообще исполненіе стало приближаться къ уровню провинціальнаго. Вѣдь хорошо подобранная и сыгравшаяся труппа тоже что хорошо слаженный оркестръ; а спросите дирижера, что̀ будетъ съ хоро-

шимъ оркестромъ, если пустить въ него аматеровъ и посадить ихъ въ перемежку съ музыкантами. Легкость вступленія въ артисты Императорскихъ театровъ уронила ихъ значеніе, уронило и самое званіе артиста, которое прежде стояло въ обществѣ очень высоко. Что же въ самомъ дѣлѣ стоитъ это званіе, когда завтра же каждый можетъ носить его? Что это за искусство, которое дается безъ труда? Если сценическое искусство таково, то оно не искусство, а или баловство, или шарлатанство.

При этой запискѣ прилагается проектъ курсовъ подготовительной школы для драматической сцены.

А. Островскій.

Дополнительная записка о театральныхъ школахъ.

Драматическое искусство, какъ наука, не существуетъ. Школы только подготовляютъ артистовъ для сцены, а актеромъ дѣлаютъ артиста: талантъ, изящный вкусъ, энергія, практика и хорошія сценическія преданія.

Вся задача театральныхъ школъ должна состоять въ томъ, чтобы доставлять для сцены артистовъ, которымъ строгою подготовкой дана возможность развивать свои способности и совершенствоваться. Школа даетъ артисту послушный матеріалъ, изъ котораго онъ, руководясь непосредственнымъ артистическимъ чутьемъ, то-есть талантомъ, можетъ создавать образы, полные художественной правды.

Любители и вообще артисты, вступившіе на сцену безъ технической подготовки, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи послушнаго матеріала для того, чтобы жить на сценѣ жизнью того лица, которое они изображаютъ; они обманываютъ зрителей и сами обманываются, полагая что изображаютъ какое-нибудь живое лицо. Представленіе о данномъ лицѣ такъ и

остается въ ихъ головѣ только представленіемъ, не проникая внѣшность артиста и не преображая ее въ ясно опредѣленный образъ. Игра неученыхъ артистовъ не есть лицедѣйство; это только, болѣе или менѣе, приличное чтеніе роли, сопровождаемое тщетными, нескладными усиліями согласовать свою фигуру со словами роли.

Театральныя школы должны представлять изъ себя, такъ сказать, низшіе курсы обученія сценическому искусству; высшими курсами будетъ практика, хорошія сценическія преданія — самый лучшій профессоръ сценическаго искусства.

Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жестъ должны быть, прежде всего, правильными и, наконецъ, характерными (естественными), то и курсовъ въ приготовительныхъ школахъ должно быть *три*.

Весьма желательно, чтобы на этихъ курсахъ передавались ученикамъ также нѣкоторыя знанія, тѣсно связанныя со сценическимъ искусствомъ и необходимыя для болѣе полнаго образованія артиста.

Затѣмъ имѣю честь представить на обсужденіе коммиссіи составленную мною программу приготовительныхъ для драматической сцены курсовъ. Программу эту я считаю только достаточною, и суживать ее, я полагаю, будетъ не безъ ущерба сценическому образованію; расширить же ее, если позволятъ средства, было-бы во всякомъ случаѣ полезно.

ПРОГРАММА

подготовительной драматической школы.

Курсъ I. (Чтеніе и жестъ правильные).

1) *Развитіе голоса, произношенія и слуха:*

а) *Чтеніе:* описанія и повѣствованія изъ хрестоматій; повѣствовательные и описательные монологи изъ пьесъ, по

книгѣ и наизусть, со сцены. b) *Пѣніе:* элементарный курсъ для всѣхъ: гаммы, интервалы, чтеніе нотъ, громкое чтеніе прозы и стиховъ въ данномъ тонѣ; для имѣющихъ голосъ— правильное обученіе пѣнію. c) *Музыка:* (обязательно для всѣхъ) игра на какомъ-нибудь инструментѣ, по выбору.

Обученіе музыки должно быть въ такихъ размѣрахъ, чтобы каждый могъ самъ аккомпанировать, хотя бы на гитарѣ.

2) *Развитіе жеста*:

a) Элементарное обученіе танцованію: па, позы, исправленіе походки: живыя картины, тихіе танцы, польскій, менуэтъ и прочіе бальные танцы. b) Фехтованіе.

Дополнительное преподаваніе:

3) *Рисованіе для желающихъ:*

Элементарное обученіе: черченіе.

4) *Лекціи*:

a) Исторія театра и сценическаго искусства. b) Исторія драматической литературы (въ популярномъ изложеніи).

5) *Языки:* a) Французскій (обязательно). b) Италіянскій (для желающихъ).

Курсъ II. (Чтеніе и жестъ выразительные).

1) *Развитіе произношенія, декламація.*

a) Чтеніе драматическихъ сценъ по книгѣ; драматическіе монологи преимущественно въ стихахъ, наизусть, со сцены; діалоги (умѣніе слушать). b) *Пѣніе:* несложные хоры, соло, легкіе куплеты и пѣсни съ аккомпаниментомъ и безъ аккомпанимента. c) *Музыка*: продолженіе изученія игры на инструментахъ; совмѣстная игра: легкіе дуэты, тріо и пр.

2) *Развитіе жеста:*

a) Живые танцы, позы сложныя и группировка на сценѣ; нѣмыя сцены, небольшія пантомимы, умѣніе держать себя въ разныхъ костюмахъ. b) Фехтованіе.

Дополнительное преподаваніе:

3) *Рисованіе:*

a) Изученіе перспективы для желающихъ. b) Первоначальное понятіе о гримировкѣ (для всѣхъ).

4) *Лекціи:*

a) Біографія знаменитыхъ артистовъ. b) Біографія знаменитыхъ драматическихъ писателей.

5) *Языки:* a) Французскій. b) Италіянскій.

Курсъ III. (Чтеніе и жестъ характерные).

1) *Чтеніе естественное, правдивое относительно того лица, которое артистъ исполняетъ:*

a) Считка образцовыхъ пьесъ по ролямъ, причемъ роли передаются отъ одного къ другому, такъ что каждый артистъ прочтетъ всѣ роли данной пьесы. Такимъ образомъ можно будетъ познакомиться съ особенностями учениковъ по тому или другому амплуа. Изученіе ролей въ небольшихъ пьесахъ и строгое репетированіе ихъ. (Въ продолженіе курса учениками должно быть срепетировано нѣсколько пьесъ для исполненія ихъ на годичномъ экзаменѣ). b) *Пѣніе:* исполненіе на сценѣ соло и хора. c) *Музыка:* совмѣстное оркестровое исполненіе (аккомпанированіе).

2) *Развитіе жеста:*

a) Танцы характерные и національные и пантомима (въ костюмахъ). b) Фехтованіе и умѣнье обращаться со всякаго рода вооруженіемъ.

Дополнительное преподаваніе:

3) *Рисованіе:*

a) Рисованіе декорацій. b) Характерная гримировка.

4) *Лекціи:*

a) Исторія костюма и вообще внѣшности человѣка по вѣкамъ и народамъ. b) Разборъ извѣстныхъ драматическихъ произведеній со стороны характеровъ.

5) *Языки:* a) Французскій. b) Италіянскій.

Третій курсъ долженъ быть двухгодичный. Послѣ перваго годичнаго исполненія болѣе способные ученики допускаются

на сцену для исполненія небольшихъ ролей, но съ обязательствомъ еще годъ посѣщать классы. Послѣдній курсъ назначается двухгодичнымъ для того, чтобы пріучать артистовъ къ болѣе тщательному изученію ролей и къ болѣе правильной репетировкѣ. Артистъ, который смолоду не привыкъ читать ролей, не будетъ знать своихъ ролей никогда.

Приготовительные драматическіе курсы назначаются для экстерновъ (приходящихъ). Принимаются ученики обоего пола, окончившіе курсъ въ гимназіи или, по крайней мѣрѣ, въ прогимназіи, возрастомъ отъ 14 до 19 лѣтъ, по экзамену, и только тѣ, которые несомнѣнно имѣютъ подражательныя способности. Количество учениковъ зависитъ отъ помѣщенія, потому что расходы по обученію будутъ одинаковы какъ для малаго, такъ и для большаго числа учениковъ.

А. Островскій.

III.

Отношеніе къ г-ну Управляющему Императорскими Московскими театрами.

По драматической трупѣ прежде всего даетъ себя чувствовать весьма ощутительный недостатокъ режиссерскаго персонала. Въ Московскомъ Маломъ театрѣ режиссерскія обязанности исполняютъ двое: режиссеръ Черневскій и помощникъ его Кондратьевъ; тогда какъ въ Петербургѣ за этимъ дѣломъ ходятъ пять человѣкъ. Двухъ режиссеровъ вообще едва достаточно и для постановки самой несложной пьесы съ малымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ. Но условія сцены Московскаго драматическаго театра таковы, что и въ несложныхъ пьесахъ двумъ режиссерамъ управляться затруднительно.

XXXIII

Сцена Московскаго театра не глубока и часто открывается во всю длину, а бока заставлены декораціями, для которыхъ другаго помѣщенія не имѣется, такъ какъ кругомъ сцены проходу нѣтъ, и режиссеръ, правящій пьесу, чтобы выпускать артистовъ то съ одной, то съ другой стороны, долженъ спускаться въ люкъ и пробѣгать подъ сценой съ одной стороны на другую и обратно. Когда же приходится выпускать единовременно съ двухъ сторонъ, то рѐжиссеръ долженъ подавать артистамъ, находящимся на противоположной сторонѣ телеграфическіе знаки, которыхъ артисты иногда могутъ и не замѣтить. Понятно, что при постановкѣ пьесъ сложныхъ, съ большимъ персоналомъ, съ народными сценами, какъ бы ни трудились два режиссера, дѣло вполнѣ удовлетворительно идти не можетъ, и строгихъ требованій къ режиссерамъ, не нарушая справедливости, предъявлять нельзя. Если же (какъ было два года тому назадъ при постановкѣ *Орлеанской Дѣвы*) одинъ режиссеръ захвораетъ, тогда уже театральное начальство должно будетъ довольствоваться и тѣмъ, что пьеса во время представленія не останавливается, а идетъ хоть какъ-нибудь.

Но искусство, какъ все высокое, требуетъ строгаго служенія. Порядокъ — не роскошь дорого сто́ящая; напротивъ, онъ очень дешевъ, и Императорскій театръ, въ силу своего высокаго титула, воспитательнаго значенія и огромныхъ затратъ, долженъ быть учрежденіемъ образцовымъ, то-есть такимъ, въ которомъ прежде всего обязателенъ порядокъ. При двухъ лицахъ — режиссеръ и помощникъ режиссера — некому исполнять должность режиссера-сценаріуса; а это — недостатокъ весьма важный, много вредящій ходу представленій. На сценаріусѣ лежитъ обязанность заботиться о внѣшней сторонѣ постановки; онъ долженъ наблюдать, чтобы заблаговременно, до начала представленія, на сценѣ все было готово къ поднятію занавѣса: декораціи, мебель и мелкія

аксессуарныя вещи; чтобы, до прибытія артистовъ къ спектаклю, у каждаго въ уборной было готово все, что ему необходимо по его роли: костюмъ, обувь, оружіе и проч.

При настоящемъ веденіи дѣла, за отсутствіемъ режиссера-сценаріуса, часто должны происходить и происходятъ безпорядки, какимъ вовсе не мѣсто въ образцовомъ Императорскомъ театрѣ: или новые костюмы, къ первому представленію пьесы, приносятся въ театръ предъ самымъ началомъ спектакля и, по примѣриваніи ихъ, на половину оказываются негодными и сейчасъ же отправляются въ гардеробъ, чтобы висѣть тамъ безъ употребленія, а актеры должны наскоро подбирать подходящіе костюмы изъ старыхъ; или же прислуга перепутаетъ обувь, и актеръ, измученный, послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ примѣриваній, все-таки играетъ въ обуви, которая ему не по ногѣ, раздражается и теряетъ спокойствіе духа, необходимое ему для успѣшнаго исполненія роли; или прибранный актерами для роли какого-нибудь бѣднаго старика характерный, старый, поношенный костюмъ вдругъ, безъ справки и спросу, уничтожается за ветхостью, или передѣлывается гардеробнымъ начальствомъ и, взамѣнъ его, подаютъ актеру новый, щеголеватый, съ иголочки. Сверхъ того, много препятствуетъ правильному ходу театральнаго дѣла незначительное образованіе и незнаніе иностранныхъ языковъ лицами, служащими по режиссерской части, такъ какъ все образованіе ихъ, по большей части, ограничивается курсомъ театральной школы.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, чтобы, по возможности, улучшить режиссерскую часть въ Императорскомъ Московскомъ драматическомъ театрѣ, я имѣю честь предложить пока слѣдующія мѣры:

1) Помощника режиссера Кондратьева назначить вторымъ режиссеромъ, причемъ должность сценаріуса должна будетъ исполняться однимъ изъ режиссеровъ, или обоими поочередно

(это покажетъ опытъ). Уже и въ настоящее время, при двухъ лицахъ режиссерскаго персонала, строгаго разграниченія обязанностей между ними нѣтъ, и режиссеру приходится исполнять должность помощника, и помощнику—должность режиссера. Когда же на нихъ будетъ возложена еще должность сценаріуса, то обязанности ихъ совершенно сравняются, а слѣдовательно должны быть сравнены и званія, ими носимыя. Назначеніе втораго режиссера не будетъ новостью; за эту мѣру есть опытъ: во время процвѣтанія Императорскаго Малаго театра, при Верстовскомъ, въ драматической труппѣ было два режиссера: Соловьевъ и Акимовъ.

2) Въ помощь режиссерамъ назначить исправляющимъ должность помощника режиссера вновь принятаго актера Дубровина (Ватсона) безъ вознагражденія, такъ какъ, при опредѣленіи его къ театру, ему, противъ другихъ, вновь вступающихъ, назначенъ высшій окладъ съ тѣмъ именно, чтобы онъ постоянно былъ въ театрѣ на репетиціяхъ и въ спектакляхъ и приглядывался къ обязанностямъ режиссера, исполняя притомъ всѣ роли, которыя ему будутъ поручены. Ватсонъ—человѣкъ образованный, энергическій, горячо любящій драматическое искусство, владѣетъ иностранными языками: англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, и можетъ быть командированъ для изученія постановки классическихъ пьесъ, въ особенности Шекспира, за границу.

Такимъ образомъ Императорскій Малый театръ можетъ войти въ общеніе съ заграничными театрами, и при посредствѣ Ватсона, при нашихъ опытныхъ и энергическихъ режиссерахъ, режиссерское управленіе въ немъ можетъ быть поставлено на ту высоту, на какой оно стоитъ въ лучшихъ театрахъ Европы и на какой ему слѣдуетъ стоять въ образцовомъ русскомъ театрѣ.

3) Въ пьесахъ сложныхъ для исправленія должности вто-

раго помощника режиссера слѣдуетъ приглашать кого-нибудь изъ болѣе опытныхъ и расторопныхъ актеровъ, напр. Адамова, съ платой отъ 1 р. до 1 руб. 50 коп. за спектакль, что большаго расхода не составитъ, такъ какъ спектаклей съ очень сложною постановкой болѣе 10—15 въ годъ не представится.

Представляя означенныя соображенія, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о назначеніи въ Московской драматической трушѣ должности втораго режиссера представить на утвержденіе его сіятельства г. министра Императорскаго Двора.

А. Островскій.

IV.

Записка о Театральномъ Училищѣ.

Цѣлью учрежденія при Императорскихъ Московскихъ театрахъ училища было образованіе постояннаго запаса артистическихъ силъ для пополненія всѣхъ трупъ. Училище поставляло для всѣхъ трупъ театра молодыхъ артистовъ, ловкихъ, вполнѣ готовыхъ для сцены и воспитанныхъ въ извѣстныхъ, установившихся въ Московскомъ Императорскомъ театрѣ, традиціяхъ. Своимъ недавнимъ процвѣтаніемъ Московскій Императорскій театръ обязанъ былъ преимущественно своему училищу. Стройный ансамбль, живость и изящество исполненія только и возможны были при той богатой сценической техникѣ, которою обладали бывшіе ученики театральнаго училища.

Въ послѣдствіи, по экономическимъ соображеніямъ, преподаваніе въ театральномъ училищѣ было сужено, уничтожены были классы драматическіе, обязательнымъ оставленъ только танцовальный классъ, а театральное училище было

приспособлено спеціально для балета. Неудобство этой мѣры оказалось скоро: когда открылась надобность пополнять драматическую труппу молодыми силами, то, за неимѣніемъ артистовъ, обладающихъ сценическою техникой и подготовленныхъ правильнымъ обученіемъ, пришлось довольствоваться неловкими и неумѣлыми, но уже имѣющими нѣкоторую извѣстностъ и дорого себя цѣнящими актерами провинціальныхъ и любительскихъ сценъ.

Вновь вступающіе неподготовленные и неумѣлые актеры, внося въ оживленную труппу чуждую Московской сценѣ вялость и постепенно понижая уровень исполненія, уронили его довольно низко; съ этимъ сталъ падать и интересъ спектаклей, и послѣдовало замѣтное охлажденіе публики къ театру.

Не оправдались и экономическія соображенія: неумѣлые и приносящіе мало пользы театру актеры потребовали большое жалованье; имѣющій хоть какую-нибудь извѣстность провинціальный или клубный актеръ, при вступленіи въ театръ сразу требовалъ maximum вознагражденія по тому амплуа, на которомъ его принимали и на которомъ онъ считалъ себя уже готовымъ артистомъ, завершившимъ свое сценическое образованіе. Дирекція, за неимѣніемъ запаса артистовъ, доставляемаго Театральнымъ Училищемъ, должна была принимать тяжелыя условія актеровъ частныхъ сценъ и платить имъ очень большое жалованье; тогда какъ прежде талантливые и хорошо подготовленные ученики училища обязаны были, за даровое обученіе, служить на жалованьи, назначаемомъ имъ по усмотрѣнію дирекціи, обыкновенно очень небольшомъ.

Такимъ образомъ неумѣлые и мало полезные театру актеры обходятся теперь дирекціи во много разъ дороже, чѣмъ обходились прежніе талантливые и отлично подготовленные артисты.

Прежде изъ училища выпускали учениковъ всѣхъ одинаково, на самый низшій окладъ, и это была очень умная мѣра. Училище не поставляло готовыхъ дорогихъ актеровъ, да и не могло поставлять; оно выпускало изъ своихъ стѣнъ только талантливыхъ учениковъ, вполнѣ подготовленныхъ къ сценѣ, которыми вся техника сценическаго искусства была усвоена въ совершенствѣ; актерами эти ученики дѣлались на сценѣ. Они, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались постоянно совершенствоваться; къ этому побуждало ихъ желаніе выбиться поскорѣе изъ необезпеченнаго и приниженнаго положенія артистовъ послѣдняго разряда, получать постепенно прибавки къ жалованью и занять соотвѣтствующее ихъ способностямъ видное мѣсто между извѣстными уже артистами труппы.

Такимъ образомъ на Московской сценѣ былъ постоянный прогрессъ исполненія пьесъ, происходилъ ростъ талантовъ. Эстетическое наслажденіе, доставляемое сценой, не ослабѣвало, а усиливалось; молодые, талантливые школьники, выпущенные на 300 руб. жалованья, выростали, на глазахъ публики, въ великихъ артистовъ; публика привязывалась къ нимъ, гордилась ими и горячо имъ сочувствовала.

Слѣдя все съ большимъ наслажденіемъ за возрастающими успѣхами своихъ актеровъ, публика связывалась и съ театрами узами прочной симпатіи. Актеры, вступившіе съ воли, ни интересовать, ни привлекать публику въ такой степени не могутъ. Они сначала производятъ даже своею неловкостью и однообразіемъ непріятное дѣйствіе; прогресса, за весьма малыми исключеніями, въ ихъ исполненіи нѣтъ; впослѣдствіи публика привыкаетъ къ этимъ актерамъ,—и только; сочувствія они не вызываютъ. Равнодушіе къ актерамъ порождаетъ и равнодушіе къ театру.

Въ настоящее время уже сознана настоятельная необходимость вновь расширить программу преподаванія въ Теа-

тральномъ Училищѣ и учредить при немъ классы, подготовляющіе артистовъ для драматической сцены, для чего требуется сдѣлать въ положеніи объ училищѣ нѣкоторыя перемѣны и увеличить составъ служащихъ лицъ.

Въ существующемъ теперь (1886 г.) Театральномъ Училищѣ числится: 1) живущихъ въ училищѣ штатныхъ воспитанницъ—15 казенныхъ и 25 своекоштныхъ; 2) экстерновъ штатныхъ—30 воспитанницъ и 30 воспитанниковъ; налицо 51 воспитанница и 33 воспитанника, — всѣхъ воспитанниковъ обоего пола налицо 120 [1]). Существованіе сверхштатныхъ воспитанницъ вызвано необходимостью: обширность сцены Московскаго Большаго театра требуетъ постоянно, при балетахъ и оперныхъ спектакляхъ, большаго числа малолѣтнихъ разнаго возраста; кромѣ того, нерѣдко, единовременно съ Большимъ театромъ, малолѣтніе исполнители требуются для нѣкоторыхъ пьесъ и на Малый.

Я полагаю, что, вмѣсто принятія сверхъ штата воспитанницъ—экстернъ, было бы полезно увеличить штатъ пансіонерокъ (платящихъ по 250 р. въ годъ) 10-ю воспитанницами. Пансіонерки платящія, принадлежа къ семействамъ болѣе достаточнымъ, грамотнѣе и развитѣе другихъ; изъ числа 50-ти воспитанницъ, живущихъ въ школѣ съ малолѣтства, будетъ хорошій выборъ для классовъ драматическихъ. Воспитанницы, прошедшія балетную школу и уже освоившіяся со сценой, гораздо способнѣе принимаемыхъ съ воли. Почти всѣ лучшія наши актрисы, бывшія и настоящія, вышли изъ балета. И въ матеріальномъ отношеніи такая мѣра была бы небезвыгодна. Помѣщенія и мебели для десяти лишнихъ въ училищѣ

---

[1]) Въ итогѣ, очевидно, А. Н. Островскій сдѣлалъ описку, или же для округленія цифры написалъ 120. Надо читать—124, изъ которыхъ живущихъ въ училищѣ казенныхъ и своекоштныхъ воспитанницъ—40, и наличныхъ экстерновъ: воспитанницъ — 51 и воспитанниковъ—33. Въ свое время этой описки я не замѣтилъ.

Н. К.

достаточно. На прибавку платья, бѣлья и обуви потребуется лишь единовременно не болѣе 540 руб. Платы съ 10 пансіонерокъ будетъ получаться 2500 руб. въ годъ; за расходомъ на содержаніе ихъ, изъ этихъ денегъ будетъ ежегодно оставляться сумма, достаточная на плату одной лишней надзирательницѣ и двумъ учителямъ.

Затѣмъ, и при существованіи вновь учреждаемаго драматическаго отдѣленія, всѣ нынѣ существующіе классы въ училищѣ должны быть сохранены, подъ названіемъ „приготовительныхъ“, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ: 1-ое) для пополненія балетной труппы, 2-ое) на удовлетвореніе потребности въ малолѣтнихъ исполнителяхъ для сценъ балетной, оперной и частію драматической, 3-е) для болѣе солидной подготовки учениковъ для драматическихъ классовъ.

Но, сохраняя, подъ названіемъ Приготовительнаго Отдѣленія, Театральное Училище въ его настоящемъ видѣ, необходимо увеличить нѣсколько бюджетъ его. Штаты Театральнаго Училища, составленные въ 1827 году, уже не соотвѣтствуютъ современнымъ потребностямъ жизни; такъ, напримѣръ, надзирательницы, говорящія по-французски, по штату 1827 года, получали 400 р. ассигнаціями въ годъ, что̀ было достаточно; онѣ и теперь (1886 г.) получаютъ то же содержаніе, что̀ по переводѣ на серебро составляетъ только 114 р. 30 к. въ годъ, а въ мѣсяцъ 9 р. $52^1/_2$ коп.

Драматическіе классы должны служить для развитія въ ученикахъ техники сценическаго искусства. Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жестъ, прежде всего, должны быть правильными, потомъ выразительными и, наконецъ, естественными, правдивыми для даннаго лица, характерными, то и преподаваніе само собою распадается на три курса. Въ 1-мъ курсѣ, имѣющемъ открыться въ сен-

тябрѣ текущаго (1886) года, предполагается обученіе учениковъ: 1) чтенію отчетливому, звучному и грамматически правильному; 2) хоровому пѣнію; 3) правильному жесту (па, позы, исправленіе походки, умѣнье держаться, бальные танцы); 4) фехтованію, и дополнительнымъ предметамъ, имѣющимъ связь съ искусствомъ; 5) французскому языку; 6) исторіи театра и сценическаго искусства; 7) исторіи драматической литературы.

Преподаваніе 1-го курса предполагается раздѣлить на слѣдующіе уроки: 1) чтеніе учениками (по одиночкѣ) описаній и повѣствованій изъ хрестоматій, чтеніе описательныхъ и повѣствовательныхъ монологовъ изъ пьесъ, чтеніе совмѣстное діалоговъ и сценъ по книгѣ и наизусть, причемъ главное вниманіе будетъ обращено на ясность и отчетливость произношенія и логическую и грамматическую правильность выраженія (акцентировка),—2 учителя, 6 уроковъ въ недѣлю; 2) пѣніе—1 учитель, 2 урока; 3) танцованіе — учитель и учительница, 4 урока; 4) фехтованіе—1 учитель, 2 урока; 5) французскій языкъ — учитель и учительница, 4 урока; 6) исторія театра и исторія драматической литературы — 1 учитель, 2 урока.

Для наблюденія за преподаваніемъ и воспитанниками предполагается имѣть Класснаго Наставника, на обязанности котораго будетъ также — вести списки ученикамъ и урокамъ, сопровождать воспитанниковъ въ театръ, когда они будутъ требоваться на драматическую сцену для исполненія мелкихъ ролей, предварительно подготовлять съ ними роли и репетировать съ учениками заданные имъ уроки чтенія со сцены, исполнять должность режиссера при сценическихъ упражненіяхъ учениковъ и школьныхъ спектакляхъ, а главное, наблюдать постоянно за исполненіемъ учениками ихъ обязанностей и побуждать ихъ строго относиться къ искусству, безъ чего не возможны успѣхъ и дальнѣйшее усовершенствованіе.

При экстернахъ драматическихъ классовъ полагается одинъ надзиратель, на обязанность котораго, кромѣ надзора за учениками, возлагается приспособлять сцену училища для ученическихъ упражненій и школьныхъ спектаклей, заботиться о декораціяхъ, мебели, бутафорскихъ вещахъ и костюмахъ, и слѣдить за выходами въ исполняемыхъ сценахъ и пьесахъ.

Въ драматическіе классы Театральнаго Училища принимаются ученики—экстерны обоего пола, имѣющіе достаточное образованіе, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ.

Комплектъ учениковъ 1-го курса состоитъ изъ 40 учениковъ обоего пола, по 20-ти каждаго. При переходѣ учениковъ въ слѣдующій курсъ, этотъ комплектъ пополняется пріемомъ новыхъ и переводомъ наиболѣе способныхъ изъ приготовительныхъ классовъ.

Продолжительность пребыванія учениковъ въ каждомъ изъ курсовъ зависитъ отъ ихъ способностей и успѣховъ. Ученики, не оказывающіе способностей къ сценическому искусству, а также старанія и успѣховъ, увольняются.

Обученіе въ драматическихъ классахъ безплатное.

Ученикамъ, окончившимъ курсъ въ драматическихъ классахъ, оказавшимъ, при хорошемъ поведеніи, успѣхи, выдается дипломъ и предоставляется званіе [1])...

Ученики, окончившіе курсъ и, по распоряженію дирекціи, зачисленные въ драматическую труппу Императорскихъ театровъ, несутъ за даровое обученіе обязательную пятилѣтнюю службу безъ контракта, съ жалованіемъ по усмотрѣнію театральнаго начальства.

А. Островскій.

---

[1]) Здѣсь въ „Запискѣ“ оставленъ пробѣлъ. Островскій спрашивалъ у меня: „удобно-ли дать званіе *свободнаго художника*?“ Впрочемъ, вопросъ этотъ онъ думалъ разрѣшить по соглашенію съ А. А. Майковымъ.

Н. К.

V.

Объяснительная записка къ оперному бюджету на 1886 г.

Въ прошедшій сезонъ, и особенно въ первую половину его (1885 г.) средній сборъ съ оперныхъ спектаклей былъ не высокъ. Равнодушіе публики къ оперѣ произошло, во-первыхъ, отъ однообразія репертуара; въ прошлый сезонъ не было поставлено ни одной новой оперы; пять-шесть старыхъ заигранныхъ съ однимъ и тѣмъ же персоналомъ, постоянно чередуясь передъ публикой, привлекать ее не могли; во-вторыхъ—отъ состава персонала.

Приступить къ улучшеніямъ того и другого было весьма затруднительно. Превышеніе расходовъ въ прошломъ году, сдѣланное *прежнимъ* управленіемъ, вызвало еще гораздо большее превышеніе и въ нынѣшнемъ. Еслибы *настоящее* управленіе оставило безъ измѣненія прежній персоналъ, то по контрактамъ, заключеннымъ прежнимъ управленіемъ, оно должно было бы къ 1 января 1887 года израсходовать 170833 р. 16 к. на персоналъ, 87240 р. на хоръ, что составило бы сумму 258073 р. 16 к., превышающую бюджетъ на 26473 р. 16 к. При семъ прилагается и списокъ окладовъ по оперѣ [1]).

Сокращенія расходовъ для настоящаго управленія были затруднительны тѣмъ, что съ артистами ненужными и непріятными для зрителей были заключены предварительно долгосрочные контракты. Увольнять же артистовъ хорошихъ и любимыхъ публикой значило бы дѣйствовать въ ущербъ сборамъ и безъ того невысокимъ. Оперная труппа состоитъ изъ

---

[1]) Списка этого въ моихъ бумагахъ не нашлось, да онъ и не интересенъ теперь, ибо со смертію А. Н. Островскаго, можно сказать, отошелъ въ область преданій.

Н. К.

артистовъ далеко неравныхъ ни по качеству голоса, ни по умѣнью пѣть: очень немногіе пѣвцы пользуются симпатіей публики; къ остальнымъ публика равнодушна, а къ нѣкоторымъ относится съ видимымъ неудовольствіемъ. Нельзя составить почти ни одного спектакля, который бы производилъ полное, цѣльное впечатлѣніе. Труппа составлена безъ выбора, случайно; въ нее вошли: теряющіе или потерявшіе голоса, переведенные изъ петербургской оперы, оставлены безполезные остатки бывшей московской оперы и приняты вновь ненужные и возбуждающіе неудовольствіе пѣвцы.

Чтобы поднять интересъ оперныхъ спектаклей слѣдовало принять рѣшительныя и быстрыя мѣры и по репертуару, и по составу персонала. Ни полумѣры, ни постепенныя улучшенія—желанной пользы не принесутъ. Чтобы публика сразу могла почувствовать улучшеніе—нужна перемѣна рѣзкая.

Для успѣха, для рѣшительнаго поворота мнѣнія публики въ пользу русской оперы нужно, чтобы оперные спектакли производили полное, цѣльное художественное впечатлѣніе; чтобы постановка была тщательная; чтобы подборомъ исполнителей достигался ансамбль.

Новая дирекція, вступивъ въ управленіе театрами среди сезона, была стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ. Начинать постановку новой оперы въ январѣ было неудобно и невыгодно: во-первыхъ, репетиціямъ на сценѣ мѣшала бы постановка новаго балета; во-вторыхъ, новая опера, которую успѣли бы поставить только къ масляницѣ, когда сборы и на старыя оперы хороши, потеряла бы интересъ новизны для будущаго сезона. Оставалось возобновлять старыя оперы съ новымъ персоналомъ, что и имѣло успѣхъ: старыя, заигранныя плохими исполнителями и не дававшія сборовъ оперы *Руслань* и *Русалка*, при новомъ персоналѣ, смотрѣлись публикой съ большимъ интересомъ, имѣли успѣхъ и давали большіе сборы. Обновленіе репертуара было отложено до будущаго сезона,

и съ этою цѣлью заготовлены уже постановкой двѣ новыя оперы: *Корделія* Соловьева и *Черевички* Чайковскаго, готовится третья — *Мефистофель* Бойто, и предполагаются къ возобновленію съ новымъ персоналомъ *Робертъ Дьяволъ* и *Донъ-Жуанъ*.

Введеніемъ въ репертуаръ трехъ новыхъ оперъ и двухъ возобновляемыхъ достаточно обезпечивается интересъ оперныхъ спектаклей въ продолженіе всего будущаго сезона.

Но, чтобы новыя оперы возбуждали интересъ и имѣли успѣхъ, требуется и обновленіе состава исполнителей, что сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями: во-первыхъ, съ ненужными артистами, какъ уже сказано, возбуждающими неудовольствіе въ публикѣ, заключены долгосрочные контракты; уволить ихъ въ настоящее время можно, только заплативъ неустойку. Напримѣръ, съ басомъ—который имѣлъ въ репертуарѣ только двѣ оперы *Русланъ* и *Фаустъ* и который исполненіемъ своихъ партій въ этихъ операхъ Фарлафа и Мефистофеля возбуждалъ единодушный ропотъ,—заключенъ былъ въ прошломъ году новый контрактъ на 3 года, съ жалованьемъ по 5000 руб. Въ настоящее время года онъ совсѣмъ не нуженъ: *Фаустъ* не пойдетъ, а въ *Русланѣ* роль Фарлафа необходимо было отдать другому пѣвцу, потерявшему голосъ, но ропота не возбуждающему; въ новыхъ операхъ, предназначенныхъ къ постановкѣ, его придется по возможности избѣгать.

Другой примѣръ: съ одною пѣвицей незначительною, получавшею 2000 руб. въ годъ жалованья, заключенъ былъ (долгосрочный) контрактъ на 6000 руб. въ годъ; въ прошлый сезонъ ей были заплачены 6000 руб. даромъ и въ будущій сезонъ тоже нужно будетъ платить даромъ. Выпускать ее на сцену безъ ущерба для сборовъ нельзя: она, при небольшомъ голосѣ, очень некрасива и до крайности мала ростомъ, что, при нашемъ крупномъ оперномъ персо-

налѣ, представляетъ нѣкоторое уродство. А между тѣмъ на вторыя партіи сильный басъ и сильное сопрано, по размѣрамъ Большаго театра и для ансамбля съ прочимъ персоналомъ, необходимы.

По счастливой случайности, въ настоящемъ году были выпущены изъ Московской Консерваторіи отличный молодой басъ Антоновскій, сразу обратившій на себя вниманіе публики на публичномъ экзаменѣ въ Консерваторіи и, вслѣдъ затѣмъ, въ концертѣ Музыкальнаго Общества,—и сильная, но еще малоопытная молодая пѣвица Рубинская; не принять ихъ было нельзя.

Дознано опытомъ, что молодые сильные таланты очень выгодны для театра; ничто такъ прочно не связываетъ публику съ театромъ, ничто не вызываетъ болѣе теплыхъ симпатій ея, какъ молодые таланты, которые на глазахъ зрителей развиваются, дѣлаютъ успѣхи и становятся знаменитостями, и которые изъ школьниковъ дѣлаются артистами. Примѣръ тому мы видимъ въ г-жѣ Коровиной и г. Хохловѣ и во множествѣ другихъ случаевъ по драматической трупѣ.

Кромѣ того, молодые артисты охотно идутъ на небольшое жалованье, такъ какъ Императорскій театръ есть для нихъ продолженіе школы; изъ Консерваторіи они поступаютъ въ театръ только пѣвцами, а артистами дѣлаются уже въ театрѣ. Такимъ образомъ принятіе молодыхъ талантовъ для театра вдвойнѣ выгодно: въ одно время и завоевываются симпатіи публики, и хорошими дешевыми артистами замѣняются дорогіе плохіе.

Осязательный примѣръ тому представляетъ настоящій (1886 г.) составъ Московской оперной труппы: любимѣйшая молодая пѣвица—soprano—Коровина, постоянно привлекающая публику и дѣлающая сборы, получаетъ въ годъ 3000 руб., тогда какъ другія пѣвицы, далеко не пользующіяся такимъ расположеніемъ публики, получаютъ отъ 8000

до 9000 руб. Любимецъ Московской публики молодой баритонъ Хохловъ получаетъ 6000 руб., а потерявшій голосъ артистъ 9.000 руб. Недавно принятый на Московскую сцену басъ Бутенко, ставшій сразу знаменитостью и оказавшійся едвали не лучшимъ артистомъ въ Россіи, получалъ въ годъ 4000 руб., а другой пѣвецъ, непріятный публикѣ и отталкивающій ее, 5000 руб.

Императорскій театръ, какъ всякое Императорское учрежденіе, уже по самому своему титулу имѣетъ благодѣтельное значеніе и потому охотно открываетъ свои двери сильнымъ молодымъ талантамъ, чтобы дать имъ возможность совершенствоваться и спасти ихъ отъ гибели. Непринятые въ Императорскіе театры молодые пѣвцы должны поступать въ провинціальные театры, и тамъ, не имѣя руководства и ради барышей антрепренера, безъ отдыха и надлежащей подготовки исполняя одну за другою разныя подходящія и неподходящія партіи, рано разбиваютъ свой голосъ и теряютъ правильную манеру пѣнія.

Очень хорошее контральто г-жа Святловская и меццо-сопрано г-жа Соловьева захворали болѣзнью, мѣшающею имъ пѣть, именно полипомъ. Не возобновлять съ ними контрактовъ было бы несправедливо и безжалостно, такъ какъ болѣзнь ихъ излѣчима, и онѣ къ осени могутъ явиться со свѣжими голосами. Но не заботиться о замѣнѣ ихъ на всякій случай другими пѣвцами было бы неблагоразумно. Г-жа Святловская и Соловьева могутъ къ началу сезона не выздоровѣть, а производить ангажементъ осенью поздно, и такимъ образомъ Московская оперная труппа можетъ остаться безъ необходимыхъ для нея голосовъ: контральто и меццо-сопрано.

Къ тому же ожидался пріѣздъ Высочайшаго Двора, и для предполагаемой постановки на этотъ случай необходимо требовалось пополненіе труппы означенными голосами. Такимъ образомъ явилась необходимость имѣть двойной комплектъ

этого рода пѣвицъ, и ангажировать контральто Эйбоженко и меццо-сопрано Бѣлоху. Но приглашеніемъ этихъ новыхъ пѣвицъ, вмѣстѣ съ Антоновскимъ и Рубинской, Московскій театръ превышаетъ на нѣкоторую сумму предполагаемый въ 1886 году расходъ по оперной труппѣ.

Въ 1886 году управленіе Императорскими Московскими театрами обязано издержать на оперную труппу по контрактамъ, заключеннымъ директоромъ И. А. Всеволожскимъ— 170833 руб. 16 к. Въ виду вышеописанныхъ измѣненій въ оперной труппѣ, надо будетъ издержать на нее 173795 руб. 63 коп., а за вычетомъ сдѣланнаго въ настоящемъ году сокращенія окажется превышеніе расхода противъ прошлаго года на 2962 р. 47 к. [1]). Но это превышеніе временное и неубыточное; оно ведетъ къ значительнымъ сокращеніямъ въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ въ будущемъ 1887 году во всякомъ случаѣ окажутся свободные оклады контральто и меццо-сопрано на сумму отъ 13 до 15500 руб. и очистится окладъ пѣвицы въ 6000; въ 1888 году освободятся оклады въ 5000 р., 1500 руб. и еще въ 1500 р., очистится или значительно уменьшится окладъ въ 8500 руб. артистки, голосъ которой начинаетъ ослабѣвать, и пѣвицы— въ 2000 руб. [2]).

Тогда Московская опера будетъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ относительно полноты

---

[1]) Показанныя здѣсь цифры, можетъ быть, не точны; но, во всякомъ случаѣ, солидная передержка, – противъ бюджетнаго назначенія расхода по оперной труппѣ 231600 руб., — была сдѣлана прежнимъ управленіемъ, по признанію счетовода конторы, г. Заринга (см. 78 стр. моихъ воспоминаній).

[2]) Въ запискѣ, при всѣхъ перечисленныхъ къ освобожденію окладахъ, а также и въ мѣстахъ, гдѣ есть неодобрительные отзывы объ артистахъ, названы имена ихъ собственниковъ, но я не нашелъ удобнымъ ихъ упоминать и потому исключилъ.

Н. К.

своего состава, напримѣръ пригласить сильнаго тенора, который ей совершенно необходимъ, и затѣмъ все-таки противъ настоящаго и прошлаго сезона будетъ значительное сокращеніе, которое такъ навсегда и останется. Тогда образуется труппа совершенно достаточная по своей полнотѣ и силѣ, и расходъ на нее надо будетъ считать нормальнымъ, потому что пополненія могутъ требоваться только съ открывшимися вакансіями и окладами.

Сдѣлать сокращеніе расходовъ, чтобы покрыть показанное временное превышеніе, для новаго управленія возможно было только по оркестру. Безъ ущерба для полноты и звучности оркестра таковое и сдѣлано въ годъ на сумму 6800 рублей, а въ будущемъ году предвидится по оркестру еще значительное сокращеніе.

А. Островскій.

VI.

Списокъ артистовъ и артистокъ, служившихъ, при А. Н. Островскомъ, въ драматической труппѣ, съ обозначеніемъ времени поступленія на службу и содержанія каждаго отдѣльнаго лица [1]).

Г.г. Артисты:

Адамовъ.	23 окт. 1863 г.	600 руб.
Вильде	28 мая 1863 „	7000 „
Воронской.	23 апр. 1861 „	800 „

---

[1]) Исключительно одинъ этотъ списокъ я приложилъ къ своимъ воспоминаніямъ потому, что А. Н. Островскій,—не только какъ драматургъ, а какъ и администраторъ,—благоволилъ къ драматической труппѣ за ея корректность; за время его служенія при театрахъ, у него по дѣламъ этой труппы никакихъ недоразумѣній не было. Лица, признанныя имъ неудобными для сцены, покорно оставили свою службу при драматическомъ театрѣ. Въ спискѣ эти лица не поименованы, а содержаніе артистовъ показано въ немъ то, которое получалось ими до Островскаго.

Н. К.

Васильевъ.	22 янв. 1885 г. . . .	500 руб.	
Ватсонъ (по театру Дубровинъ)	1 янв. 1886 „	1200	„
Вронченко (по театру Левицкій [1]).	4 іюня 1877 „	500	„
Грековъ	14 апр. 1879 „	3600	„
Горевъ	22 мар. 1880 „	6000	„
Гетцманъ	22 іюля 1864 „	1200	„
Геннертъ	15 мар. 1886 „	300	„
Дурново	18 авг. 1870 „	3000	„
Гильбрантъ (по театру Арбенинъ)	5 нояб. 1885 „	300	„
Живокини.	5 іюня 1848 „	2400	„
Колосовъ	15 апр. 1842 „	2000	„
Лавровъ.	5 мар. 1859 „	1500	„
Ленскій.	1 іюня 1876 „	7200	„
Макшеевъ.	1 мар. 1874 „	6000	„
Миленскій 1-й	23 мар. 1846 „	1200	„
Миленскій 2-й.	3 окт. 1879 „	300	„
Музиль.	21 іюля 1865 „	7000	„
Невскій (Максимовъ) .	18 фев. 1882 „	3000	„
Никифоровъ.	30 окт. 1870 „	800	„
Правдинъ.	4 апр. 1878 „	6000	„
Пановъ. 1-я служба съ	24 апр. 1865,		
2-я „ съ	1 авг. 1884 „	300	„
Пашковъ. 1-я служба съ	20 нояб. 1861,		
2-я „ съ	1 авг. 1884 „	300	„
Рыбаковъ.	1 авг. 1881 „	4200	„
Рябовъ.	1 іюня 1853 „	3000	„
Рѣшимовъ.	19 авг. 1869 „	7000	„
Садовскій.	2 мая 1870 „	6000	„

[1]) Переведенъ изъ балета при А. Н. Островскомъ.

Сампелевъ	1	мая	1869 г. . . .	600 руб.
Соколовъ.	1	авг.	1884 „	300 „
Топоръ (по театру Багровъ.	15	дек.	1883 „	1500 „
Шаломытовъ	1	іюня	1850 „	800 „
Южинъ (князь Сумбатовъ)	1	іюля	1882 „	4500 „
Г-жи Артистки:				
Акимова	27	мар.	1846 „	7000 „
Арбузова.	1	авг.	1885 „	600 „
Бороздина (по мужу Музиль)	1	мая	1870 „	1500 „
Булдина	1	авг.	1884 „	600 „
Васильева	21	мая	1875 „	2400 „
Владимірова	24	дек.	1876 „	1200 „
Гофманъ.	9	авг.	1885 „	300 „
Егорова	2	дек.	1866 „	800 „
Ермолова 1-я.	16	мая	1871 „	10000 „
Ермолова 2-я	1	іюня	1877 „	1500 „
Живокини	6	янв.	1885 „	300 „
Закоркова	3	окт.	1880 „	800 „
Иванова	11	окт.	1875 „	1200 „
Іогансонъ	20	сен.	1876 „	600 „
Колпакова	1	апр.	1853 „	1200 „
Кашперова.	20	авг.	1884 „	500 „
Лукьянова	20	авг.	1867 „	600 „
Маклакова.	22	сен.	1876 „	800 „
Медвѣдева.	6	окт.	1848 „	8000 „
Матвѣева	22	мар.	1866 „	600 „
Мочалина	1	іюня	1868 „	1200 „
Никулина	23	апр.	1861 „	8400 „
Потѣхина	3	мар.	1885 „	1500 „
Правдина	1	авг.	1884 „	300 „

Павлова.	25 янв.	1865	поступила на службу къ С.-Петербур. театрамъ, а съ 1 авг. 1882 г. къ Московскимъ	800 руб.
Рыкалова	1 апр.	1846 г.	. . . . .	2400 „
Самойлова	4 окт.	1877 „	. . . . .	800 „
Садовская.	30 іюн.	1881 „	. . . . .	4800 „
Семевская	1 сен.	1882 „	. . . . .	1200 „
Сычева - Синельни-кова	5 мар.	1876 „	. . . . .	600 „
Таланова	1 авг.	1883 „	. . . . .	600 „
Уманецъ-Райская . .	1 янв.	1882 „	. . . . .	4200 „
Щепкина	15 нояб.	1877 „	. . . . .	1800 „
Яблочкина	16 апр.	1861 „	. . . . .	3000 „
Ѳедорова	30 мар.	1879 „	. . . . .	800 „
Ѳедотова	13 мая.	1862 „	. . . . .	12000 „

Режиссеръ труппы, г. Черневскій, получалъ 3000 р.; помощникъ его, г. Кондратьевъ — 2100 р., суфлеры: г. Курбатовъ—1500 р., г. Крупенинъ—1200 р., и библіотекарь, г. Матвѣевъ—800 р.

Свѣдѣній о времени поступленія на службу названныхъ лицъ у меня не имѣется.

Самъ завѣдывавшій репертуарною частію и школой Императорскихъ Московскихъ театровъ, А. Н. Островскій, получалъ 6000 р. Высочайшею волей, по смерти его, окладъ этотъ былъ распредѣленъ между членами его семейства—частію на пенсію, частію на воспитаніе (см. 108 стр. моихъ воспоминаній). *Н. К.*

Сохранная расписка № 219

1. Островский. На службе при Императорских театрах. 1901 г.

Цена 15 руб.

C°F6654